

ISSN 0131-6117

Русе-

R U S S I A N

СЕРДЦА

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2020

8

МАЙ – ИЮНЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2020

ISSN 0131-6117

Russian

R U S S K A Y A

Speech

R E C H'

MOSCOW, 2020

3

MAY - JUNE

Founded in January 1967

6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... С. Г. Ватлецов. Инвектива как эстетика и ритуал отождествления
- 22..... О. Е. Зайкина. «Слово» ХЗ в современной устной русской речи
- 35..... Э. Р. Стрейкмане. *Звонішь* и *звóнишь* — ошибка или новая норма?

Из истории русского языка

- 47..... Ж. Ж. Варбот. О некоторой специфике значений слов *ноздря* и *ухо* в русских говорах (к теме социально-исторической обусловленности изменения значений)
- 54..... К. А. Цырельчук. Гимн «Единородный Сыне»: догматический смысл и русские переводы

Язык художественной литературы

- 65..... К. М. Балашов-Ескин. Катахреза в поэтическом стиле В. А. Сосноры
- 77..... К. В. Брылева. «Слоненок» и «Альбатрос»: о бодлеровском подтексте стихотворения Гумилева
- 88..... В. В. Никульцева, В. Н. Дядичев. «Вам, разодранные в клочья...». История одной поэтической эпитафии в творчестве Марины Цветаевой
- 101..... Е. В. Шарпова. Интенсификация неградуируемых признаков в языке Ф. М. Достоевского: лингвистические механизмы и семантические эффекты

Из истории науки

- 114..... Л. П. Крысин. У истоков лингвистической экспертизы текста

Наука в лицах

- 120..... С. Д. Шелов. Академик Зализняк (1935–2017): открытия и убеждения

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Sergei G. Vatletsov*. Verbal Aggression as an Aesthetics and Ritual of Identity
- 22..... *Ol'ga E. Zajkina*. "The Word" HZ in the Everyday Russian Oral Speech
- 35..... *Elina R. Streikmane*. *Zvonish'* or *Zvónish'* — Deviation or a New Standard?

From the History of the Russian Language

- 47..... *Zhanna Zh. Varbot*. On Specific Meanings of Words *Nozdrja* and *Ucho* in Russian Dialects (On Social-Historic Aspect of Semantics Changes)
- 54..... *Konstantin A. Tsyrelchuk*. The Hymn "Only-Begotten Son": Dogmatic Meaning and Russian Translations

The Language of Fiction

- 65..... *Kirill M. Balashov-Eskin*. Catachresis in the Poetical Style of V. A. Sosnora
- 77..... *Katerina V. Bryleva*. "The Elephant" and "L'Albatros": Baudelairian Subtext in Gumilev's Poem
- 88..... *Viktoriya V. Nikultseva, Vladimir N. Dyadichev*. "Vam, Razodrannyje v Klochja...". History of Poetic Epitaphs in the Creation of M. Tsvetaeva
- 101..... *Ekaterina V. Sharapova*. Non-Gradable Attribute Intensification in Dostoevsky's Writing Style: Linguistic Mechanisms and Semantic Effects

From the History of the Science

- 114..... *Leonid P. Krysin*. At the Origins of the Linguistic Expertise of the Text

Science and Persons

- 120..... *Sergey D. Shelov*. Academician Zaliznyak (1935–2017): Discoveries and Beliefs

Инвектива как эстетика и ритуал отождествления

Сергей Германович Ватлецов, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород), vatletsov@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170004194-2

АННОТАЦИЯ: Автор выражает озабоченность высоким уровнем агрессии в современном обществе. В данной статье он исследует природу «вербальной агрессии» как идеологии отождествления. Анализ проводится с привлечением описательно-аналитического метода политического дискурса на материале современной публицистики. Автор утверждает, что инвектива функционирует как психологическая защита от эмоционального неудобства, вызванного неуспешным коммуникативным актом, с одной стороны. С другой стороны, оскорбления и выражение негативных оценок обладают признаками ритуала. В основе такого действия лежит символизм, за которым стоят идеи, мысли, поступки. Это не только импульсивная реакция психики человека, но и целенаправленная деятельность людей. Последнее позволяет инвективе развивать утилитарную функцию: оскорбление, мотивированное извлечением выгоды, в том числе в пользу третьих лиц. В зависимости от целей конфликта, которые преследуют его участники, автор выделяет инвективные «ритуал отчуждения» и «ритуал соучастия» («лояльности»). «Ритуалом отчуждения» говорящий формализует свое намерение назвать то, что ему духовно чуждо. «Ритуал соучастия» идентифицирует единение участников общения явное или мнимое. Оба типа ритуалов обладают особенностями, которые выражают идеологический климат в социуме в определенное время. Автор приходит к выводу, что ритуал отождествления на «своих» и «чужих» обладает риском его формального исполнения. Аккумуляция в социуме формализованных инвективных ритуалов приводит к повышенному уровню агрессии в нем, особенно в эпоху постмодерна и постправды, когда социальный дискурс формируется

через эмоции, а индивидуальное толкование действительности навязывается как единственное. При этом люди, надевая сквернословие магической силой, подсознательно как бы избавляются от моральной ответственности за последствия шального инвективного действия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инвектива, ритуал, публичный дискурс, отождествление, постправда, частная инвектива, публичная инвектива

для цитирования: Ватлецов С. Г. Инвектива как эстетика и ритуал отождествления // Русская речь. 2020. № 3. С. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170004194-2.

Issues of Modern Russian Language

Verbal Aggression as an Esthetics and Ritual of Identity

Sergei G. Vatletsov, Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod (Russia, Nizhniy Novgorod),
vatletsov@mail.ru

ABSTRACT: The author is concerned with a high level of aggression in the contemporary society. In this article he studies the nature of the “verbal aggression” as an ideology of identification. The article analyses political discourse in modern periodicals using descriptive and analytical methods. The author argues that on the one hand, verbal aggression functions as a psychological protection from emotional discomfort caused by unsuccessful communication. On the other hand, insulting and expressing negative evaluations resembles a ritual, which is based on symbolism consisting of ideas, thoughts and actions. This is not merely a human psyche’s impulsive reaction, but it can also be a purposeful activity. The latter helps invective to fulfill its utilitarian function: to insult someone in order to benefit from also in favor of a third party. Depending on the objectives of the participants of the conflict, the author singles out “an invective ritual of alienation” and “an invective ritual of rapport (loyalty)”. With the “ritual of alienation”, speakers formalize their intention to name things which are spiritually strange to them. The “ritual of rapport” identifies the unity of the communicants, whether its genuine or false. Both types of rituals have properties which

reflect ideological climate in the community at a certain time. The author comes to the conclusion that the ritual of identity into “us” and “them” has the risk of its formal performance. Accumulating formalized invective rituals in a community advances a high level of aggression especially in the age of postmodern and post-truth, when the social discourse is formed by means of emotions. An individual interpretation of reality is imposed as the only one. Together with this, while giving the foul language a magic force, people subconsciously seem to be dodging their moral responsibility for the consequences of their crazed invective act.

KEYWORDS: verbal aggression, ritual, public discourse, identity, post-truth, private invective, public invective

FOR CITATION: Vatletsov S. G. Verbal Aggression as an Esthetics and Ritual of Identity. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 3. Pp. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170004194-2.

Сегоднешнее общество часто характеризуют понятиями «постмодерна» и «постправды». Это такое общество, где современный дискурс формируется через обращение к эмоциям и личным убеждениям, при этом подробности реальности остаются без внимания¹. В таких условиях повышается риск, что неразделенная личная убежденность вызовет раздражение и гнев. Объект настоящей статьи — «вербальная агрессия», «инвектива», как средство выражения моральных установок и стратегии поведения.

Среди исследователей инвективной лексики неослабевающий интерес вызывают работы Р. Амана, Т. В. Ахметовой, В. Быкова, С. Г. Воркачева, С. В. Дорониной, Н. В. Думановой, В. И. Жельвиса, В. П. Жукова, Н. С. Заворотичевой, В. И. Карасика, А. Е. Кулакова, Ю. И. Левина, Х. А. Миранды, Е. В. Михальковой, Е. В. Письменного, А. Плущера-Сарно, А. Ю. Позолотина, Е. Решетниковой, О. В. Саржиной, Б. А. Успенского, В. К. Харченко, В. И. Шаховского и других. В трудах замечательных ученых «вербальная агрессия» рассматривается главным образом в русле структурной семантики, прагмалингвистики, коммуникации, лингвокультурологии, юрислингвистики. Большинство авторов проводят сравнительный анализ инвектив в разных языках, предлагают лексикографическое описание

¹ *Википедия*. Постправда [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B4%D0%B0> (дата обращения: 11.09.2018).

обсценной лексики с иллюстрированием проблем, возникающих при межкультурной коммуникации.

Цель этой статьи — раскрыть природу и описать «инвективу» как идеологию и ритуал отождествления. Теоретическая значимость настоящей работы заключается в попытке расширить и конкретизировать теоретические положения инвектологии. В частности, автор дополняет перечень двадцати семи функций инвективы И. В. Жельвиса [Жельвис 2001: 121] функциями «мобилизационная», «карательная» и «утилитарная»; вводит понятия «инвективный ритуал отчуждения» и «инвективный ритуал соучастия» («лояльности»). Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их применения в чтении курса по теории коммуникации, теории языка, социо- и психолингвистики, лингвистики текста, юридической герменевтики, при проведении лингвистических экспертиз конфликтологических текстов.

«Инвективу» определяют как «проявление любой вербальной агрессии, оценочности, экспрессивности, эзотеричности» [Жельвис 1990: 7]. Она нацелена на оппонента или психотравмирующую ситуацию и выражается посредством брани с привлечением стилистически сниженной лексики, уничижительных шуток и высказываний, грубых или саркастических замечаний. Хотя негативную оценку можно дать и при помощи нейтральных слов литературного языка. Например, летом 2018 г. известная российская писательница А. А. Старобинец была признана лучшим писателем Европы. Однако, по мнению самой писательницы, данный титул в России имеет строго негативную характеристику. Она отзывается о своем статусе так:

*«Думаю, что все дело в магии слов **«лучший писатель Европы»**. И все мои мессенджеры были переполнены сообщениями от журналистов — причем сначала это были какие-то **суперпатриотичные СМИ**, телеканал «Звезда», НТВ. А у меня, так сложилось, много хейтеров, и они уже сделали свой вывод — свою премию Старобинец получила, потому что она враг России, а Европа любит врагов России. И люди, которые меня читали в «Фейсбуке» и знают, что я, скажем так, **либерал**, увидев мое изображение на **патриотическом канале**, пишут, что Старобинец дали премию не за творческие заслуги, а за то, что она Россию ненавидит. В Европе, пишут они, любят только ненавистников России»².*

В предлагаемом фрагменте интервью выделенные слова и выражения вроде бы не должны иметь отрицательной коннотации. Однако в тексте

² Старобинец А. Пишут, что дали премию за то, что Россию ненавижу [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-44964400> (дата обращения: 26.07.2018).

легко угадывается их негативная окраска. Причину, на мой взгляд, следует искать в историческом расколе российского общества на славянофилов и западников, в современной интерпретации: традиционалисты против либералов. Оценка личности и его поведения основывается на принципе контраста, т. е. насколько модель поведения оцениваемого соответствует идеологическим и ценностным установкам оценщика. В критических суждениях как нейтральные, так и мелиоративные значения слов и выражений могут переходить в разряд пейоративных и наоборот. Так, в анализируемом тексте титул «лучший писатель Европы» воспринимается как «враг России». Аргумент прост: потому что «Европа любит врагов и ненавистников России». А лексему «(супер)патриотичный» в таком контексте следует понимать «традиционалистский», «нелиберальный».

Отсюда следует вывод, что вербальная агрессия в публичном дискурсе идеологизирована: она не может не отражать культурно-политического климата конкретного социума в определенное время, а также выражать как индивидуальные, так и коллективные ценности и интересы, нацеленные на их легитимацию и защиту. Иначе говоря, инвективная лексика находит свое место в системе ценностных координат пространственно-временной соотнесенности и характеризуется набором *переменных* качеств. Так, например, слово «стиляги» в пятидесятые годы воспринималось «сознательными гражданами», следующими нормам советской морали, как оскорбительное или опасное, поскольку молодежная субкультура стиляг ассоциировалась с врагами СССР, Западом: *сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст*. Однако после легализации джаза образ «стиляг» утратил негативное восприятие и даже получил романтическое воплощение в поп-культуре девяностых прошлого века.

Вместе с этим хочется обратить внимание, что оскорбительными могут быть признаны даже научные знания, если они вступают в противоречие с действующими традиционными нормами морали. Например, египетская певица Шерин Абдель Вахаб предстала перед судом за «распространение провокационной информации». Обвинение ей было предъявлено после публикации видеозаписи ее концерта, на котором кто-то из публики попросил ее спеть песню «Ты пил воду из Нила?». В ответ она заметила:

«Питье воды из Нила может привести к шистосомозу», болезни, возбудителем которой является тропический червь-паразит бильгарция. Профсоюз египетских музыкантов объявил о двухмесячном запрете Абдель Вахаб на выступления³.

³ Египетская певица Шима получила тюремный срок за видео с бананом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42333581> (дата обращения: 13.12.2017).

Вербальная агрессия функционирует как импульсивная реакция психики индивида, направленная на устранение эмоционального неудобства, вызванного неуспешным коммуникативным актом: общение с неприятным человеком, неблагоприятно складывающиеся обстоятельства и т. д., то есть имеет «катартическую функцию» [Жельвис 2001: 121]. Кроме того, инвектива может быть продуктом сознательной и целенаправленной деятельности, например в политике; (ангажированной) журналистике; (субъективной) гонзо- и пранк-журналистике; в профессиональной деятельности PR-компаний, которые разрабатывают инвективные стратегии на заказ; в активности пранкеров [см. Ватлецов 2018: 46–49] и троллей — как людей, так и роботов (ботов). По данным исследования компании Incapsula, пятьдесят один процент облачного трафика генерируется разнообразным программным обеспечением⁴. Тролли — это лица и электронные алгоритмы, которые занимаются «социальными провокациями или издевательствами» [Внебрачных 2012: 48–51] в виртуальном и в реальном мире, как безвозмездно, так и за вознаграждение (например, деятельность работников «фабрики троллей» в Санкт-Петербурге), индивидуально или в театрализованных флешмобах («ряженные активисты»).

Участниками инвективного акта не всегда являются «субъект» и его «жертва». Для осуществления замысла инвективы может привлекаться и третья сторона — «исполнитель инвективы». Тогда в инвективном процессе участвуют: «заказчик» (выгодоприобретатель), «исполнитель» (субъект) и «объект» (жертва). Здесь инвектива реализует «утилитарную функцию», когда исполнитель вербальной агрессии мотивирован вознаграждением. Как бы то ни было, «инвектива» как коммуникативный процесс находится в сфере квалификационно-оценочной деятельности и, следовательно, не может быть свободной от отождествления посредством негативно заряженной лексики. Она обусловлена способностью и стремлением человека сравнивать объекты друг с другом, выделить и «понижить статус объекта» [Жельвис 2001: 121]. В 2017 г. один высокопоставленный российский чиновник обратился к своему оппоненту через СМИ с такими словами:

«Вы — продукт американской пробирки; оппозиционная Моська, которая возомнила себя слоном; вам никто никогда как следует не давал по заднице, да так, чтобы печенкой почувствовать; перед тем как

⁴ 51% интернет-трафика в сети не имеет отношения к пользователям [Электронный ресурс]. URL: <https://24gadget.ru/1161049774-incapsula-51-internet-trafika-v-seti-ne-imeet-otnosheniya-k-polzovatelyam.html> (дата обращения: 15.03.2012).

перешагнуть через вас и вытереть о вас ноги, я устрою шоу с показом для всего личного состава. После этого вам стыдно будет выходить на улицу»⁵.

Здесь говорящий выражает свое и организует чужое восприятие объекта инвективы. Причудливая смесь нормативного обращения «Вы» и уничижительной бранной лексики подворотни нацелена вызвать страх и демонстрирует «карательную функцию» «инвективы», «предание анафеме». Вместе с этим звучащие в речи метафора, сравнение, квазитождество выступают средствами художественного изображения объекта номинации («эстетическая функция инвективы» у В. И. Жельвиса). И по форме, и по содержанию вербальная агрессия имеет что-то общее с примитивными мировоззрениями, такими как «тотемизм» и «зооморфизм». В основе этих явлений лежит символизм, за которым стоят идеи, мысли, поступки. На сквернословие люди подсознательно возлагают такие же надежды, что и на сверхъестественные силы тотема и зооморфного изображения («магическая, заклинательная функция инвективы» [Жельвис 2001: 121]). И чем сквернее выражения и сопровождающая их мимика, тем сильнее от них ожидается эффект отдачи. Это врожденная способность не только людей, но и животных. Последние скалят зубы или вываливаются в очень пахучих субстанциях, и все ради того, чтобы произвести устрашающий вид на своих врагов.

В арсенале царя природы больше защитных и наступательных средств, в том числе языковых. Обладая абстрактным понятийным мышлением и способностью духовно дистанцироваться от самого себя, человек эксплуатирует языковые единицы с низкой предсказуемостью благодаря тому, что они имеют условную семантику и относительно свободную валентность. Такие лингвистические способности позволяют создавать эффективные инвективные конструкции, например мифологемы. В 2018 г. один российский адмирал прославился своей агитационной речью, в которой он объяснил своим подчиненным, почему калининградский аэропорт нельзя называть именем философа Иммануила Канта и почему аэропорт должен носить имя маршала Александра Василевского. В частности, он сказал следующее:

«Кант писал какие-то непонятные книги, которые никто из моряков не читал и никогда читать не будет, этот человек предал свою родину, который унижался и на коленях ползал, чтобы ему дали кафедру.

⁵ Самые броские фразы из обращения главы Росгвардии Золотова к Навальному [Электронный ресурс]. URL: <https://vnnews.ru/social/68958-samy-e-broskie-frazy-iz-obrashcheniya-glavy-rosgvardii-zolotova-k-navalnomu.html> (дата обращения: 11.09.2018).

Да и вообще, негоже, понимаете, аэропорту области и города, где лилась кровь советских солдат и офицеров, носить имя чужестранца»⁶.

Инвективное суждение — это и процесс, и результат интерпретационной деятельности. Ф. Буслаев когда-то написал: «Словом мы выражаем не предмет, а впечатление, произведенное оным на нашу душу» [Буслаев 1992: 273]. У Э. Фромма мы находим, что все слова — это пример условных символов [Фромм 2010: 20–21]. Следовательно, инвектива объясняется способностью слов именовать объекты, внутренне не связанные между собой. Но такая гибкость и подвижность слов подразумевает и свободу понимания вложенного в них смысла. Тогда человеку приходится конкретизировать свой замысел контекстуально посредством *формализованного* инвективного ритуала, который необходимо исполнять, чтобы возлагаемые на агрессию надежды исполнились.

Согласно Э. Фромму, понятие «ритуал» толкуется как «символическое выражение мыслей и чувств посредством действия, общего для многих и выражающего общие стремления, основание коих лежит в общих ценностях»⁷. В инвективном ритуале поведение участников конвенционально предопределено: субъект нападает — объект защищается. Здесь суждения отражают конфликт мировоззрений участвующих в споре сторон. Неприятие одной стороной миропонимания оппонента говорит о неразделенных ценностных установках, например, в пранке, злой шутке, розыгрыше. Я, кстати, рассматриваю «пранк» как разновидность инвективы, поскольку в основе этой деятельности лежит агрессивное навязывание: шутник, иницируя розыгрыш, оценивает поведение или характеристику своей жертвы как отличные от более высокого, по его мнению, стандарта. Объекту насмешки остается согласиться с такой оценкой и скорректировать свое поведение в соответствии с навязываемым образцом, а значит смириться с ролью жертвы. Если же между субъектом или объектом насмешки не возникает взаимного понимания коммуникативных установок, а жертва не намерена мириться с навязываемым ей шаблоном поведения, тогда неминуемо следует конфликт, в котором одна сторона обязательно маргинализируется, отчуждается [Ватлецов 2018: 47].

Эмпирически очевидно, что маргинализация всегда озвучивается пейоративным оценочным суждением, которое символизирует нега-

⁶ Муртазин И. Чисто критика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/12/04/78801-chisto-kritika> (дата обращения: 04.12.2018).

⁷ Психологический словарь. Ритуал [Электронный ресурс]. URL: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/?id=2151 (дата обращения: 12.11.2018).

тивное отношение кого-либо к своему оппоненту или его взглядам посредством индивидуальных или общих ассоциаций. В жизни человека немало ритуалов, которые классифицируют на невербальные (пожатие руки, отдавание воинской чести и т. д.); те, когда действия сопровождаются словами (подбадривание, пение детям колыбельных и т. д.), и, конечно, вербальные (от выражения комплементов до ненависти). Речевая агрессия формализует негативную оценку объекта речи. Она — средство дистанцирования, отчуждения от него, от того, что духовно неприемлемо субъекту инвективы. Поэтому такой речевой инвективный акт считаю целесообразным называть «ритуалом отчуждения». Однако известно и то, что непродолжительные иронические, саркастические розыгрыши-подтрунивания, также являющиеся мягкими формами вербальной агрессии, могут, наоборот, выступать средствами выражения симпатии по отношению к оппоненту. Здесь реализуется «контактоустанавливающая функция» инвективы [Жельвис 2001: 121]. Такой инвективный ритуал я предлагаю называть «ритуалом соучастия». Цель ритуала соучастия — формализовать единение субъекта и объекта инвективного акта.

Однако к инвективному ритуалу соучастия субъект может обращаться и с другой целью, например с желанием, чтобы его отождествляли с какой-либо идеологией или сообществом. Он размышляет так: «Я хочу быть одним из них. Для того чтобы быть в их числе, я должен демонстрировать критику их оппонентов, иначе говоря, “враг моего друга — мой враг”». К «ритуалу соучастия» следует относить и те случаи вынужденной вербальной агрессии, когда человека понуждают оскорблять кого-либо и он подчиняется. Так происходит, например, во время массовых акций, когда власти или работодатели принуждают («сгоняют») людей участвовать в них. Тогда субъект инвективы размышляет иначе: «Я вынужден критиковать оппонентов тех, от кого я завишу, иначе я рискую иметь неблагоприятные последствия для себя». Здесь личностная идентификация субъекта инвективы играет особенную роль: она формализует лояльность, явную или мнимую. Иллюстрацией «ритуала лояльности» может служить речь зампреда ЦИК N-ска о грубом вмешательстве в избирательную кампанию с применением административного ресурса. Он призвал кандидатов отозвать свои жалобы на председателей участковых избирательных комиссий. По его мнению, фальсифицируя выборы, они действовали под давлением властей.

«Эти люди ни в чем не виноваты. Те, кто виновен, вы на них подайте заявления. У вас смелости не хватает, кишка тонка бороться против власти», — цитирует его Интерфакс. — «Их [руководителей участковых

комиссий] заставили, если они сделали что-то. Их заставили! Боритесь с теми, кто истинно виновен, а вы боретесь с женщинами. Стыдно. И выигрывать выборы таким образом стыдно, подставляя других»⁸.

Такое высказывание можно смело назвать «публичной инвективной исповедью». В предлагаемом речевом фрагменте участники демонстрируют не только конформизм, но и готовность страдать за свою преданность. Мне кажется, «ритуал лояльности» типичен для несвободных обществ (авторитарных, тоталитарных), где преобладает идеология патернализма с сильной вертикалью власти. В таких обществах отдельная личность не автономна, слаба и беззащитна. Человек вынужден ругать «врагов народа», на которых ему указывает власть. А. Г. Горнфельд указывал, что язык [авторитарного и тоталитарного] общества «растет в стране с притупленным личным почином, жизнь которой искони в значительной степени определяется начальством» [Горнфельд 1922: 14]. Описывая язык социализма, Э. Морен писал: «Всякий официальный язык предполагает определенную степень негибкости и ритуальности. Сталинский язык достиг высшей степени негибкости и ритуальности, колдовских заклинаний с обязательными для них эпитетами и сакраментальными формулами. Такой язык призван однозначно и безвариантно определять реальность. Любое высказывание должно быть сведено к дубовому языку Партии, и любое языковое выражение должно соответствовать высшему языковому образу» [Морен 1995: 57–58].

Вместе с этим «инвективная исповедь» демонстрирует явление, которое Э. Морен остроумно назвал «сотрудничающим сопротивлением» или «сопротивляющимся сотрудничеством», смысл которого заключается в том, что люди, поработанные системой, находят в самом сопротивлении возможность адаптироваться к ней и, сопротивляясь, одновременно поддерживают и питают ее. Все, что является сопротивлением, — личная жизнь против общественной, аполитизм против всеобщей политизации, воровской жаргон против казенного языка, уловки и махинации против беспрекословного подчинения и запретов, — все это тоже сотрудничество [Морен 1995: 114–115]. Следовательно, инвективные ритуалы — это языковая привычка, унаследованная от советского человека. Сквернословие — это и сопротивление, и сотрудничество: вербальная агрессия против кажущегося единства и стабильности. Такой человек может поносить кого-либо, а в душе даже симпатизировать тому, кого вынужденно ругает. И наоборот, во всеуслышание он хвалит власть, но при этом ругает ее в анекдотах или на кухне. Тогда «инвективу» следует

⁸ ЦИК решил отменить итоги выборов в Приморском крае [Электронный ресурс]. URL: <https://bbc.com/russian/news-45570851> (дата обращения: 19.09.2018).

подразделять на «явную» или «мнимую», а также на «частную» («интимную») и «публичную».

Под «частной/интимной инвективой» я понимаю такое событие или факт вербальной агрессии, свидетелями которого являются узкий круг лиц. Здесь для выражения негативной характеристики жертвы субъект, в принципе, не ограничен в привлечении лингвистических и экстралингвистических элементов для своего оценочного суждения, поскольку знает, что конфликт и средства его выражения останутся в пределах этого круга лиц. «Публичная инвектива» как факт вербальной агрессии в официальной обстановке или в сфере массовой коммуникации обычно понуждает говорящего избирательно пользоваться только теми элементами языковой системы, которые не противоречили бы нормам морали или права. Однако сегодня, в эпоху постмодерна и постправды, а также на фоне глобального огрубления речи, можно с определенной уверенностью утверждать: грань между «частным» и «публичным» инвективным дискурсом стирается. Нередко в СМИ можно услышать или прочитать очень резкие высказывания, где звучит просторечная или грубая лексика.

Однажды журналист издания «Новый Калининград» спросила губернатора Калининградской области о компенсациях за детский сад семьям с детьми, которые не могут подтвердить свою малообеспеченность. Между ними состоялся такой диалог:

- А вы вернете вот эти выплаты, компенсации за детские сады?
- Нет, наверное, не вернем.
- Почему?
- По кочану!⁹

С одной стороны, проникновение в публичный дискурс инвективной лексики свидетельствует о популяризации мировоззрения «новой искренности», когда говорящий как бы освобождается от старых коммуникативных табу и позволяет себе говорить прямолинейно. И сквернословие помогает ему эффективно донести свою мысль, как высказался один литературный персонаж Л. Жуховицкого: «Пока говорил, в самом поднялась злора, в конце даже сорвался на матерок, хотя обычно нормальных слов ему вполне хватало» [Л. Жуховицкий «Волк», цит. по: Квеселевич 2002: 464].

Идеология новой искренности вызывает привыкание общества к сквернословью. Меньше людей замечают ненормальности функционирования

⁹ *Настоящее время*. 21 октября 2017 г. «Чепушилы», «за базаром следи», «бог не фраер» — как чиновники в России общаются с коллегами и прессой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/28807889.html> (дата обращения: 21.10.2017).

инвективы в публичном дискурсе. По этому поводу Л. Рубинштейн пишет: «Главный ужас — это нынешнее состояние “общественного языка”, при котором в употребляемые многими слова не вкладывается никакого ровно значения. Вот, допустим, пишет кто-то кому-то: “Сдохни, падаль!”, или: “Таких, как вы, надо вешать на площадях”, или “С удовольствием приду плюнуть на твою могилу”. И все ужасаются кровожадности и жестокости пишущего. Так вот: никакой особенной кровожадности и жестокости. А просто — полное и радостное освобождение от какой бы то ни было языковой ответственности, эйфорическое освобождение от смысла. Чистая и звонкая глоссолалия. Так, видимо, дети в своем раннем речевом периоде восторженно и счастливо выкрикивают услышанные от взрослых слова, значения которых им неведомы, да и не интересны»¹⁰. Это действительно так. В инвективном ритуале люди, наделяя сквернословие магической силой, подсознательно как бы избавляются от моральной ответственности за последствия шального инвективного действия.

Вместе с этим инвективизация публичного дискурса сигнализирует о противостоянии в обществе. В таком социуме звучание вербальной агрессии в публичной сфере функционирует как «ритуал отчуждения», так и как «ритуал соучастия». Тогда инвектива приобретает «мобилизационную функцию». Так, например, в сентябре 2017 г. губернатор N-ской области охарактеризовал местное издание следующим образом:

У нас есть «...» (местное издание), сплетница, с ними там эти бандеровские прихвостни, вместо того чтобы говорить, что сделано, сколько <...> дети спрашивают <...> почему есть те, кто пишет плохо? А потому что они — иностранные агенты, они ничего хорошего не напишут»¹¹.

Ритуал отчуждения состоялся. За ним последовал ритуал лояльности в словах руководителя комитета общественных связей и СМИ той же области:

Деятельность этих [информационных] ресурсов мы прекрасно понимаем и оцениваем. Эта деятельность направлена на психологическую дестабилизацию руководства региона и членов ее команды. Мы работаем в абсолютно спокойном, нормальном, штатном режиме. «Информационные скунсы» могут исходить злобой, но собаки лают, а караван идет»¹².

¹⁰ Рубинштейн Л. Рубль в пограничной зоне... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/contentlive/liveblog/26675468.html> (дата обращения: 05.11.2014).

¹¹ *Настоящее время*. 21 октября 2017 г. «Чепушилы», «за базаром следи», «бог не фраер» — как чиновники в России общаются с коллегами и прессой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/28807889.html> (дата обращения: 21.10.2017).

¹² Там же.

Э. Морен афористично и справедливо написал: «оскорбление унижает все, что можно было оскорбить. Это — единственный способ избежать аргументации и дискуссии. С провокатором, подлецом, предателем не спорят — их заставляют замолчать» [Морен 1995: 58]. Тогда инвектива выступает ритуалом отождествления на «своих» и «чужих», которое сопровождается проклятием, преданием анафеме и заклеймению. У такого ритуала есть риск формального исполнения, который переходит в языковую привычку, то есть когда в произносимые заклинания и проклятия перестают вдумываться. И наступает, как удачно заметил Г. О. Павловский, «кризис идентичности», когда «ты все время не понимаешь, где ты находишься. В политическом обществе, может быть, даже очень недружественном тебе — не важно — всегда есть конфликты, и ты как-то определяешься по отношению к ним, выстраивается какой-то фронт. А здесь нет. Ты все время чувствуешь, что где-то враг, что враг где-то рядом. Но кто он? И конечно, с одной стороны, тобой легко управлять, все время предлагая тебе нового врага. А с другой стороны, в тебе просто кипит ненависть, которая, конечно, при разморозке институтов широкой волной пойдет наружу»¹³.

Выводы

«Инвектива» находится в сфере квалификационно-оценочной деятельности и, следовательно, не может быть свободной от отождествления. В этом проявляется ее эстетическая функция — художественное изображение бытия или объекта характеристики. Вербальная агрессия выражает эмоциональное состояние и ценностные установки лица, которое ее санкционирует и тем самым организует чужое восприятие объекта речи. В инвективной конструкции, или агрессивном оценочном суждении, находится символизм, за которым стоят идеи, мысли, поступки. «Инвектива» идеологизирована и отражает культурно-политический климат в социуме в определенное время.

«Инвектива» не только импульсивная реакция психики индивида, направленная на устранение эмоционального неудобства, вызванного неуспешным коммуникативным актом. Она может быть продуктом сознательной и целенаправленной деятельности и иметь утилитарную функцию. Инвектива как процесс уподобляется ритуалу: «ритуалу отчуждения» и «ритуалу соучастия» («лояльности»). Формальное, необдуманное исполнение «ритуала отождествления» на «своих» и «чужих» приобретает качества сакрального акта стигматизации и неминуемо ведет к высокому уровню агрессии в обществе.

¹³ Павловский Г. О. Особое мнение [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2535467-echo/> (дата обращения: 12.11.2019).

Литература

- Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Русск. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1992. 512 с.
- Ватлецов С. Г. О пранкинге и пранкерах. Юридический мир. 2018. № 4. С. 46–49.
- Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообщениях // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. Вып. 1. С. 48–51.
- Горнфельд А. Г. Новые словечки и старые слова: речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г. Петроград: Колос, 1922. С. 14. Цит. по: Хачак Ф. Д. Особенности русского языка советского периода в произведениях писателя-билингва // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 106–109 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2017/02/2017-02-20.pdf> (дата обращения: 22.10.2019).
- Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 2001. 352 с.
- Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: ЯГПИ, 1990. 81 с.
- Квеселевич Д. И. Русско-английский словарь ненормативной лексики. М.: «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 1120 с.
- Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. Пер. с франц. А. В. Карлова и М. А. Чешкова. М.: Наука для общества, РГТУ, 1995. 220 с.
- Фромм Э. Забытый язык: Введение в науку понимания снов, сказок, мифов: [пер. с англ.] / Эрих Фромм. М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. 251 с.

References

- Buslaev F. I. *Prepodavanie otechestvennogo yazyka: Uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov po special'nosti Russkii yazyk i literatura* [Teaching the native language. Text-book for students of Russian and Literature]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1992. 512 p.
- Fromm E. *The Forgotten Language: an introduction into the science of understanding dreams, fairy-tales, myths*. Rinehart, 1951. 263 p. (Russ. ed.: *Fromm E. Zabytyj yazyk: Vvedenie v nauku ponimaniya snov, skazok, mifov*. Moscow, AST: AST Moskva Publ., 2010. 251 p.).
- Gornfel'd A. G. *Novye slovechki i starye slova : rech' na s"ezde prepodavatelej russkogo yazyka i slovesnosti v Peterburge 5 Sept. 1921* [New buzzwords and old words. The speech at the congress of teachers of the Russian language and literature in Petersburg 5 Sept. 1921]. Petrograd: Kolos, 1922, p. 14. Cited to: Hachak F. D. [The peculiarities of the Russian lan-

- guage of the Soviet period in a bilingual writer's works]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika I mezhkul'turnaya kommunikaciya*, no. 2, pp. 106–109. (In Russ.) Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2017/02/2017-02-20.pdf> (accessed 22.10.2019).
- Kveselevich D. I. *Russko-anglijskiy slovar' nenormativnoj leksiki* [Dictionary of unconventional Russian]. Moscow, Astrel-AST Publ., 2002. 1120 p.
- Morin E. *De la nature de l'URSS.: Complexe totalitaire et nouvel Empire*. Fayard, 1983. (Рус. ed.: *Moren E. O prirode SSSR: Totalitarnyj kompleks i novaya imperiya*. Moscow, Nauka Dlya Obshchestva Publ., RGTU Publ., 1995. 220 p.)
- Vatiletsov S. G. *O prankinge i prankerah* [On pranking and prankers]. *Yuridicheskii mir*, 2018, no. 4, pp. 46–49. (In Russ.)
- Vnebrachnyh R. A. [Trolling as a form of social aggression in virtual messages]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2012, vol. 1, pp. 48–51. (In Russ.)
- Zhel'vis V. I. *Emotivnyi aspekt rechi. Psiholingvisticheskaya interpretaciya rechevogo vozdejstviya* [The emotive aspect of the speech. Psychological interpretation of the speech impact]. Yaroslavl, Yaroslavl' Stat. Pedag. Inst. Publ., 1990. 81 p.
- Zhel'vis V. I. *Pole brani. Skverno slovie kak social'naya problema* [The sphere of obscenities. Foul language as a social problem]. Moscow, Ladomir Publ., 2001. 352 p.

«Слово» ХЗ в современной устной русской речи

Ольга Евгеньевна Зайкина, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), zaykinaolga1@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170009957-1

АННОТАЦИЯ: Объектом исследования в настоящей статье является аббревиатура ХЗ. В работе поставлена цель выяснить, в каком значении употребляется ХЗ и как эта аббревиатура функционирует в повседневной речи. В статье проанализированы авторитетные лексикографические источники, а также приведены данные лингвистического опроса филологов (студентов и преподавателей) и социальной сети Twitter.com. В результате лексикографического и контекстного видов анализа было выявлено, что ХЗ не только является сокращением выражения с бранным словом, но также может выражать смысл 'я не знаю' или 'неизвестно, непонятно'. Лингвистический опрос показал, что исследуемая единица лучше известна людям молодого возраста, которые более активно общаются в Интернете. Помимо этого, было проанализировано 500 употреблений «слова» ХЗ в социальной сети Twitter.com; в итоге удалось найти 142 контекста с включенным в аббревиатуру бранным словом, в остальных случаях ХЗ выражало, скорее, собственное незнание говорящего/пишущего, а также было сходно по значению с наречиями типа *непонятно*, *неизвестно*, *неясно*. Кроме того, выяснилось, что ХЗ способно полностью терять в повседневной речи свое лексическое значение и приобретать прагматическое (функцию в устном дискурсе), то есть подвергаться процессу *прагматикализации*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык Интернета, аббревиатура, эвфемизм, прагматема, прагматикализация, речевая экономия, лингвистический опрос

для цитирования: Зайкина О. Е. «Слово» ХЗ в современной устной русской речи // Русская речь. 2020. № 3. С. 22–34. DOI: 10.31857/S013161170009957-1.

Issues of Modern Russian Language

“The Word” *HZ* in the Everyday Russian Oral Speech

Ol'ga E. Zajkina, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg), zaykinaolga1@yandex.ru

ABSTRACT: The article studies the abbreviation ‘*HZ*’ (*nobody knows*). The aim of this research is to find out in what meaning ‘*HZ*’ is used and how this abbreviation functions in everyday oral speech. The paper presents the results of lexicographical analysis of authoritative dictionaries, data obtained from the survey among linguists (students and professors) as well as data from the social network twitter.com. The lexicographic and contextual analysis revealed that *HZ* is not only an abbreviation, with the included swear word, but it also used to express one’s own or someone else’s lack of knowledge. The linguistic survey showed us that the investigated item is best known to young people who communicate more on the Internet. In addition, we have analyzed 500 uses of the “word” *HZ* in the social network twitter.com. As a result, we managed to find 142 contexts which included pejorative, in other cases, *HZ* expressed, rather, lack of knowledge of a speaker or writer and was similar in meaning to adjectives such as *unknown* or *unclear*. Furthermore, it was found that *HZ* tends to lose its lexical meaning completely and get pragmatic meaning in oral discourse, that is, to undergo a process of *pragmaticalization*.

KEYWORDS: the language of the Internet, abbreviation, euphemism, pragmatic item, speech savings, linguistic survey

FOR CITATION: Zajkina O. E. “The Word” *HZ* in the Everyday Russian Oral Speech. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 3. Pp. 22–34. 10.31857/S013161170009957-1.

Сегодня большой интерес представляет собой язык сети Интернет, что не случайно, поскольку коммуникация в Интернете распространяется взрывообразно, одной из главных ее черт является быстрота, связанная с желанием говорящего экономить усилия и время [Бергельсон 2002]. Особенно интересны сферы неспециального общения, такие как, например, чаты или даже переписка в социальных сетях, комментарии в блогах, характеризующиеся необычайной открытостью людей и свободой выражения мнения по разным поводам. Такому общению присуще чувство безопасности, защищенности, удаленности говорящего от собеседников. Особую роль в подобном общении играет и то, как мы дополняем образ собеседника своим опытом и воображением [Бергельсон 2002: 7]. Интернет понимается как открытое сообщество, потому что часто говорящий не знает о том, кто именно будет получателем его сообщения. Все это влияет на коммуникацию в Интернете, включающую в себя элементы как письменной, так и устной речи [Кувшинская 2014].

Л. Ю. Иванов говорит о важной характеристике интернет-жанров: есть «жанры исконно сетевые, т. е. порожденные самим использованием языка в сети, и жанры, заимствованные глобальной сетью из других сфер общения. К первым относятся, прежде всего, жанры неспециального общения — чаты и дискуссионные группы» [Иванов 2000: 10].

Сферы неспециального общения имеют определенные черты.

Так, *чат* — это специально организованная веб-страница, попав на которую можно пообщаться в реальном времени с другими посетителями. В чате люди общаются под псевдонимами, т. е. инкогнито. Общение в чатах лишено паралингвистической информации: тембра речи, акцентирования части высказывания, эмоциональной окраски, тембра голоса, его силы, дикции, жестов и мимики. Поэтому общение в чате не обходится без суррогатных, часто типизированных, эмоциональных реакций — «смайликов» (от англ. *smile* — ‘улыбка’), получивших широкое распространение [Виноградова 2004].

Форум предполагает непрофессиональное общение, и, хотя существуют профессиональные форумы, даже там общение имеет более непринужденный характер, чем, например, *интернет-конференция* [Кувшинская 2014]. Форум не ограничивается по составу и количеству участников, в общение может включиться любой зарегистрированный посетитель. Участники форума нередко друг с другом незнакомы или знакомы только по предшествующему общению в сети — это требует от каждого из них соблюдения основных речевых норм и использования лишь тех средств,

которые будут понятны в данной группе. Участники объединяются на основе их общего интереса к определенной теме. При этом среди них могут оказаться как специалисты по данной теме, так и новички [Кувшинская 2014].

Социальные сети предоставляют массу возможностей виртуального общения, обмена аудио- и видеозаписями, фотографиями, новостями. Пользователи социальных сетей имеют свои страницы, на которых они делятся новостями со своими друзьями; могут вступать в группы и подписываться на интересные для них страницы, общаться друг с другом в группе или у себя на странице, переписываться. Общение в социальных сетях ситуативно обусловлено, в ряде случаев оно не отличается от общения в чатах или на форумах.

Одной из характерных черт коммуникации в Интернете является употребление различных аббревиатур в пространстве неспециального общения — на форумах, в чатах и блогах, где зарождается тип общения, характерный именно для Сети [Кувшинская 2014: 3].

Аббревиация — это особый способ словообразования, в языке она выполняет компрессивную функцию, а именно — служит для создания более кратких, чем соотносительное словосочетание, номинаций [Земская 2000: 121]. Сфера действия аббревиации — речь научная, деловая и публицистическая, поэтому аббревиатуры принято считать «скучными словами». Тем не менее еще в 60-е гг. аббревиатуры стали употребляться как средство выражения экспрессивности [Там же].

Аббревиация является одним из языковых способов и средств эвфемизации (использование эвфемизма для замены какого-либо слова, выражения; от греч. ἐυφήμη 'благоречие' ← др.-греч. εὖ 'хорошо' + φήμη 'речь, молва'). Аббревиатуры особенно характерны для репрессивной сферы и для сфер, которые связаны с сокрытием государственных и военных тайн, ср.:

- *ВМ* = высшая мера (наказания),
- *ДСП* = для служебного пользования,
- *СС* = совершенно секретно (гриф на документах; в профессиональном обиходе такой гриф именовался «два Семена»),
- *зэк* (из *заклученный каналoармеец*; аббревиатура возникла во время строительства Беломорско-Балтийского канала),
- *ПКТ* = помещение камерного типа (на самом деле, попросту — камера);

и др. [Крысин 1994].

Кроме того, аббревиатуры могут применяться как замена прямого употребления обценной лексики; английский материал дает некоторые подобные примеры, ср.: *eff* — эвфемизм глагола *to fuck*, от которого

произошло прилагательное *effing* (груб.) — ‘мерзкий, зверский’. Видно, что *eff* — это аббревиатура, образованная от начальной буквы глагола [Warren 1992]. В русской речи иногда можно услышать выражение *такое гээ...*, что означает что-то плохое, некачественное. Также в устной речи активно функционируют аббревиатуры: *бэу* (от б/у) — ‘бывший в употреблении’ и *хэбэ* (от х/б) — ‘хлопчатобумажный’, от них даже образованы прилагательные — *бэушный* и *хэбэшный* [Крысин 2014].

Объектом внимания в настоящей статье является аббревиатура *ХЗ*, бытующая в узусе интернет-общения, но пока еще явно недостаточно изученная. В работе поставлена цель — разобраться, в каком значении употребляется *ХЗ* и как функционирует в устной повседневной речи.

Источником материала для исследования послужили следующие ресурсы: устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП), корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) (см. о нем подробнее: [Русский язык... 2016; Богданова-Бегларян и др. 2017; Bogdanova-Beglarian et al. 2017]), социальная сеть Twitter, а также данные лингвистического опроса, проводившегося среди филологов (студентов и преподавателей).

В первую очередь было решено провести лексикографический анализ, т. е. дать определение слову *ХЗ* по авторитетным словарям. В «Словаре языка интернета.ru» под ред. М. А. Кронгауза дано следующее: *ХЗ* — аббревиатура, которая служит для выражения незнания о чем-либо. Стандартная расшифровка включает бранное слово: *х** знает*. Наряду с ней встречаются различные способы смягчения брани путем использования эвфемизмов: *хрен*, *хакер*, *хунвэйбин* и даже *кто*. Произносится как [хэз:э]. В качестве каламбура в устной речи используется также прочтение *икс три*. Используется в очень разных позициях, в том числе как самостоятельная ответная реплика: *потом все спр у него и я типа я тебе нравлюсь все время ответ хз*. Часто встречается после подлежащего, выраженного личным местоимением я:

- *Я ХЗ что ей дарить*.

Кроме того, *ХЗ* сходно по значению со словами *непонятно*, *неизвестно*, *неясно*:

- ~ картинка *хз* откуда, но эмоция подходит;
- — Как на личном? — Ну чот крч *хз* [Кронгауз и др. 2016: 157].

Также были изучены данные таких словарей, как «Словарь русского арго» В. С. Елистратова [Елистратов 2000] и «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химики [Химик 2004]. В словаре В. В. Химики в статье на данную единицу приведены фразеологизмы с общим значением ‘никто не знает’ и отражена их вариативность: *хрен знает*, *хер знает*, *х** знает*.

Следует оговорить, что ХЗ имеет свое лексическое значение и данную аббревиатуру нужно отличать от буквенного смайла хД и его вариантов XD, хD, хd, хd, выражающих смех. В «Словаре языка интернета.ru» заостряется внимание на внешнем сходстве хД с ХЗ: «Своеобразная русификация смайлика — замена латинской буквы на соответствующую ей русскую букву “Д” (а потом и на строчную букву “д”) — привела к потере внешнего сходства со смехом. Таким образом, сочетание букв хД, потеряв иконичность, формально перестало быть смайликом, но и не стало полноценным словом, например аббревиатурой, как можно было бы предположить по внешнему виду (ср. с ХЗ)» [Кронгауз и др. 2016: 156]. ХЗ является лексикализованной инициальной аббревиатурой буквенного типа [Зеленин 2007: 103].

Кроме того, в рамках настоящего исследования важно выяснить, является ли аббревиатура ХЗ единицей молодежного сленга. «Словарь современной лексики, жаргона и сленга» [Словарь... 2014] так определяет значение этой единицы:

1. Аббревиатура. ХЗ — хрен знает (цензур.) **ХЗ, чем сегодня заняться. Молодежный сленг.** 2. Я не знаю. **Я хз. ICQ, Молодежный сленг.** 3. Х*й знает. (Когда что-либо не знаешь). — **Где он ходит? — А хз ваще... Молодежный сленг, Ненормативная лексика.** 4. (от литературного) Х*й забил. **Ты сделал английский? Не, я хз. Молодежный сленг.** 5. Автомобиль марки БМВ, модель икс три. **Автомобильный сленг.**

В УП представлено 13 документов, 22 вхождения единицы ХЗ, употребляющейся в речи молодых людей (18–26 лет). Среди контекстов в УП встретились употребления ХЗ, в которых явно отсутствует эвфемистический оттенок, т. е. это уже не х**, хрен или хер знает, а я не знаю или он не знает, ср.:

- [Лена] Ну в той краске сначала красишься вся / потом второй раз типа мелирование. Или колорирование / хз [Телефонный разговор (2006)];
- [26, врач, Даша, жен] Главное теперь не забыть... Ну вроде за карусели... хз... Помню / что должна / а за что / не помню [Телефонный разговор (2006)];
- [18, студент, Татьяна, жен] Хз / за что получаю... [Телефонный разговор (2006)];
- [18, студент, Люся, жен] Да хз... может от дома недалеко где-то. Не охота за семь верст тащиться. В «Корову» тупо наверное? [Телефонный разговор (2006)];
- [№ 1, муж] Я ремонт в последний раз делал лет десять назад. Так что хз как сейчас на рынке стройматериалов [Разговор знакомых (2006)];

- [18, студентка, Света, жен] **Хз**. *Не успела. Или не захотела. Он думал / что я вечером приеду / а я уже в два дома была. И что-то туда-сюда / делать ничего не хотелось. Потом он вечером пишет / «Ну ты уже в пути?» А я уже давно дома. Он обиделся с какого-то хрена! Что-то еще написал / а я не ответила!* [Разговор при встрече (2007)];
- [16, школьник, Оля, жен] **Да хз**. *Мама говорит / лучше на эконо* [О поступлении в вуз (2007)];
- [студент, № 1, жен] **ХЗ...** *по ходу... подожди в четыре с чем-то... меня / как раз Оля проводит и дурацкий поезд... он с Витебского уезжает / а не с Московского...* [Разговор студентки и знакомой преподавательницы (2008)].

В корпусе ОРД был обнаружен всего один контекст с употреблением ХЗ: — *как нам повернуть на мост / хэзэ*¹ (Корпус ОРД. См. о нем подробнее: [Русский язык... 2016; Богданова-Бегларян и др. 2017; Bogdanova-Beglarian et al. 2017]).

В ходе настоящего исследования был проведен лингвистический опрос среди филологов (студентов и преподавателей), включавший в себя такие вопросы:

1. Знакома ли Вам аббревиатура ХЗ?
2. Используете ли Вы аббревиатуру ХЗ в своей устной речи?
3. Как Вы думаете, какое значение имеет аббревиатура ХЗ?
4. Укажите, пожалуйста, Ваш возраст.
5. Укажите, пожалуйста, Ваш пол.

Всего было опрошено 174 человека. Состав респондентов оказался следующим:

- 85 % женщин и 15 % мужчин,
- носителей языка младшей возрастной группы (до 35 лет) — 55,2 %, людей среднего возраста (36–60 лет) — 24,7 %, старших (более 61 года) — 20,1 %.

Большая часть опрошенных (79,8 %) ответила, что знают аббревиатуру ХЗ, среди них оказалось 49,4 % женщин и 4,6 % мужчин до 35 лет (молдых), 15,5 % женщин и 2,9 % мужчин среднего возраста, 6,3 % женщин и 1,1 % мужчин старшего возраста.

На второй вопрос респонденты ответили поровну — 50 % используют в своей речи исследуемую единицу, а 50 % — нет. В первой группе 37 % женщин и 4 % мужчин молодого возраста, 7 % женщин и 1 % мужчин среднего возраста, 1 % женщин старшего возраста. Во второй группе 14 %

¹ В данном случае беседуют информант И96 и его собеседница Ж1. Об особенностях дискурсивной транскрипции см. подробнее в [Русский язык... 2016: 243–244].

и 1 % мужчин и женщин младшего возраста, 13 % женщин и 3 % мужчин среднего возраста, 13 % женщин и 6 % мужчин старшего возраста.

Из этих данных можно сделать следующий вывод: слово ХЗ известно в большей степени представителям молодого поколения и в меньшей — людям среднего и старшего возраста. Аббревиатуру ХЗ в основном употребляют в своей речи молодые люди. Значит, можно говорить о том, что слово ХЗ проникло в речь молодых людей, очевидно, более вовлеченных в процесс интернет-общения.

130 человек (124 женщины и 16 мужчин) из общего числа опрошенных (74,7 %) ответили на вопрос о значении данной аббревиатуры. Их ответы представлены в таблице.

Таблица. Значения единицы ХЗ, выделенные респондентами

Значение	Количество (абс./отн.)
‘(мне) неизвестно’	1/0,6
‘Кто знает’	1/0,6
‘Понятия не имею’	1/0,6
‘Хемингуэй знает’	1/0,6
‘Ни в каком’	1/0,6
‘А кто его знает, кто его знает’	2/1,15
‘А бох его ведает, Бог знает’	2/1,15
‘Марка автомобиля ВМХ ХЗ’	2/1,15
‘Неизвестно’	6/3,45
‘Х** знает’	8/4,6
‘Хрен знает, хер знает’ и т. д.	27/15,5
‘Не знаю’	36/20,7
Не ответили на вопрос	44/25,3

Далее были исследованы варианты употребления слова ХЗ в Твиттере (твит). Социальная сеть Twitter.com удобна в этом отношении тем, что совмещает в себе черты социальной сети и блога. Ответные сообщения на твит часто имеют непринужденный характер, это значит, что соцсеть Twitter.com является пространством неспециального общения. Каждый пост в Твиттере ограничен 140 знаками, твиты нельзя редактировать, что делает их приближенными к разговорным репликам. Всего было

проанализировано 500 употреблений ХЗ, встретившихся в различных контекстах. Было решено провести контекстный анализ, который позволил определить, является ли ХЗ в той или иной реплике аббревиатурой с включенным в нее бранным словом. Таких контекстов удалось насчитать 142, ср.²:

- 1) *Мы ж не озабоченная хз чем Европа, мы ж не забыли, верно?*
- 2) *хз кто этот парень);*
- 3) *я доделала спустя хз сколько времени не копия оригинала, но мне норм;*
- 4) *Шел хз какой день пиз**еца, а моему лицу все так же горячо и больно;*
- 5) *Вот пи**ец приехала, и хз чо теперь делать.*

В остальных случаях ХЗ служит, скорее, единицей для выражения собственного незнания чего-либо, ср.:

- 1) *я хз что делать я ничего не учила и завтра мне нужно идти к репетитору и когда она узнает что я них*я не сделала за эти две недели...;*
- 2) *Я даже хз на чьей стороне быть. Божечки, в Гражданской Войне и то проще было, бо Капитан Америка говно)))0);*
- 3) *Аааа аааааааа, хотя хотя хотя. Хз зачем, но надо;*
- 4) *Мне плоха девачки я плачу с улыбкой на лице я даже хз от горя или от счастья ДЕВАЧКИ ПАМАГИТИ;*
- 5) *я хз, но я бы хотела;*
- 6) *ща хз, потом глянем.*

Кроме того, были обнаружены реплики, в которых ХЗ было сходным по значению с наречиями типа непонятно, неизвестно, неясно:

- 1) *Когда сидишь в автобусе а на улице +30 и солнце е**шит с одной стороны как хз что;*
- 2) *Второй глаз я так и не собираюсь рисовать. Вообще хз похоже ли получается;*
- 3) ***ец мне приснилось, то что Юнги ответил на мой очередной твит «меня никто не любит». Он ответил «я тебя люблю» и я пипец выпал. Потом мы начали встречаться, но... я попал в аварию. А дальше хз.*

Помимо этого, выяснилось, что ХЗ способно переходить на коммуникативно-прагматический уровень языка, поскольку, так же как и такие конструкции, как *я не знаю, ой не знаю* и др., «выражает различные реакции говорящего на окружающую действительность, имеет форму самостоятельных высказываний» [Graf 2011: 288–289] (см. также: [Günther, Mutz 2004], цит. по: [Богданова-Бегларян 2014]). В результате такой прагматизации «единица в значительной степени утрачивает (или ослабляет) свое лексическое, а зачастую и грамматическое значение и главным для

² Орфография и пунктуация оригинальных источников сохранены.

нее становится та функция, которую она реализует в структуре устного текста (дискурса) и которую можно назвать прагматическим значением данной единицы» [Богданова-Бегларян 2014: 10]:

- 1) *Мой организм в +36 на побережье Средиземного моря: ну хз чёт душно щас в обморок падать будем;*
- 2) *Ой хз мне лично очень тяжело общаться с незнакомыми людьми я просто понятия не имею о чем говорить;*
- 3) *Так, ладно, я возьму себя в руки и создам коммишки, ибо у меня нет деняк на таблы и вообще мне нечем даже заплатить за телефон)))0) Хз, в твиттере почти все бедные, никто ничего заказывать не будет, но попытка не пытка;*
- 4) *оч дико бесит когда мужчины затыкают девушек словами «жеееенци-на, замолчи, тут мужик решает* Тип хз мейби во мне просыпается фемка, но это так противно слушать, особенно от вонючих, в прямом смысле, пьяных мужиков Это называется Маша приехала в деревню;*
- 5) *«Ну может у неё связи какие я хз»;*
- 6) *Кто-то: — Почему #GDRAGON так успешен?
Я: — Ну хз. Может, потому что он практически с пелёнок вошёл в эту индустрию? Не знаю даже...*

В последней серии примеров ХЗ схоже с прагматическими маркерами, которые «структурируют устный текст, включают стартовые, направляющие (навигационные) и финальные маркеры, которые... часто оказываются полифункциональными» [Богданова-Бегларян 2014: 12]. Кроме того, последняя реплика (6) содержит в себе явную иронию: конструкция *ну хз*, выполняющая те же функции, что *не знаю*, служит не только для речевой экономии, но и для выражения экспрессии.

В заключение можно сказать, что слово ХЗ, активно употребляющееся в Интернете, оказалось интересным объектом для исследования. Мы можем наблюдать развитие у него новых значений и расширение функций его употребления. Сегодня пространство неспециального общения в сети Интернет предлагает широкое поле для исследований, поскольку здесь рождаются все новые и новые единицы, представляющие большой лингвистический интерес.

Источники

Национальный корпус русского языка. Устный подкорпус [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru

Корпус «Один речевой день» (ОРД). См. о нем подробнее: [Русский язык... 2016; Богданова-Бегларян и др. 2017; Bogdanova-Beglarian et al. 2017].

Литература

- Бергельсон М. Б.* Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002, № 1. С. 55–67.
- Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (27), 2014. С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я.* Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
- Виноградова Т. Ю.* Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология. Лингвокультурологический аспект. Казан. гос. ун-т. Филол. фак-т. Казань, 2004. С. 63–67.
- Елистратов В. С.* Словарь русского арго. М.: Русские словари, 2000. 694 с.
- Зеленин А. В.* Компрессивное словообразование в эмигрантской прессе (1919–1939) // Вопросы языкознания. 2007. № 4. С. 98–128.
- Земская Е. А.* Аббревиация как средство экспрессии // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000. 480 с.
- Иванов Л. Ю.* Язык интернета: заметки лингвиста. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.twirpx.com/file/751186/> (дата обращения: 25.06.2019).
- Кронгауз М. А., Литвин Е. А., Мерзлякова В. Н.* Словарь языка интернета.ru / Под ред. М. А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс, 2016. 288 с.
- Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. 1994. № 1–2. С. 28–49 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm> (дата обращения: 15.07.2019).
- Крысин Л. П.* (ред.) Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А–И. М.: Языки славянской культуры, 2014. 776 с.
- Кувшинская Ю. М.* Аббревиация в речи интернет-форумов // Современный русский язык в Интернете / Под. ред. Я. Э. Ахапкиной, Е. В. Рахилиной. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 23–38.
- Русский язык* повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Словарь* современной лексики, жаргона и сленга. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://argo.academic.ru/5675> (дата обращения: 30.06.2019).
- Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 708 с.

- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. Linguistic features and sociolinguistic variability in everyday spoken Russian // *SPECOM 2017. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI*, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017, pp. 503–511.
- Graf E. Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.
- Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. pragmaticalization? The development of pragmatic markers in German and Italian // *W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.)*. What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004, pp. 77–107.
- Warren B. C. What euphemisms tell us about the interpretation of words // *Studia Linguistica*. Vol. 46, 1996, no. 2, pp. 128–172 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/229678358_What_Euphemisms_Tell_Us_about_the_Interpretation_of_Words (дата обращения: 15.07.2019).

References

- Bergelson M. B. [Language aspects of virtual communication]. *Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2002, no. 1, pp. 55–67. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V. [Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. Pub. 3 (27), 2014, pp. 7–20. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Ju., Blinova O. V., Martynenko G. Ja. [Corpus "One speaker's day" in studies of sociolinguistic variability of Russian colloquial]. *Analiz razgovornoj rechi (AR³-2017): Trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminara / D. A. Kocharov, P. A. Skrelin (eds)*. St. Petersburg, 2017b, pp. 14–20. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. Linguistic features and sociolinguistic variability in everyday spoken Russian // *SPECOM 2017. Lecture notes in artificial intelligence, LNAI*, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017, pp. 503–511.
- Elistratov V. S. *Slovar' russkogo argo* [Dictionary of Russian argot]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., 2000. 694 p.
- Graf E. Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.
- Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. pragmaticalization? The development of pragmatic markers in German and Italian // *W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.)*. What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components. Berlin, Language Arts & Disciplines, 2004, pp. 77–107.
- Ivanov L. Ju. *Yazyk interneta: zametki lingvista* [Internet language: linguist's notes]. 2000. Available at: <https://www.twirpx.com/file/751186/> (accessed 25.06.2019).
- Khimik V. V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi* [Big dictionary of Russian colloquial expressive speech]. Sankt Petersburg, Norint Publ., 2004. 708 p.

- Krongauz M. A., Litvin E. A., Merzlyakova V. N. *Slovar' yazyka interneta* [Dictionary of the language of the Internet.ru / M. A. Krongauz (ed.)]. Moscow, AST–Press, 2016. 288 p.
- Krysin L. P. (ed). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian everyday speech]. Vol. 1: A–I. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2014. 776 p.
- Krysin L. P. [Euphemisms in modern Russian speech]. *Rusistika*. 1994, no. 1–2, pp. 28–49. Available at: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm> (accessed 15.07.2019). (In Russ.)
- Kuvshinskaya Yu. M. [Abbreviation in the speech of Internet forums]. *Sovremennyi russkii yazyk v Internetе* / Ya. E. Ahapkina, E. V. Rahilina (eds.). Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2014, pp. 23–38. (In Russ.)
- Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh. Collectivnaya monografiya* [Everyday Russian language in different social groups. Collective monograph] / Bogdanova-Beglarian, N. V. (ed.). Sankt Petersburg, 2016. 244 p.
- Slovar' sovremennoi leksiki, zhargona i slenga* [Dictionary of modern vocabulary, jargon and slang]. 2014. Available at: <https://argo.academic.ru/5675> (accessed 30.06.2019).
- Vinogradova T. Ju. [Specifics of communication on the Internet]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya. Lingvokul'turologicheskii aspekt*. KSU, Philological department, Kazan, 2004, pp. 63–67. (In Russ.)
- Warren B. C. What euphemisms tell us about the interpretation of words. *Studia Linguistica*. Vol. 46, 1996, no. 2, pp. 128–172. Available at: https://www.researchgate.net/publication/229678358_What_Euphemisms_Tell_Us_about_the_Interpretation_of_Words (accessed 15.07.2019).
- Zelenin A. V. [Compressive word formation in the emigrant press (1919–1939)]. *Voprosy yazykoznanija*, 2007, no. 4, pp. 98–128. (In Russ.)
- Zemskaya E. A. [Abbreviation as a mean of expression]. *Russkii yazyk konca XX stoletiya (1985–1995). Vtoroe izdanie* / E. A. Zemskaya (ed.). Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 2000. 480 p.

Зво́нишь и зво́нишь — ошибка или новая норма?

Элина Романовна Стрейкмане, ГБОУ ГМЦ ДОНМ (Россия, Москва),

el-streykmane@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170009958-2

АННОТАЦИЯ: В статье исследуется проблема постановки ударения в глаголах на *-ить*, которым многие приписывают роль «лакмусовой бумажки» при определении степени владения культурой речи. На сегодняшний день этот вопрос продолжает оставаться одной из «напряженных» точек современной акцентологии. Сравнительный анализ данных разных современных орфоэпических словарей с точки зрения отражения в них акцентуации глаголов на *-ить* показал, что их кодификационные рекомендации во многом отличаются друг от друга, а иногда даже вступают в противоречие. Не только разночтения, встречающиеся в словарях, но и многочисленные отступления от кодифицированной нормы в узуальном употреблении стали основанием для проведения социолингвистического эксперимента. Как показали его результаты, большинство респондентов, независимо от их возраста, чаще всего (в 64 % случаев) выбирают вариант произношения с подвижным ударением, что подтверждает на практике существование тенденции к переходу глаголов на *-ить* из одного акцентного типа в другой, более продуктивный. Отсутствие единогласного выбора подвижного ударения в оставшихся 36 % ответов свидетельствует о том, что процесс замены неподвижного ударения на подвижное начался для разных слов в разное время и проходит с разной скоростью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ударение, глаголы, неподвижное ударение, подвижное ударение, вариативность, изменение нормы, словари, социолингвистический эксперимент, опрос

для цитирования: Стрейкмане Э. Р. *Звонíšь* и *звóнишь* — ошибка или новая норма? // Русская речь. 2020. № 3. С. 35–46. 10.31857/S013161170009958-2.

Issues of Modern Russian Language

Zvoníš' or *Zvónish'* — Deviation or a New Standard?

Elina R. Streikmane, MMC ED (Moscow, Russia), el-streykmane@yandex.ru

ABSTRACT: The article deals with the problem of accentuation in the verbs ending with “-it”. These verbs are believed to be a good litmus test when determining a degree to which a person masters the culture of oral speech. To this day the problem remains to be one of the most pressing issues of contemporary accentology. Comparative analysis of various contemporary pronouncing dictionaries indicates that pronouncing recommendations differ greatly from each other in many aspects. Sometimes they are even in contradiction. Discrepancies found in the dictionaries as well as numerous deviations from the prescribed accentuation standards justified launching a sociolinguistic experiment. As its results indicate, the majority of respondents (64 %), regardless of their age, choose the variant with flexible stress. This proves that the verbs ending with “-it” are changing its accentuation type to another more productive one. The fact that 36 % of respondents chose the fixed stress variant shows that the process of substituting the fixed stress for the unfixed one is running in different words at a different time and pace.

KEYWORDS: stress, verbs, fixed stress type, unfixed stress type, variability, alteration of the stress standard, dictionaries, experiment, poll

FOR CITATION: Streikmane E. R. *Zvoníš'* or *Zvónish'* — Deviation or a New Standard? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 3. Pp. 35–46. DOI: 10.31857/S013161170009958-2.

Выход «Большого орфоэпического словаря» М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной (далее — БОС, [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012]) в 2012 г. стал поводом для публикации пестрящих громкими заголовками статей, авторы которых оспаривали правильность включения в словарь некоторых произносительных вариантов. Так, например, на новостном сайте «БезФормата» уверяют, что в БОСе появились формы слов, «которые раньше употребляли только малограмотные жители страны». Среди примеров часто упоминаемые в СМИ формы слов *позвонить* и *включить*.

Действительно, несмотря на то, что на сегодняшний день нормы постановки ударения в современном русском литературном языке описаны достаточно полно, кодифицированы в различных словарях и справочниках, одной из «напряженных» точек современной акцентологии является вопрос о месте ударения в глаголах на *-ить*, которым многие приписывают роль «лакмусовой бумажки» при определении степени владения культурой речи. Почему же место ударения в некоторых словоформах вызывает споры и неприятие определенной части социума? Обратившись к истории, можно обнаружить, что вопрос об ударениях в глаголах на *-ить* возник еще несколько столетий назад.

Для глаголов, оканчивающихся на *-ить*, выделяется два основных типа ударения: неподвижное на окончании (когда место ударения не меняется при словоизменении: *повтори́ть* — *повтори́шь* — *повторя́т* и др.) и подвижное (когда в разных формах слова ударение падает на разные части слова: *води́ть* — *води́шь* — *водят* и др.).

Некоторые глаголы, отмеченные с ударением на окончании (наконечным) в памятниках XVII в., в литературной традиции, уже начиная с конца XVIII в., с таким ударением неизвестны. Например, глаголы *лечить*, *ломить* и производные; производные от *-ложить*, *-пустить* и др. В «Словаре русского языка XVIII века» [Бархударов (ред.) 1984] отмечены глаголы, для некоторых форм которых характерно наличие двух вариантов произношения: *бѣлит* и *бѣлит*, *ва́лит* и *валит*, *ва́рит* и *варит*, *во́пит* и *вопит*, *ду́шит* и *душит*, *ка́тит* и *катит*, *кру́тит* и *крутит* и др.

Уже в XIX в. степень употребительности глаголов с тем или иным ударением была различной для каждого из них. Поэтический материал позволяет делать такие выводы. Например, для глаголов *гасить*, *губить*, *садить*, *светить*, *становить*, *тушить* наконечное ударение было малоупотребительно для литературного языка XIX в. Подобные примеры отмечаются почти исключительно у поэтов XVIII в., например, у И. А. Крылова: *пога́сит*, *губи́т*, *сади́т*, *потуши́шь*. Такие глаголы, как *валить*, *делить*, *катить*,

кружить, манить, тащить, трубить, ценить в поэтической речи XIX в. могли употребляться как с неподвижным ударением, так и с подвижным. Об этом свидетельствует частое появление этих слов в разных формах с разным ударением у одного и того же поэта. Но были и такие глаголы, которые продолжали употребляться исключительно с конечным ударением, например *варить, крутить, поить, чертить, трудиться* [Воронцова 1979: 207–208].

Также на основе поэтических текстов построен раздел исследования Н. А. Еськовой о нормах русского литературного языка XVIII–XIX вв. [Еськова 2008]: произносительные и грамматические нормы глаголов на *-ить* представлены в сопоставлении с современными и включены в контексты:

ВАРИТЬ, варю, варит

В те дни людского просвещения,
Как нет кикиморов явленья,
Как ты лишь всем чудотворишь:
Девиц и дам магнизируешь,
Из камней золото варишь...
Г. Р. Державин. На счастье. 1789

ДАРИТЬ, дарю, дарит

Мартын Задека стал потом
Любимец Тани... Он отрады
Во всех печалях ей дарит
И безотлучно с нею спит.
А. С. Пушкин. Евгений Онегин. 1826

ДЕЛИТЬ, делю, делит

И вотще мое стенанье,
И печаль моя мне стыд:
Лишь с пустынями страданье
Сердце сирое делит.
В. А. Жуковский. Кассандра. 1809

В «Русской грамматике» А. Х. Востокова [Востоков 1831] как подвижно-ударяемые представлены следующие глаголы: *бесить, валить* (с приставками *вз-, на-, по-, пере-, раз-, с-*), *варить, гасить, городить, делить, дразнить, клонить, крестить, крошить, рядить, ценить, чертить, явить* и др. Позже Я. К. Гротом круг глаголов, употребляемых с «двояким» ударением, был значительно расширен, в частности, им были добавлены слова: *белить, божиться, валить, вопить, косить, кружить, лениться, трудиться, шевелить* и др. [Грот 1899].

Таким образом, случаи несовпадения с современным произношением в источниках XVIII–XIX вв. подтверждают, что изменения в ударении глаголов на *-ить* не хаотичны, а определенным образом направлены: в большинстве глаголов происходит переход от неподвижного ударения на окончании, то есть от старшей произносительной нормы, к подвижному, то есть к младшей норме [Воронцова 1979: 205]. Этот процесс, начавшись в XVIII в., к XXI в. распространился на большое число слов, что свидетельствует о его продуктивности.

В связи с тем, что процесс замены неподвижного ударения на подвижное начался для разных слов в разное время и проходил с разной скоростью, перед разработчиками орфоэпических рекомендаций стоит непростая задача квалификации существующих произносительных вариантов, которая должна опираться не только на понимание основных тенденций развития языка, но и быть адекватной их оценке в массовом языковом сознании носителей литературного произношения. Вопрос о выборе тех или иных оснований при принятии решения о нормативном статусе конкретного варианта решается кодификатором — автором словаря, поэтому зачастую в произносительных рекомендациях лексикографических источников наблюдается разнობой.

Сравнение кодификационных рекомендаций авторитетных орфоэпических словарей показывает, что между ними достаточно часто наблюдаются серьезные несоответствия: анализ данных с точки зрения отражения постановки ударения в глаголах на *-ить* подтвердил разнობой в рекомендациях. В *Табл. 1* представлены примеры встречающихся несоответствий.

Преодоление разнობой в произносительных рекомендациях орфоэпических словарей возможно лишь при использовании методов социолингвистики и подхода, при котором одним из основных критериев правильности рекомендаций является узус тех людей, уровень образования которых дает возможность считать их говорящими на литературном языке. К сожалению, орфоэпические словари не всегда объективно отражают тенденции быстро развивающегося живого языка, а потому многие формы, существующие в речи его носителей, считаются нелитературными, несмотря на то, что они являются проявлением акцентологической тенденции, которая действует в языке сегодня и затронет в будущем также другие глаголы того же класса. Такое сосуществование двух типов норм — узуальных и кодифицированных, то есть функционирующих только в речевой практике образованных людей и тех, которые рекомендованы словарями, — является не только лингвистической, но и социально-культурной проблемой.

Табл. 1

«Словарь ударений русского языка» [Резниченко 2007]	«Словарь образцового русского ударения» [Штудинер 2008]	БОС [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012]
ВИНТИТЬ ^{В/А и С/А гл} винчу́ винтишь и винтишь винтят и винтят	винтить, -нчу́, -нтишь (во всех знач.)	ВИНТИТЬ ¹ , винчу́, винтит и допуст. младш. винтит
ВКЛЮЧИТЬ(СЯ) ^{В/А гл} включу́(сь) включишь(ся) включат(ся)	включи́ть(ся), -чу́(сь), -чишь(ся) [не включишь(ся)]	ВКЛЮЧИТЬ, включу́, включит и допуст. младш. включит
ДАРИТЬ ^{С/А гл} дарю́ даришь дарят	дарить, дарю́, даришь, дарит(ся)	ДАРИТЬ, дарю́, дарит и допуст. устарелое дарит
МАНИТЬ ^{С/А гл} маню́ манишь манят	манить, маню́, манишь и манишь	МАНИТЬ, маню́, манит и допуст. старш. манит
НАСОРИТЬ ^{В/А гл} насорю́ насоришь насорят	насори́ть(ся), -рю́, -ришь, -рит(ся) [не насоришь]	НАСОРИТЬ, насорю́, насорит и допуст. насорит
ОКРУЖИТЬ ^{В/А гл} окажу́ окажишь окажат	окажи́ть, -жу́, -жишь	ОКРУЖИТЬ, окажу́, окажит ! не рек. окажит
РАЗДРАЗНИТЬ ^{С/А гл} раздразню́ раздразнишь раздразнят	раздразни́ть, -дразню́, -дразнишь	РАЗДРАЗНИТЬ, раздразню́, раздразнит и допуст. младш. раздразнит

Именно эти причины и стали основанием для проведения социолингвистического исследования. Для изучения вопроса о выборе места ударения в глаголах на *-ить* было отобрано 100 глаголов, в которых словари фиксируют варианты нормы или частые ошибки в ударении, был составлен ряд контекстов, отвечающих определенным требованиям, и сформирована группа испытуемых для прочтения ими составленных контекстов. Чтение сопровождалось записью на диктофон для дальнейшего анализа полученных данных.

Одним из важнейших условий проведения эксперимента является маскировка объекта исследования для того, чтобы полученные данные были наиболее точными. Благодаря тому, что информанты не знают, какие из слов являются предметом проверки, их произношение максимально естественно. Личные формы настоящего (простого буд. времени) всех ста глаголов (за исключением формы 1-го л. ед. числа) были включены в разработанные материалы. Составленные контексты представляли собой 25 небольших связных текстов на разные темы, каждый из которых — это отдельная история со своим сюжетом и действующими лицами. Такой формат контекстов оправдан: испытуемые при прочтении сосредотачиваются на смысле текста в целом, а не на отдельных лексических единицах. Для дополнительного отвлечения внимания респондентов от избитых глагольных форм были использованы редкие имена собственные (например, Олимпиада Андреевна, Марья Никандровна, Аскольд), разговорные слова и выражения (например, «Тоже мне надобность!», «Бес-толочь!», «Ну как знаешь!»).

Помимо языковых факторов, гипотетически способных влиять на место ударения (освоенность/неосвоенность слова, частотность употребления, выделение фразовым ударением), учет которых важен для создания контекстов, есть еще и социолингвистические факторы, о каких необходимо помнить при формировании групп информантов. Все испытуемые должны быть носителями норм современного русского литературного языка, а именно быть москвичами минимум во втором поколении и иметь высшее образование (или находиться в процессе его получения). Требование обусловлено тем, что система, свойственная жителям Москвы, является производительной нормой русского литературного языка. Также важно распределить информантов по возрастным группам, поэтому были сформированы три группы — «младшая» (до 25 лет), «старшая» (от 56 лет) и «средняя» (от 26 до 55 лет) — по 20 человек в каждой (всего 60 человек). Это позволило проследить динамику анализируемой нормы.

Разработка экспериментальных материалов проходила на базе БОСа [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012]. Отдельное внимание было уделено нескольким группам глаголов, имеющих не только орфоэпические, но и грамматические особенности (происходил отдельный учет приставочных/бесприставочных и возвратных/невозвратных однокоренных глаголов), для проверки предположения о влиянии наличия приставки и возвратного постфикса *-ся* на место ударения.

Полученные аудиозаписи были прослушаны, зафиксированы и обработаны статистически. За 100 % взято число информантов всех возрастных групп, поскольку отличия в постановке ударения между представителями разных групп оказались минимальны. Случаи, когда респондент

вместо глагола на *-ить* ошибочно произносил другое слово, при подсчетах не учитывались. Напротив, случаи, когда информантом были произнесены две формы глагола на *-ить* подряд с разными вариантами постановки ударения, учитывались, отсюда и возникли результаты, которые в сумме превышают 100 %.

Результаты проведенного эксперимента в целом подтвердили тот факт, что в современном русском языке существует тенденция к замене у многих глаголов на *-ить* неподвижного ударения на окончании подвижным ударением.

При выборе одного из двух *равноправных* вариантов (здесь и далее подчеркиванием и курсивом обозначена помета БОСа) большинство представителей как «младшей», так «средней» и «старшей» возрастных групп чаще отдают предпочтение вариантам младшей нормы: *крóбшится*, *наря́дит*, *сéлите*. Примечательно то, что, несмотря на существующую тенденцию, в отдельных случаях большинством были выбраны варианты старшей нормы: *волочѐит*, *настрочѐит*, *разгородѐят*.

При выборе варианта между более употребительным и *допустимым* чаще всего также выбирается младшая норма представителями всех групп, даже в тех случаях, когда этот вариант считается менее употребительным: *всѐлит*, *засѐлит*, *ми́рится*, *насѐлят* и др.

Варианты с пометой *и допуст. старшее* и *и допуст. устарелое* обычно имеют ударение на окончании и не выбираются большинством. Но есть и исключительные случаи: глагол *завинтѐть*, форма которого *завѐнтит*, отмеченная как *допуст. старшее*, имеет подвижное ударение и встречается в 78 % случаев; аналогичное происходит и со словоформой *заморѐит* (*допуст. устарелое*) — 85 %. Примечательно, что в некоторых случаях респонденты всех трех групп выбирали вариант с пометой *и допуст. устарелое*: *заморѐит*, *отклонѐит*, *отклонѐится*.

Среди слов с пометой *и допуст. младшее* чаще всего в соответствии с тенденцией современного русского языка большинством выбирался именно этот вариант. Однако представителями «старшей» возрастной группы в некоторых случаях выбирался и вариант с конечным ударением, поэтому формы *винтѐит* и *вѐнтит*, *развинтѐит* и *развѐнтит* оказались в рамках этой возрастной группы равно употребимыми.

Нарушение орфоэпической нормы представителями всех групп встречается в некоторых случаях, когда вариант младшей нормы имеет запретительную помету *! не рек.* или *! неправ.*: *заглѐшит*, *мóрит*, *свѐрлит*, *переключѐит*. Удивительно, но форма *откупѐрит*, являющаяся ошибочным вариантом произношения, была выбрана преобладающим большинством — 85 %. Тем не менее, чаще норма соблюдается, а не нарушается, хотя верными являются формы с ударением на окончании: *звонѐит*,

разлучи́т, дробу́т, перекро́ит и др. Примечательно, что наибольшие разногласия вызвало слово *облегчи́т* (далее за 100 % взята возрастная группа): среди представителей «младшей» возрастной группы в 90 % случаев выбирался неверный вариант — *облѐгчишь*; среди представителей «средней» группы варианты имеют соотношение 50 % к 50 %; среди представителей «старшей» группы в 70 % случаев был выбран правильный вариант произношения — *облегчи́шь*.

Сравнение однокоренных возвратных и невозвратных глаголов показало, что в большинстве случаев возвратные глаголы сохраняют ударение слов, от которых они образованы. Более того, 9 из 10 пар глаголов имеют в БОСе одинаковые пометы для возвратной и невозвратной формы, кроме пары *кроши́ть* и *кроши́ться*. Наибольшая разница в выборе того или иного варианта проявилась в словоформах *кроши́т* — 65 % и *крошится* — 93 %; *умѐстят* — 75 % и *умѐстится* — 95 %.

Сравнение бесприставочных и приставочных однокоренных глаголов показало, что среди слов *винти́ть, грузи́ть, сели́ть* и однокоренных приставочных глаголов большинством выбирается вариант младшей нормы: *винтит, ввинтит, завинтит* и др.; *гру́зит, догру́зит, загру́зит* и др.; *сѐлите, всѐлит, засѐлит* и др. Исключение составляет лишь глагол *перенасели́ть*: произношение его формы вызвало много трудностей, поэтому многократно респонденты произносили два разных варианта: *перенасели́т* и *перенасѐлит* — 68 % и 50 %.

Среди глаголов *городи́ть, обгороди́ть, перегороди́ть* и других однокоренных приставочных глаголов прослеживается тенденция употребления как вариантов старшей, так и младшей нормы: *огорóдим* и *огороди́м* — 46,5 % и 55 %; *отгорóдит* и *отгороди́т* — 55 % и 46,5 %; *перегорóдит* и *перегороди́т* — 40 % и 60 %, *загорóдит* и *загороди́т* — 61,5 % и 38 %, *разгорóдят* и *разгородя́т* — 35 % и 65 %. Но есть и случаи, когда форме младшей нормы отдается предпочтение: *горóдишь* — 75 %, *обгорóдишь* — 71,5 %.

Среди глаголов *мори́ть, измори́ть, смори́ть* и др. нет единства в выборе варианта. Вопреки норме большинством выбирается нерекомендованный вариант младшей нормы в случаях: *мо́рит, измо́рит, намóрит, умо́рит* — и в случае *смо́рит* (и допуст. младш.); в словоформах *перемори́те* — 85 % и *размори́т* — 76,5 % чаще был выбран правильный вариант; в словоформах *замори́т* и *замóрит* установилось примерно равное соотношение — 48 % и 53 %.

Таким образом, абсолютным большинством респондентов, независимо от их возраста, был выбран вариант произношения младшей нормы (с подвижным ударением) в 64 случаях из 100: *варить, делить, крошить, мирить, селить* и др.

Есть случаи, когда большинством опрошенных выбирался вариант старшей нормы (с конечным ударением) — в 15 случаях из 100: *дробить, звонить, одолжить, разлучить* и др.

Всего лишь в двух случаях из 100 среди представителей всех трех возрастных групп приблизительно поровну были употреблены варианты как старшей, так и младшей нормы: *перегородить* и *насорить*.

В оставшихся 19 словах результаты оказались противоречивыми. В шести случаях из 19 результаты опроса близки между представителями «младшей» и «средней» возрастной группы. В двух случаях большинством выбирается форма старшей нормы: *разгородить* и *кутить*; в трех — младшей нормы *скрестить, винтить, развинтить*; в одном результаты среди всех опрошенных делятся примерно пополам — *загородить*.

В шести случаях из 19 сближаются результаты респондентов групп от 26 до 55 лет и от 55 лет: в двух словах большинство отдало предпочтение форме старшей нормы (*волочиться* и *разморить*); в двух словах — форме младшей нормы (*обгородить* и *белить*); в двух словах результаты приблизительно равны (*скрепить, уморить*).

В четырех случаях из 19 результаты представителей «младшей» и «старшей» возрастной группы схожи: в двух случаях выбирается большинством вариант младшей нормы (*сморить, окружить*); в одном случае — старшей нормы (*вручить*) и в одном результаты распределились почти поровну между представителями всех возрастных групп (*огородить*).

В оставшихся трех словах (*отгородить, облегчить, перенаселить*) в каждой группе испытуемых результат оказался совершенно разным.

Анализ данных показал, что исследуемый участок системы устроен крайне сложно. Выбор большинством респондентов произносительного варианта младшей нормы подтверждает на практике, что больше половины из числа выбранных глаголов на *-ить* уже завершили переход от старой акцентологической нормы к новой. В 21 слове, где частотны колебания в выборе произносительного варианта, процесс перехода еще не завершен. Оставшиеся 15 глаголов на *-ить*, в формах которых чаще употребляется вариант с конечным ударением, в меньшей степени затронуты процессом замены варианта старшей нормы произношения на вариант младшей нормы.

Итак, анализ звучащей речи образованных людей показывает, что в глаголах на *-ить* с точки зрения постановки ударения возможны следующие ситуации: 1) продолжает быть обязательной старая акцентологическая парадигма с неподвижным ударением (например, *облегчить, разлучить*); 2) стала единственно возможной новая модель ударения (например, *катить, варить*); 3) сосуществуют два варианта нормы — старшая и младшая — с подвижным и неподвижным ударением (например,

перегородить, насорить). В последнем случае соотношение между вариантами может быть различным — от равноправного до преобладания одного из вариантов, различного у разных слов.

Как писала С. К. Пожарицкая, борьба за правильное литературное произношение часто превращается в попытки затормозить этот процесс и изредка это удается. Возвращаясь к заголовку статьи, стоит сказать, что в случае с глаголом *звонить* это действительно удалось: так, ударение на основе в личных формах (*звонит, звоним, звонят* и др.) в настоящее время благодаря усилиям радетелей чистоты русского языка приобрело одиозный характер как показатель неинтеллигентности, плохого владения русским языком [Пожарицкая 2004]. Но на самом деле для этого нет никаких объективных причин: если ударение *звонишь* еще не получило статуса рекомендованной нормы, то это только вопрос времени.

На сегодняшний день вариант с подвижным ударением в глаголах на *-ить*, выбираемый большинством носителей современного русского литературного языка, часто трактуется орфоэпическими словарями как ошибочный, несмотря на то, что в полной мере отражает активный процесс перехода слов из одной акцентной парадигмы в другую, начавшийся более двухсот лет назад. Подобный разрыв между речевой практикой и кодификационными рекомендациями требует проведения серьезных массовых социолингвистических исследований звучащей речи и разработки процедур перехода от дескриптивного этапа сбора материала к этапу принятия кодификационного решения.

Литература

- Бархударов С. Г. (ред.). Словарь русского языка XVIII века (в 18 томах). (Вып. 1–11) / Под ред. С. Г. Бархударова. СПб.: Наука, 1984–2000.
- Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения / В. Л. Воронцова. М.: Наука, 1979. 328 с.
- Востоков А. Х. Русская грамматика / Востоков А. Х. СПб., 1831. 408 с.
- Грот Я. К. О глаголах с подвижным ударением // Труды, т. 2. Филологические разыскания. СПб., 1899. 941 с.
- Еськова Н. А. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков. Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 960 с.
- Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века. Норма и ее варианты. М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. 1024 с.

- Пожарицкая С. К. Язык и речь: проблемы и решения. Сборник научных трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой. М., 2004. С. 231–240.
- Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2007. 943 с.
- Штудинер М. А. Словарь образцового русского ударения. 5-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2008. 568 с.

References

- Barkhudarov S. G. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* (in 18 vol.) (Issues 1–11) [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Ed. by S. G. Barkhudarov. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1984–2000.
- Grot Ya. K. *O glagolakh s podvizhnym udareniem* [On the verbs with the mobile stress]. Trudy, vol. 2. Filologicheskie razyskaniya. Saint-Petersburg, 1899. 941 p.
- Es'kova N. A. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov. Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Poyasnitel'nye stat'i* [The standards of the Russian language in the 18th–19th centuries. The stress. Grammatical forms. Variant forms of words. Explanatory articles]. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 960 p.
- Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2012. 1024 p.
- Pozharitskaya S. K. [Language and speech: problems and solutions]. *Yazyk i rech': problemy i resheniya* [A collection of scientific papers for commemoration of Prof. L. V. Zlatoustova]. Moscow, 2004, pp. 231–240. (In Russ.)
- Reznichenko I. L. *Slovar' udareniy russkogo yazyka* [The stress dictionary of the Russian language]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2007. 943 p.
- Shtudiner M. A. *Slovar' obraztsovogo russkogo udareniya*. 5th edition [Dictionary of the standard Russian stress]. Moscow, Airis-Press Publ., 2008. 568 p.
- Vorontsova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv. Formy slovoizmeneniya* [The Russian standard stress in the 18th–20th centuries. Inflection forms]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 328 p.
- Vostokov A. Kh. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Saint-Petersburg, 1831. 408 p.

Из истории русского языка

О некоторой специфике значений слов *ноздря* и *ухо* в русских говорах (к теме социально-исторической обусловленности изменения значений)

Жанна Жановна Варбот, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
zhannavarbot@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170009959-3

АННОТАЦИЯ: История общества отражается в изменениях значений слов.

Разные сферы функционирования языка и разные лексико-семантические группы слов реагируют на исторические явления в разной степени. Хотя названия частей тела считаются одной из наиболее устойчивых групп лексики, история слов обнаруживает и здесь изменения, обусловленные историческими событиями. В предлагаемой заметке рассматриваются подобные изменения в значениях слов *ноздря* и *ухо* и в образовании производных от них слов в русских говорах: *ноздря* и *ухо* отмечены как обозначения дерзких, смелых людей, нередко даже асоциальных. Производные слова *ухорéz* ‘лихой, отчаянный человек’, *ухорвán* ‘лихой, отчаянный молодой человек’ и *ноздрёвый* ‘каторжный’ вскрывают исторические истоки этих значений — бытовавшее в России вплоть до конца 18 в. наказание преступников уродованием и даже отрезанием ушей и надрыванием ноздрей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексика, семантика, диалекты, история языка, история общества

для цитирования: Варбот Ж. Ж. О некоторой специфике значений слов *ноздря* и *ухо* в русских говорах (к теме социально-исторической обусловленности изменения значений) // Русская речь. 2020. № 3. С. 47–53. DOI: 10.31857/S013161170009959-3.

благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00059 «Лексика славянских языков как наследие и развитие праславянского лексического фонда: словообразовательный, семантический и этимологический аспекты анализа в лексикографическом представлении».

From the History of the Russian Language

On Specific Meanings of Words *Nozdrja* and *Ucho* in Russian Dialects (On Social-Historic Aspect of Semantics Changes)

Zhanna Zh. Varbot, Vinogradov Russian Language Institut (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), zhannavarbot@yandex.ru

ABSTRACT: Shifts of lexical semantics often reflect social history. Different spheres of language functioning and different lexical-semantic groups react to historical events to a different extent. Although names of body parts are considered to be one of the most stable lexical groups, the history of some words in this group presents us with examples of semantic change caused by extralinguistic factors. The article deals with semantic change in Russian words *nozdrja* ‘nostril’ and *ukho* ‘ear’ and studies their dialectal derivatives. *Nozdrja* and *ukho* are used to refer to insolent, bold and even anti-social individuals, whereas the derivatives *ukhorez* ‘a reckless man’, *ukhorvan* ‘a reckless young man’ and *nozdrjovyi* ‘a convict’ point to historical sources of these semantic developments, namely, corporal punishment of criminals

by disfiguring or even cutting off their ears and by tearing their nostrils, practiced in Russia until the late 18th century.

KEYWORDS: lexicon, semantics, dialects, language history and social history

FOR CITATION: Varbot Zh. Zh. On Specific Meanings of Words *Nozdrja* and *Ucho* in Russian Dialects (On Social-Historic Aspect of Semantics Changes). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 3. Pp. 47–53. DOI: 10.31857/S013161170009959-3.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00059 “Vocabulary of Slavic languages as a legacy and development of the Pre-Slavic lexical fund: derivational, semantic and etymological aspects of analysis in the lexicographic representation”.

Совершенно очевидно, что значения слов изменяются в диахронии в зависимости от истории общества и условий функционирования языка. Несомненно также, что влияние этих факторов по-разному сказывается на словах отдельных лексико-семантических групп и функционировании слов в различных формах общенародного языка: в литературной, разговорной, жаргонной, диалектной речи. Наиболее гибкой является разговорная речь, но весьма восприимчива к изменениям в социальной жизни также диалектная речь. Одной из наиболее семантически устойчивых групп слов считаются названия частей тела. Но история лексики дает интересные свидетельства вторжения исторических событий и в эту лексическую группу. Ниже рассматривается отражение одного из существенных фактов истории социальной жизни русского государства — форм наказаний — в развитии значений весьма ограниченной лексической группы — названий *ноздри* и *уха* — в русских говорах.

Части тела человека, особенно находящиеся на виду, естественно привлекают к себе особое внимание, если как-то отличаются внешне от наиболее привычных по форме, величине. Часто эти особенности отмечаются в производных образованиях: *вислоухий*, *долгорукий*, *пучеглазый*. Такой же принцип мотивации лежит в основе прилагательного *курносый*, восходящего к **корноносый* ‘коротконосый’. Нередко название части тела само употребляется для обозначения человека с подобной физической особенностью: например, в говорах отмечено *нос* как прозвище человека с большим носом — *Саша-нос* (влад., калуж.) [Филин 1986 (гл. ред.): 285].

Впечатление от необычной формы или величины носа иногда отождествляется с особенностями поведения или характера человека. Например, с особенно крупным или крючковатым носом может быть связано отмеченное в говорах употребление *нос* ‘о человеке, отличающемся своенравием, гонором, упрямством’ (псков.), *с носом* ‘упрямый, капризный, с носом’ (арханг., волог.) [там же]. Вероятно, *Нос* у Гоголя имеет те же ассоциативные корни.

В приведенных случаях переносного употребления названия *нос* источниками мотивации являются впечатления от физических особенностей этой части тела в бытовой и социальной среде.

Названия ноздри и уха в русских говорах также примечательны специфическими значениями — они стали обозначениями людей с особенностями характера и даже с асоциальным поведением: *ухо* ‘о смекалистом, расторопном человеке’ (влад., арханг., олон., курск., калуж.), ‘удалец, смелый человек’ (ряз., волог.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 277], *ноздры* ‘о невзрачном или не стоящем внимания и уважения человеке’ (влад.), ‘о капризном человеке или животном’ (костром.), (бранно) ‘задиристый человек’ (калуж.) [Филин 1986 (гл. ред.): 272]. Ср. также производные от *ухо*: *ухарь* ‘смелый, бойкий человек’ (тамб., олон., костром., влад. и др.), *ухар* ‘бойкий, удалой человек’ (ворон., смол., одесск.), *ухач* ‘отчаянный, смелый’ (казаки-некрасовцы, дон., р. Урал), ‘хитрец, мошенник’ (дон., ворон.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 249, 250, 252]. Вероятно, некоторые из этих значений могут быть объяснены как следствие толкования способностей соответствующих органов чувств: относительно *ухо* ‘о смекалистом, расторопном человеке’ — ср. *ухо наставлять* ‘внимательно прислушиваться’ (волог.), *ухо вострить* ‘наблюдать, быть настороже’ (яросл.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 276–277], относительно *ноздры* ‘о капризном человеке или животном’ — ср. *ноздры* ‘о брезгливом, разборчивом человеке, животном’ (костром.) [Филин 1986 (гл. ред.): 272]. Но из способностей органов чувств трудно объяснить появление семантики смелости, бойкости, задиристости, мошенничества, с одной стороны, и социальной несостоятельности — с другой стороны (см. *ноздры* ‘о невзрачном или не стоящем внимания и уважения человеке’).

Разгадку отмеченных специфических употреблений названий уха и ноздри подсказывают производные от них слова: *ухорéz* ‘лихой, отчаянный человек’ (арханг., пск., твер., волог., перм., костром., тобол., енис., сиб.), ‘хулиган, драчун’ (волог., новг.), ‘шалун, проказник, сорванец; драчливый, задиристый парень’ (перм., вят., костром., волог., арханг., амур., забайкал. и др.), ‘вор, разбойник’ (карел., волог.), ‘головорез’ (перм., колым.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 302] с вариантом *ухарéz* ‘бойкий, удалой человек’ (костром., волог.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 249], а также *ухорván*

‘лихой, отчаянный молодой человек; шустрый, смелый баловень’ (волог.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 302] и *ноздрёвый* ‘каторжный’ (забайкал., с пометой «в прежнее время» в материалах 1901 г.) [Филин 1986 (гл. ред.): 272]. *Ноздрёвый* ‘каторжный’ непосредственно указывает на связь семантики смелости, бойкости, мошенничества у слова *ноздря* с каторжанами, а *ухорез*, *ухарез* и *ухорван* обнаруживают связь этой семантики с видами физических наказаний, предшествовавших вплоть до конца 18 в. ссылке на каторгу, — надрезанием и даже отрезанием носа и ушей. См. в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина описание сподвижника Пугачева — Хлопуши: «нос без ноздрей», а также работавших над укреплениями Оренбурга «колодников с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача». Ср. еще в «Замечаниях о бунте» А. С. Пушкина о подавлении Пугачевского восстания: «Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений. Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков) простили, отрезав им носы и уши».

Представляется возможным, что и фамилия *Ноздрёв* в «Мертвых душах» Гоголя отражает отмеченную особенность семантики *ноздря* — обозначение человека бойкого, задиристого, мошенника: гоголевский персонаж Ноздрёв отличается вздорным характером, склонен к произволу и даже насилию.

К слову *ухорез* могут восходить как его структурные преобразования диал. *ухорец* и *хорёц* ‘драчун, хулиган’ (ср. Прииртышье), ‘человек, способный на преступление’ (пск.), ‘удалец, молодец’ (свердл.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 302] с вариантом *ухарец* ‘дерзкий, злой озорник, хулиган’ (яросл., волог.), ‘бойкий, удалой человек’ (карел.), ‘веселый человек’ (сев.-зап.), ‘вялый, нерасторопный человек’ [СРНГ 48, 249–250] и далее *ухарь* ‘смелый, бойкий человек’ (тамб., олон., костром., влад., сарат., пенз., забайкал.), ‘поклонник, ухажер’ (волог.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 250] и *ухар* ‘бойкий, удалой человек’ (ворон., смол.) [Мызников 2015 (гл. ред.): 249].

Анализируемая специфическая семантика непроизводного *ухо* также, очевидно, вторична по отношению к *ухорез*, и можно предполагать, что *ухо* как обозначение смелого, дерзкого человека, склонного к мошенничеству, к асоциальному поведению, является обратным образованием от *ухорез*. Эта семантика также находит объяснение в социально-исторических условиях: прошедшие каторгу, тем более — с обезображенными ушами или ноздрями — люди настороженно, с подозрением воспринимались крестьянской и городской мещанской средой (к которой обычно исконно принадлежали) и действительно трудно вживались в нее, отличались нестандартным поведением, смелостью, дерзостью и под. Непосредственная связь *ухо* в специфическом значении и *ухорез* отмечена

в словаре В. Даля: «Ухо-парень, *ухорез*, лихой сорванец, молодец, смельчак, удалец» [Даль 1866: 479].

Обезображенные уши и ноздри как физический признак, служащий мотивационным основанием отмеченных употреблений слов *ухо* и *ноздря* для обозначения людей смелого, удалого и дерзкого, асоциального поведения, сопоставимы с величиной носа, которая может быть мотивационным основанием для обозначения поведения человека своенравного, упрямого, с гонором (см. выше). Но есть существенная разница между этими физическими признаками частей тела, а именно — в природе этих признаков: величина или форма носа обусловлены рождением и не связаны (во всяком случае, как правило) с социальным прошлым человека, тогда как изувеченные уши или ноздри человека — след историко-социальных обстоятельств, остававшийся знаком каторжного прошлого: см. диал. *урéz* ‘каторжник с клеймом’ (забайкал.) [Мызников 2014 (гл. ред.): 327]. Следует отметить, что речь идет о роли этих увечий в появлении специфических употреблений слов *ухо* и *ноздря* только по отношению к человеку и в определенных исторических условиях: см. выше словарную помету «в прежнее время» о прилаг. *ноздрёвый*. Самая ранняя лексикографическая фиксация слова *ухорез* принадлежит В. Далю (см. выше), то есть в 1866 г., а в художественной литературе (по материалам Национального корпуса русского языка) это слово впервые встречается в произведении П. И. Мельникова-Печерского «На горах» (Книга первая, 1875–1881 гг.).

Самый способ клеймения с помощью надреза на ушах известен в животноводческой практике: см. *ухорézный* ‘скотина, меченная резанным ухом’ [Даль 1866: 480]. Как один из видов наказания, повреждение ушей и носа человека применялось, очевидно, с древнейших времен, см. в Евангелии от Иоанна (гл. 18, ст. 10, о попытке апостола Петра помешать пленению Иисуса): «Петр, имея меч, извлек его и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо»; в древнеславянском памятнике «Закон судный людям», дошедшем до нас в древнерусских списках XIII в., сообщается об отрезании носа «по закону людьскому» [Hauptová (hl. red.) 1997: 676, урѣзати].

Сопоставляя зафиксированные значения всех приведенных производных от *ухо*, можно проследить постепенное «стирание» следов «каторжного прошлого»: от ‘отчаянный, способный на преступление человек, разбойник, мошенник’ к ‘озорник’ и ‘смелый, бойкий человек, молодец’. Примечательно появление значения ‘поклонник, ухажер’ (для *ухарь*, см. выше): оно однотипно с ласкательным употреблением в разговорном языке (в обстановке ухаживания и даже по отношению к шаловливым детям) слов *разбойник*, *бандит*, *жулик*.

Литература

- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Общество Любителей Российской Словесности, 1866.
- Мызников С. А. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 47. СПб.: Наука, 2014. 352 с.; Вып. 48. СПб.: Наука, 2015. 341 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 21. Л.: Наука, 1986. 360 с.
- Hauptová Z. (hl. red.). Slovník jazyka staroslověnského. T. 4. Praha: Academia, 1997. 1042 с.
-

References

- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of live Russian language]. Vol. IV. Moscow, Obshchestvo Lyubitelei Rossiiskoi Slovesnosti Publ., 1863–1866.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Iss. 21 Leningrad, Nauka Publ., 1986. 360 p.
- Hauptová Z. (ch. ed.). *Slovník jazyka staroslověnského* [Dictionary of Old Slavonic language]. Vol. 4. Praha, Academia Publ., 1997. 1042 p.
- Myznikov S. A. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Iss. 47. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2014. 352 p.; Iss. 48. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2015. 341 p.

Из истории русского языка

Гимн «Единородный Сыне»: догматический смысл и русские переводы

Константин Андреевич Цырельчук, Сретенская духовная семинария (Россия, Москва),
tsyrelchukk@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170009960-5

АННОТАЦИЯ: Дискуссии относительно богослужебного языка Русской Церкви активно ведутся с начала XX столетия. В «Отзывах епархиальных архиереев» высказывались идеи о необходимости полного перехода в богослужении на русский или же редактирования труднопонижаемых текстов. На Поместном соборе 1917–1918 гг. эта проблема также весьма напряженно обсуждалась: на соборных заседаниях был выработан ряд положений, которые, к сожалению, не были утверждены самим собором. В этот же период создаются авторские переводы А. Н. Ушакова, прот. Владимира Успенского, Н. Нахимова, М. Н. Скабаллановича. Обновленческое движение в 1920–1940-е гг. не совершило перехода на русский язык в богослужении. Отдельные обновленцы (митр. Антонин (Грановский), священник Василий Адаменко, священник Константин Смирнов) занимались своими собственными переводами богослужения. Во второй половине XX столетия опыт перевода литургических последований прекратился, он возрождается только в 1990-е годы. Основные переводы, выполненные за последние 25 лет, принадлежат иером. Амвросию (Тимроту), священнику Георгию Кочеткову, митру Илариону (Алфееву), митру Ионафану (Елецких), О. А. Седаковой. Переводы, естественно, имеют свои особенности. При этом каждый из переводчиков сталкивается с рядом проблем, таких, как: трудность передачи ритмики оригинала и церковнославянского перевода, сохранение библейских аллюзий и догматических смыслов. Именно последнее является важным

при переводе гимнографических текстов (догматиков, определенных гимнов и стихир) с богословским содержанием. В настоящей статье рассматриваются авторские переводы литургического гимна «Единородный Сыне» через призму точности сохранения догматического смысла, вложенного в него.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковнославянский язык, авторский перевод, гимн «Единородный Сыне», догматика, догматическое богословие, проблемный анализ

для цитирования: Цырельчук К. А. Гимн «Единородный Сыне»: догматический смысл и русские переводы // Русская речь. 2020. № 3. С. 54–64. DOI: 10.31857/S013161170009960-5.

From the History of the Russian Language

The Hymn “Only-Begotten Son”: Dogmatic Meaning and Russian Translations

Konstantin A. Tsyrelchuk, Sretensky Theological Seminary (Russia, Moscow),
tsyrelchukk@gmail.com

ABSTRACT: Since the beginning of the XX century there have been numerous discussions about the liturgical language of Russian Church. The “Reviews of Diocesan Bishops” emphasizes the need for complete transition from Church Slavonic to Russian language during services or editing difficult-to-understand texts. At the Local Council of 1917–1918, this problem was also actively discussed. The members of the Council came up with the guidelines on how to implement the changes. Unfortunately, the guidelines were not approved by the Council in the end. At the same time, author’s translations of A. N. Ushakov, prot. Vladimir Uspensky, N. Nakhimov, M. N. Skabalanovich were created. The renewal movement (1920s–1940s) did not change the situation as well. However, individual members of the movement, e. g. mitr. Antonin (Granovsky), pr. Vasyl Adamenko and pr. Konstantin Smirnov

created their own translations of the services. The translation of liturgical sequences stopped in the second half of the XX century and was revived only in the 1990s. The main translations made over the past 25 years belong to ierom. Ambrose (Timrot), pr. George Kochetkov, mitr. Hilarion (Alfeyev), mitr. Jonathan (Yeletskikh) and O. A. Sedakova. The translations, of course, have their own peculiarities and. However, all of them face a number of problems: the difficulty of keeping the original rhythm, proper translation of Church Slavonic, preserving biblical allusions and dogmatic meanings. It is the latter that is important when translating hymnographic texts with theological content, such as dogmatics, certain hymns and sticherons. This article studies various translations of the liturgical hymn “Only-Begotten Son” in order to find the translation that most accurately preserved the original dogmatic meaning of the hymn.

KEYWORDS: Church Slavonic language, author’s translation, hymn “The Only Begotten Son”, dogma, dogmatic theology, problem analysis

FOR CITATION: Tsyrelchuk K. A. The Hymn “Only-Begotten Son”: Dogmatic Meaning and Russian Translations. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 3. Pp. 54–64. DOI: 10.31857/S013161170009960-5.

В XX–XXI столетиях созданы многочисленные переводы богослужбных текстов на русский язык. Они породили ряд трудностей, таких, как передача ритмики оригинала и церковнославянского перевода, сохранение библейских аллюзий и догматических смыслов.

История дискуссий, касающихся этих переводов, представляет собой сложное переплетение многочисленных мнений. Выделяются разные взгляды — от строго консервативных до свободных либеральных. Ниже представлен анализ переводов на русский язык литургического гимна «Единородный Сыне» через призму точности сохранения догматического смысла, вложенного в него. Это переводы протоиерея Владимира Успенского [Успенский 1911: 40], Н. Нахимова [Нахимов 1911: 56–57], иеромонаха Феофана (Адаменко) [Адаменко 1926: 23], иеромонаха Амвросия (Тимрота) [Амвросий (Тимрот) 2003: 104], священника Георгия Кочеткова [Православное богослужение 2010: 43], митрополита Илариона (Алфеева) [Божественная Литургия 2016: 35] и митрополита Ионафана (Елецких) [Ионафан (Елецких)]. У последнего имеется три варианта перевода гимна «Единородный Сыне».

Это песнопение, созданное в V столетии, по преданию, святым императором Юстинианом Великим, отражает важные догматические постулаты христианской Церкви: воплощение и вочеловечение Сына Божия, распятие на Кресте и воскресение [Киприан (Керн) 2006: 144]. Центральная идея настоящего гимна «заключается в том, что на Кресте пострадал Едиnorodный (т. е. единственный) Сын Небесного Отца, вечное Слово Божие, Которое ради нашего спасения “стало плотию” (Ин. 1:14) и вочеловечилось» [Никитин 2009: 52]. Император Юстиниан I Великий в эпоху, когда велся богословский диспут между сторонниками двух взглядов на природу Иисуса Христа [Грацианский 2016: 136–140], решает ввести в состав константинопольской Божественной литургии гимн, который раскрывает догмат о страдании Бога Слова [Дворкин 2003: 406; Феодор (Юлаев) 2017: 684].

Тот факт, что указанный тропарь раскрывает в гимнографической форме догматы христианства, приводит к необходимости точной передачи всех его смыслов во избежание искажений вероучения.

Полный текст песнопения «Едиnorodный Сын» следующий: Ѡдннорѡднѡй сѡне, ѡ слѡвѣ бжѡй (1), безсмѣртенъ сынъ (2), ѡ ѡбѡлнвѡй (3) спсѣнѡ нашегѡ рѡдн (4) воплотѣннѡ ѡ стѣлѡ бжѡ, ѡ приснодѣвы (5) мрѣн, непрелѡжнѡ (6) вѡчлѣчнвѡйнѡ (7): распнѡйнѡ (8) же хрѣтѣ бжѡ, смѣртнѡ смѣртѣ поправѡй (9), ѡдннъ сынъ (10) стѣлѡ трѡцы, прославляемѡй ѡцѡ ѡ стѡмѡ дхѡ (11), спсѡ насѡ.

Едиnorodный Сын и Слово Божие! Бессмертный и благоволивший спасения нашего ради воплотиться от Святой Богородицы и Приснодевы Марии, неизменно вочеловечившийся и распятый, Христе Боже, смертью смерть поправший, Один из Святой Троицы, прославляемый со Отцом и Святым Духом, спаси нас! (перевод иеромонаха Амвросия (Тимрота)).

Сравнительный анализ греческого оригинала, церковнославянского и различных русских переводов выявляет целый ряд слов и словосочетаний, которые передаются вариативно. Укажем для полноты картины все разночтения.

(1) Λόγος τοῦ Θεοῦ — слѡвѣ бжѡй — Слово Божие (протоиерей Владимир Успенский, Н. Нахимов, иеромонах Феофан (Адаменко), митрополит Ионафан (Елецких), иеромонах Амвросий (Тимрот)), Слово Бога (свящ. Георгий Кочетков, митрополит Иларион (Алфеев));

(2) ἀθάνατος ὑπάρχων — безсмѣртенъ сынъ — бессмертному по естеству (протоиерей Владимир Успенский), будучи бессмертным (Н. Нахимов, митрополит Иларион (Алфеев)), Бессмертный (иеромонахи Феофан (Адаменко) и Амвросий (Тимрот)), священник Георгий Кочетков), бессмертно сущий / бессмертное (Божественное Слово) (митрополит Ионафан (Елецких));

(3) καταδεξάμενος — *нзбóлньый* — *угодно было* (протоиерей Владимир Успенский), *изволил* (Н. Нахимов), *благоволивший* (иеромонахи Феофан (Адаменко) и Амвросий (Тимрот)), *добровольно* (священник Георгий Кочетков), *согласился* (митрополит Иларион (Алфеев)), *изволивший / изволил / соизволил* (митрополит Ионафан (Елецких));

(4) διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν — *г҃ієніа нашегу рѣди* — *ради нашего спасения* (протоиерей Владимир Успенский, Н. Нахимов, священник Георгий Кочетков), *для нашего спасения* (иеромонах Феофан (Адаменко)), *спасения нашего ради* (иеромонах Амвросий (Тимрот) и митрополит Ионафан (Елецких)), *для того, чтобы спасти нас* (митрополит Иларион (Алфеев));

(5) ἀειπαρθένου — *приснодѣи* — *присно (всегда) Девы* (протоиерей Владимир Успенский), *Вечнодевы* (Н. Нахимов, иеромонах Феофан (Адаменко), священник Георгий Кочетков), *Приснодевы* (иеромонах Амвросий (Тимрот), митрополит Иларион (Алфеев)), *приснодевственной* (митрополит Ионафан (Елецких));

(6) ἀτρέπτως — *непрелóжнѡ* — *действительно* (протоиерей Владимир Успенский), *не изменяясь* (Н. Нахимов, митрополит Иларион (Алфеев)), *непреложно* (иеромонах Феофан (Адаменко)), *неизменно* (иеромонах Амвросий (Тимрот), священник Георгий Кочетков, митрополит Ионафан (Елецких));

(7) ἐνανθρωπήσας — *кочлѣчнѡиѡг҃а* — *вочеловечился* (протоиерей Владимир Успенский), *сделался человеком* (Н. Нахимов), *вочеловечившийся* (иеромонахи Феофан (Адаменко) и Амвросий (Тимрот), священник Георгий Кочетков), *стал Человеком* (митрополит Иларион (Алфеев)), *вочеловечиться* (митрополит Ионафан (Елецких));

(8) σταυρωθεῖς — *распяніѡг҃а* — *распятый* (протоиерей Владимир Успенский, Н. Нахимов, иеромонахи Феофан (Адаменко) и Амвросий (Тимрот), священник Георгий Кочетков), *будучи распят* (митрополит Иларион (Алфеев)), *отдавший Себя на распятие / распятый* (митрополит Ионафан (Елецких));

(9) θανάτῳ θάνατον πατήσας — *мѣр҃тїю мѣр҃ть попрѣвѡиѡ* — *Своею смертью победил смерть* (протоиерей Владимир Успенский, Н. Нахимов), *смертью Своею победивший смерть* (иеромонах Феофан (Адаменко)), *смертью смерть поправший* (иеромонах Амвросий (Тимрот), священник Георгий Кочетков), *Своей смертью растоптал смерть* (митрополит Иларион (Алфеев)), *смертью смерть поправший / поправший смертью смерть* (митрополит Ионафан (Елецких));

(10) εἷς ὢν τῆς Ἁγίας Τριάδος — *ѣдинѡ сѡи г҃ѡг҃а тр҃ицы* — *Будучи Единым из лиц Святой Троицы* (протоиерей Владимир Успенский), *Будучи одним из Лиц Святой Троицы* (Н. Нахимов), *Единый из Святой Троицы* (иеромонах Феофан (Адаменко)), *Один из Святой Троицы* (иеромонах Амвросий

(Тимрот), священник Георгий Кочетков), *Ты являешься одним из [Лиц] Святой Троицы* (митрополит Иларион (Алфеев)), *один из Лиц Святыя Троицы / Один из Троицы Святой* (митрополит Ионафан (Елецких));

(11) συνδοξαζόμενος τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Ἁγίῳ Πνεύματι — *прославляемый ὁ ὢν ἢ ὁ βόμῳ δ᾿ ἄλλῳ — чтимый (славимый вместе), как Отец и Святой Дух* (протоиерей Владимир Успенский), *прославляемый с Отцом и Святым Духом* (Н. Нахимов, Амвросий (Тимрот)), *прославляемый так же, как Отец и Святой Дух* (иеромонах Феофан (Адаменко)), *прославляемый вместе с Отцом и Святым Духом* (священник Георгий Кочетков), *принимает прославление вместе с Отцом и Святым Духом* (митрополит Иларион (Алфеев)), *прославляемый с Отцом и Святым Духом* (митрополит Ионафан (Елецких)).

Указав все разночтения, можно остановиться на некоторых из них.

Медиальное причастие *καταδεξάμενος* (в церковнославянском — *нзвблнхый*) указывает на то, что Второе Лицо Пресвятой Троицы силой своего Божества добровольно принимает решение стать Человеком. Святитель Афанасий Великий так описывает причину воплощения: «Сжалилось Оно (Слово, Сын Божий. — К. Ц.) над родом нашим, умилилось над немощию нашею, снизошло к нашему тлению, не потерпело обладания смерти, и чтоб не погибло сотворенное, и не оказалось напрасным, что соделано Отцом Его для людей, — приемлет на Себя тело, и тело нечуждое нашему» [Афанасий Великий 1902: 202].

Церковнославянский глагол *нзвблнхти*, от которого образовано причастие *нзвблнхый*, согласно «Словарю русского языка XI–XVII веков», имеет следующие лексико-семантические варианты: 1) захотеть, пожелать; 2) предпочесть, выбрать; 3) выразить свою волю, повелеть, распорядиться; 4) позволить, разрешить [Бархударов (гл. ред.) 1979: 127–128]. При этом О. А. Седакова указанному глаголу приписывает два значения — в зависимости от греческого глагола оригинала: *αἰρετίζω* — *‘избрать, пожелать, свободно решить’* и *καταδέχομαι* — *‘принять’*. Заметно, что в настоящем гимне речь идет именно о добровольности решения [Мейендорф 2000: 134–135].

Приведенная семантика различно передается и в рассматриваемых переводах: протоиерей Владимир Успенский — *угодно было*; Н. Нахимов — *Ты изволил*; иеромонахи Феофан (Адаменко) и Амвросий (Тимрот) — *благоволивший*; священник Георгий Кочетков — *добровольно*; митрополит Иларион (Алфеев) — *согласился*, митрополит Ионафан (Елецких) — *изволивший / изволил / соизволил*.

Вариативно переводится и сущ. *ἡ ἀειπάρθενος*, а именно морфема *ἀει-*, имеющая значение *‘всегда, постоянно, вечно’* [Дворецкий 1958: 37–38]. В церковнославянской традиции она передается как *прѣно-*. Современный верующий не всегда понимает, что означает настоящая единица,

поэтому некоторые переводчики (Н. Нахимов, иеромонах Феофан (Адаменко), священник Георгий Кочетков) передают ее как *вечно-* (*Вечнодева*), другие же (протоиерей Владимир Успенский, иеромонах Амвросий (Тимрот), митрополит Иларион (Алфеев)) сохраняют церковнославянизм, являющийся устаревшим в русском литературном языке [Филин Ф. П. (гл. ред.) 1961: 739]. Митрополит Ионафан (Елецких) сохраняет существительное *Приснодева*, а также дает его альтернативный вариант, субстантивированное имя прилагательное — *Приснодевственная*.

Важный догматический смысл заложен в наречии ἀτρέπτως, переведенном в церковнославянском тексте как *непреложно*. Данное слово упоминается в вероопределении IV Вселенского собора [Деяния 1908: 48; Price, Gaddis 2005: 186] и указывает на то, что Вторая Ипостась Троицы «по природе неизменно оставаясь Богом, воспринимает в Свое существо всю человеческую природу для того, чтобы восстановить человечество в его первозданном состоянии, освободив его от греха и смерти» [Мейендорф 2000: 19]. Так описывается и ипостасное единство двух природ в Господе Иисусе Христе [Леонов 2005: 187].

Церковнославянское *непреложно*, малопонятное для современного верующего, имеет значение ‘без изменения, неизменно’ [Шмелев (гл. ред.) 1986: 244]. Следуя за этим толкованием, авторы и переводят данное слово: протоиерей Владимир Успенский — *действительно*, Н. Нахимов и митрополит Иларион (Алфеев) — *не изменяясь*, иеромонах Феофан (Адаменко) — *непреложно*, иеромонах Амвросий (Тимрот), священник Георгий Кочетков и митрополит Ионафан (Елецких) — *неизменно*.

По-разному передается словосочетание θανάτω θάνατον πατήσας (*смёртѣю смёрть попрѣбый*), встречающееся не только в гимне «Единородный Сыне», но и, например, в тексте тропаря Пасхи. Основную трудность вызывает прич. аориста И. п. ед. ч. м. р. πατήσας от глаг. πατέω ‘*топтать, ступать, ходить, осквернять, позорить*’ [Дворецкий 1958: 1269]. Церковнославянское *попрѣбн* имеет широкий семантический спектр: 1) затоптать, потоптать; 2) попать, одолеть, победить; 3) презреть, оскорбить; 4) разрушить, разорить, разграбить; 5) попать; 6) воткнув, опереться [Богатова (гл. ред.) 1991: 97]. Некоторые значения вполне передают исконный смысл: Христос Своей смертью на Кресте попрал, разрушил, победил смерть и разорил ад. Эта мысль глубоко укоренена в православном богословии. В доказательство можно привести цитаты двух выдающихся богословов разных времен: святителя Григория Богослова и священномученика Илариона (Троицкого). Первый в одном из слов говорит: Христос «умирает, но животворит и разрушает смертью смерть. Погребается, но восстает. Нисходит в ад, но возводит из него души, но восходит в небеса» [Григорий Богослов 2010: 362]. Данную мысль повторяет и второй:

«Страшна была смерть роду человеческому раньше смерти Христовой, но после Христова воскресения человек стал страшен для смерти, ибо один из нас победил смерть, не остался во гробе и не увидел тления» [Иларион (Троицкий) 2004: 390].

Авторы перевода гимна «Единородный Сыне» на русский язык стремятся остаться в русле восточнохристианской традиции и верно передают и греческое $\theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omega\theta\ \theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omega\nu\ \pi\alpha\tau\acute{\eta}\rho\sigma\alpha\varsigma$, и церковнославянское смѣртѣи смѣртѣ попрълѣи : протоиерей Владимир Успенский и Н. Нахимов — *Своею смертью победил смерть*, иеромонах Феофан (Адаменко) — *смертию Своею победивший смерть*, иеромонах Амвросий (Тимрот) и священник Георгий Кочетков — *смертью смерть поправший*, митрополит Иларион (Алфеев) — *Своей смертью растоптал смерть*, митрополит Ионафан (Елецких) — *смертию смерть поправший / поправший смертью смерть*. При этом некоторые добавляют притяжательное местоимение *свой* для усиления передачи жертвенного характера смерти Христовой.

$\text{Εἶς ὧν τῆς Ἁγίας Τριάδος (ἑάνης ἑῖς ἑῖς τῆς Τριῶν)}$ — конструкция, которая вариативно отражается в русском языке. Важным является верная передача причастия ὧν — ἑῖς в церковнославянском языке, ἕῃ (Яхве) — в древнееврейском [Шмалий 2002: 389]. Это имя, которое Бог открыл пророку Моисею: *Я есмь Сущий* или *Я есть Тот, Кто Я есть* (Исх. 3:14). Протоиерей Александр Мень так поясняет значение этого имени Бога: «*Сущий — это Тот, Кто владеет бытием, Кто Сам является Бытием*» [Мень 2002: 525]. Таким образом, в гимне подчеркивается Божественная природа Сына Божия наравне с Богом Отцом и Богом Святым Духом. А полное выражение $\text{εἶς ὧν τῆς Ἁγίας Τριάδος}$ на момент написания песнопения должно было примирить сторонников IV Вселенского собора, верующих в Богочеловеческую природу Иисуса Христа, и тех, кто признавал в Нем лишь Божественную природу [Никитин 2009: 54].

Приведенная фраза переводится у исследуемых авторов следующим образом: протоиерей Владимир Успенский — *Будучи Единым из лиц Святой Троицы*, Н. Нахимов — *Будучи одним из Лиц Святой Троицы*, иеромонах Феофан (Адаменко) — *Единый из Святой Троицы*, иеромонах Амвросий (Тимрот) и священник Георгий Кочетков — *Один из Святой Троицы*, митрополит Иларион (Алфеев) — *Ты являешься одним из [Лиц] Святой Троицы*, митрополит Ионафан (Елецких) — *один из Лиц Святыя Троицы / Один из Троицы Святой*. Различия *один / един* вызваны тем фактом, что греческое εἶς указывает как на количество (один), так и на единство.

Исходя из вышесказанного, проанализированные места, которые являются важными с догматической точки зрения, переводятся на русский язык без искажения православного вероучения.

Источники

Адаменко В., свящ. Собрание Божественных Литургий, совершаемых Православною Российскою Церковью. Н. Новгород: Типография Исправ-труддома, 1926. 123 с.

Амвросий (Тимрот), иером. Часослов. М.: Вертоград, 2003. 272 с.

Афанасий Великий, свт. Слово о воплощении Бога-Слова, и о пришествии Его к нам во плоти // Афанасий Великий, свт. Творения. Т. 1. Сергиев Посад: Изд-во Троице-Сергиевой Лавры, 1902. С. 191–264.

Божественная Литургия святителя Иоанна Златоуста: с параллельным переводом на русский язык. М.: Никея, 2016. 192 с.

Григорий Богослов, свт. Слово 29 // Григорий Богослов, свт. Творения. Т. 1. М.: Сибирская Благовонница, 2010. С. 191–264.

Деяния Вселенских Соборов. Т. 4. Казань: Типография Казанской академии, 1908. 650 с.

Иларион (Троицкий), сщмч. Пасха нетления // Иларион (Троицкий), сщмч. Творения. Т. 3. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004. С. 388–391.

Ионафан (Елецких), архиеп. Толковый путеводитель по Божественной Литургии святителя Иоанна Златоуста. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vladyka-ionafan.ru/sites/default/files/liturgy/TOLKOVYY_PUTEVODITEL_PO_BOZHESTVENNOY_LITURGII_SVYATITELYa_IOANNA_ZLATOUSTA_YaNVAR_12.01_2020_GOD.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

Нахимов Н. Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык. М.: Синодальная типография, 1911. 355 с.

Православное богослужение в переводе с греческого и церковнославянских языков. Кн. 2. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2010. 272 с.

Успенский В., прот. Сборник церковных песнопений с переводом их на русский язык. М.: Синодальная типография, 1911. 252 с.

Price R., Gaddis M. The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. 2. Liverpool: Liverpool University Press, 2005. 320 p.

Литература

Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М.: Наука, 1979. 359 с.

Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М.: Наука, 1991. 296 с.

- Грацианский М. В. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского собора. М.: Изд-во МГУ, 2016. 389 с.
- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1904 с.
- Дворкин А. Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2003. 816 с.
- Киприан (Керн), архим. Евхаристия (из чтений в Православном Богословском институте в Париже). М.: Храм свв. бесср. Косьмы и Дамиана на Маросейке, 2006. 334 с.
- Леонов В., прот. Бог во плоти. М.: Драккар, 2005. 216 с.
- Мейендорф И., прот. Иисус Христос в восточном православном предании. М.: Изд-во ПСТГУ, 2000. 318 с.
- Мень А., прот. Имена Божии // Мень А., прот. Библиологический словарь. Т. 1. М.: Фонд Александра Меня, 2002. С. 523–525.
- Никитин С. И. и др. Едиnorodный Сыне // Православная энциклопедия. Т. 18. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви, 2009. С. 51–57.
- Феодор (Юлаев), иером. Монофизитство // Православная энциклопедия. Т. 46. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви, 2017. С. 679–696.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 11. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 456 с.
- Шмалий В., свящ. Бог // Православная энциклопедия. Т. 5. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви, 2002. С. 387–433.
- Шмелев Д. Н. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. М.: Наука, 1986. 456 с.

References

- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th c.]. Vol. 6. Moscow, Nauka Publ., 1979. 359 p.
- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th c.]. Vol. 17. Moscow, Nauka Publ., 1991. 296 p.
- Dvoretzkii I. H. *Drevnegrechesko-russkii slovar'. V 2 t.* [Ancient Greek- Russian. In 2 vols.]. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries Publ., 1958. 1905 p.
- Dvorkin A. *Ocherki po istorii Vselenskoj Pravoslavnoi Tserkvi* [Essays on the history of the Universal Orthodox Church]. Nizhnij Novgorod, Hristianskaya Biblioteka Publ., 2003. 816 p.
- Feodor (Yulaev), hierom. [Monophysitism]. *Pravoslavnaya eEnciklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Vol. 46. Moscow, Church and Scientific Center of the Russian Orthodox Church Publ., 2017, pp. 679–696. (In Russ.)
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Vol. 11. Moscow, AS USSR Publ., 1961. 456 p.

- Graciansky M. V. *Imperator Yustinian Velikii i nasledie Khalkidonskogo sobora* [Emperor Justinian the Great and the legacy of the Council of Chalcedon]. Moscow, MSU Publ., 2016. 389 p.
- Kiprian (Kern), archim. *Evkharistiya (iz chtenii v Pravoslavnom Bogoslovskom institute v Parizhe)* [The Eucharist (from readings at the Orthodox Theological Institute in Paris)]. Moscow, Church of St. the Disinterested Cosmas and Damian on Maroseyka Publ., 2006. 334 p.
- Leonov V., archpr. *Bog vo ploti* [God in the flesh]. Moscow, Drakkar Publ., 2005. 216 p.
- Meiendorf I., archpr. *Iisus Khristos v vostochnom pravoslavnom predanii* [Jesus Christ in Eastern Orthodox tradition]. Moscow, PSTGY Publ., 2000. 318 p.
- Men' A., archpr. [Names of God]. Men' A., priest. *Bibliologicheskij slovar'* [Bibliological dictionary]. Moscow, Fond A. Menja Publ., 2002, pp. 523–525. (In Russ.)
- Nikitin S. I. [Only Begotten Son]. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Vol. 18. Moscow, Church and Scientific Center of the Russian Orthodox Church Publ., 2009, pp. 51–57. (In Russ.)
- Shmalij V., priest. [God]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Vol. 5. Moscow, Church and Scientific Center of the Russian Orthodox Church Publ., 2002, pp. 387–433. (In Russ.)
- Shmelev D. N. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th c.]. Vol. 11. Moscow, Nauka Publ., 1986. 456 p.

Катахреза в поэтическом стиле В. А. Сосноры

Кирилл Михайлович Балашов-Ескин, Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва), bkm@bk.ru

DOI: 10.31857/S013161170009961-6

АННОТАЦИЯ: В настоящей статье рассматривается такой феномен поэтической речи, как катахреза. Вследствие разницы литературоведческих подходов сформировалось и неоднозначное понимание катахрезы, а потому ее фиксация в лирике носит порой условный, а в некоторых случаях и дискуссионный характер. Тем не менее катахреза, сохраняя авторские особенности, играет существенную роль в формировании индивидуального поэтического стиля. Взгляд на катахрезу как на признак индивидуального стиля, а следовательно и как на часть поэтики индивидуального стиля, раскрывает очевидное воздействие этого художественного приема на внутреннюю форму как самой номинативной единицы, так и образа в целом, расширяет семантику приема и наделяет его новыми гранями. Особенно ярко катахреза проявляется в творчестве поэта второй половины XX в. В. А. Сосноры. Используя ее, поэт оживляет стертые, прочно вошедшие в речь метафоры, обращается к традиции синтеза искусств, цветопередачи и звукоподражания, сталкивает несогласованные и противоречивые образы и наделяет устойчивые символы новыми смыслами. Ее последовательное и множественное использование наряду с другими тропами создает особый, семантически насыщенный, сложный «иррациональный стиль».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В. А. Соснора, катахреза, индивидуальный стиль, неоавангард

для цитирования: Балашов-Ескин К. М. Катахреза в поэтическом стиле В. А. Сосноры // Русская речь. 2020. № 3. С. 65–76. DOI: 10.31857/S013161170009961-6.

The Language of Fiction

Catachresis in the Poetical Style of V. A. Sosnora

Kirill M. Balashov-Eskin, Moscow City University (Russia, Moscow),
bkm@bk.ru

ABSTRACT: This article is dedicated to a phenomenon of poetic speech known as catachresis. There is no common definition of catachresis among the philologists due to different approaches to literary studies, thus its identification in lyrics is somewhat arbitrary and even controversial. Nevertheless, catachresis captures some of the author's unique characteristics and thus plays a significant role in the individual poetic style. When we consider this artistic device as a feature of individual poetic style, it becomes obvious that it influences not only the inner form of the word, but the whole artistic image, expanding its semantics and saturating it with new meanings. This technique was clearly and nontrivially expressed in the poetry of V. A. Sosnora. Using catachresis, the poet revives trite metaphors that have been firmly established in everyday speech and refers to the tradition of synthesizing art, color rendering and onomatopoeia. Using catachresis Sosnora clashes inconsistent and contradictory images and endows well-known symbols with new meanings. By persistently resorting to this technique in combination with other tropes, the author creates a unique semantically saturated and complex "irrational style".

KEYWORDS: Sosnora, cathachresis, individual style, neo-avant-garde

FOR CITATION: Balshov-Eskin K. M. Catachresis in the Poetical Style of V. A. Sosnora. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 3. Pp. 65–76. DOI: 10.31857/S013161170009961-6.

Виктор Соснора — один из ведущих поэтов плеяды шестидесятников, одновременно стоящий в стороне от этого движения. «Язык поэзии Виктора Сосноры, предельно усложненный и предельно насыщенный смыслами, неисчерпаем для исследователя» [Зубова 2009: 204], и с этим трудно не согласиться. Сочетание множественной иносказательности с предельной ясностью, эксперименты со звуком и словом, кропотливая работа с внутренней формой через соединение различных слов и образов в еще более многозначное единство одновременно и притягивает, и отталкивает читателя. Поэтическое наследие поэта в книжном эквиваленте умещается в один небольшой том, тем не менее в художественной системе координат оно несоразмерно больше. Именно поэтому научные исследования поэзии Сосноры трудно назвать исчерпывающими.

Основа поэтического стиля Сосноры, разработавшего «в высшей степени оригинальную художественную систему» [Русские писатели 20 века 2000: 665], — незначительное, но подчеркнутое смещение семантических и синтаксических норм языка, в том числе тропов и фигур классической риторики. Общий иронический, переходящий в сарказм настрой, создающийся за счет различных сочетаний слов, заставляет задуматься над использованием в его стиле такого художественного приема, как катахреза.

Катахреза — сложный феномен поэтической речи, изучаемый стилистикой, как лингвистической, так и литературоведческой. Разница подходов к изучению языка словесности обуславливает неоднозначность понимания катахрезы. М. В. Ломоносов относил катахрезу к одному из шести тропов, говоря о ней как о замене слов «на другие, которые имеют знаменование, к ним очень близкое, ради напряжения или послабления вещи, н. п.: в первом случае *прибил* вместо *ударил* <...>; во втором случае те же примеры противным образом» [Ломоносов 1952: 3], а примерно в то же время французский лингвист Никола Бозе, отталкиваясь от определения Квинтилиана, уточнял, что «катахреза есть не столько частный случай тропа, сколько один из аспектов, в котором можно рассматривать любой иной троп»¹ («la catachrèse est moins un trope particulier, qu'un aspect sous le quel tout autre trope peut être en visagé» [ARTFL Encyclopédie: 699]), и к тропам уже не относил.

В современном понимании катахреза представляется неким синтезом ее тропической и фигуральной природы. Например, А. П. Квятковский

¹ Перевод дан по книге: [Тодоров 1998: 110].

пишет о катахрезе как о сочетании «противоречивых, но не контрастных по природе слов, понятий, выражений, вопреки их буквальному значению» [Квятковский 1966: 131], приводя такие примеры, как «стрелять из пушки», «путешествовать по морям». Катахреза, со временем входя в обиход речи, не воспринимается ни как речевая ошибка, ни как метафора. «Стрелять» можно из чего угодно, как и «путешествовать» по морю, воздуху и суше. К примеру, в словосочетании «корабль идет» можно отметить не только метонимию и олицетворение, но и метафору *осознанного* движения по заданному маршруту (в противовес «плыть по течению»), сопротивления волнам, чудесного по сути явления удержания на поверхности воды огромного корабля. Выражение вошло в обиход среди моряков, и в художественной литературе нет преимущества использования «идет» перед «плывет».

Литературоведение рассматривает катахрезу не только с точки зрения формирования семантического значения, но и в плане ее функциональности в поэтическом стиле, ее роли в создании внутренней формы образа, в «приращении» содержания произведения, на что указывал В. П. Москвин, утверждая, что «катахрезное словоупотребление затрагивает не смысл, не значение, а лишь внутреннюю форму номинативной единицы» [Москвин 2017: 312]. Очевидно, что катахреза в данном контексте становится признаком индивидуального стиля поэта, следовательно частью *поэтики индивидуального стиля*, которую Ю. И. Минералов осмыслял как «реальный художественный феномен» [Минералов 1999: 13].

Таким образом, катахреза как один из признаков индивидуального стиля имеет свои особенности в художественных произведениях различных авторов. Обратимся к творчеству Виктора Сосноры.

В поэтическом произведении вообще, и в стиле Сосноры — поэта-ирреалиста — в особенности, вычленение тропов носит весьма условный характер, так как тропы, фигуры теснейшим образом переплетены между собой, а речь в целом, и художественная речь в частности, имеет черты континуальности [Лосев 1982; Минералов 1999].

Именно поэтому сложно следовать какому-либо одному пониманию катахрезы: в этой форме Соснора сближает не только слова с контрастной или противоречивой семантикой, но и метафоры и образы. Катахреза, воздействуя на внутреннюю форму номинативной единицы и восстанавливая память внутренней формы слова, влияет на внутреннюю форму создаваемого образа и, в частности, сохраняя общие связи, может рассматриваться как особое качество более распространенных, «базовых», тропов, таких как метафора, метонимия, синекдоха, о которых в применении к поэзии Сосноры писали исследователи [Зубова 2009; Соколова 2019].

В этой связи следует обратиться еще к одному пониманию катахрезы, сформулированному В. М. Жирмунским, который, говоря об индивидуальном стиле А. А. Блока, отмечал «случаи столкновения двух различных метафорических рядов» [Жирмунский 1922: 59] как особую форму катахрезы. Диссонанс *метафорических рядов* создает «впечатление иррационального, сверхреального, фантастического» [Жирмунский 1922: 55] и является признаком «иррационального поэтического стиля» [Жирмунский 1922: 55].

Создание внутренней формы образа с помощью катахрезы обнаруживается уже в самых простых, прочно вошедших в обиход фразах, например в стертой метафоре «идет съезд». Эта «не ощущаемая как стилистический прием, т. е. <...> слишком привычная (“ножка стола”, “красные чернила”))» [Литературная энциклопедия 2001: 343] метафора в контексте стихотворения В. А. Сосноры «Циклопы» выражает открытую иронию над самим процессом «съезда», даже над самой возможностью подобного рода заседания, своеобразная реминисценция темы нелепых заседаний, иронически представленной в стихотворении В. В. Маяковского «Прозаседавшиеся», принимает совершенно иной вектор развития:

О том, что *идет* циклопический съезд,
зачем не подозревает? (В. Соснора. Циклопы)

Основную роль в «оживлении» метафоры играет слово *циклопический*. На фоне устоявшейся семантики слова и его использования поэтами первой трети XX в. (например, из стихотворения Л. Н. Мартынова 1922 г.: «И циклопический девичий след», — или из стихотворения 1929 г. В. А. Луговского: «Пройдет циклопический Ноев ковчег» [НКРЯ]) очевидна используемая поэтом многозначность слова, раскрывающаяся не только в контексте стихотворения, но и во взаимодействии со стертой метафорой «идет съезд».

Мифологичность образа усиливает элемент фантастичности и иррациональности происходящего. В центре сюжета стихотворения В. Сосноры обсуждение циклопами вопроса: «зачем человеку два глаза?» Два метафорических ряда, мифологии и советской действительности, создают внутреннюю форму образа. И то, что абсурдно с точки зрения человека, с «точки зрения циклопа» может быть вполне допустимым. Эта внутренняя биполярность прослеживается на всех уровнях метафоры — от разделения общества (циклопы как определенная группа «людей», лишенных свободы воли) до разделения на физический и метафизический миры (вопрос судьбы человечества).

Взаимное проникновение одной метафоры в другую передает оригинальное видение предмета, поэт создает свой биполярный мир, в котором

люди не имеют возможности влиять на какие-либо решения (пусть даже на невыполнимые), в связи с чем с совершенно справедливой иронией возникает вопрос смысла жизни: «Зачем человечество лечится, ест, эстетствует, строит, зевает?» (В. Соснора. Циклопы). Метафорически слово *циклопический* вызывает множество ассоциаций, значений, например: огромный, масштабный, исполинский (применимый преимущественно к зданиям), — и в этом контексте словосочетание можно классифицировать как гиперболу. В то же время созвучие с «циклический» выражает постоянство и замкнутость, а общий фонетический комплекс в корне («клоп») дополняет эпитет значением мелкости, неважности и вызывает неприятные ассоциации с общеизвестным насекомым, что позволяет нам говорить о литоте.

Итак, художественно-речевой образ «идет циклопический съезд» построен по метонимическому принципу на основе синтеза стертой метафоры, в сущности катахрезы в общепринятой классификации, и многозначного слова, что как целое, с учетом создания принципиально новой внутренней формы образа, можно определить как катахрезу, в которой сталкиваются противоречивые метафорические ряды. Аналогична по строению катахреза: «гол как монгол» (В. Соснора. Мой монгол), в которой смысловое оживление общеизвестной пословицы придает неожиданная замена «сокол» на «монгол» и происходит столкновение памяти внутренней формы (старая пословица) и метафорического ряда, вызванного новыми ассоциативными связями.

Похожий, но уже со своими особенностями пример из книги «Мартовские иды»:

Рябиною синее красный холм
Михайловский, — то замок с крышей гильзы!
(В. Соснора. Мартовские иды, IX)

Броское, парадоксальное, формально «абсурдное» или даже «невозможное» сочетание цветов воплощается в контексте архитектурного образа, связано с тем, что именуется словесной живописью. В ее основе — традиции синтеза искусств XVIII в., максимально сконцентрированные в поэзии Г. Р. Державина: «Живописное начало становится неотъемлемой составляющей образа лирического героя, связывается с лирическим сюжетом, с заданным в свернутом виде повествованием, в ряде характерных черт <...> определяет поэтическую картину мира» [Васильев 2007: 171]. Кроме того, сочетание широкой символики *красного* с неожиданной в общем ряду метафорой *гильза* вновь «сталкивает» разные метафоры. Благодаря этому создается оригинальная внутренняя форма образа,

который концентрированно выражает сложное содержание: особенности советского строя, военная тематика, воспоминание о дворцовых интригах, приведших к убийству Павла I в стенах Михайловского замка. Слово *синеет* выражает общую палитру, особое настроение и, вероятно, раскрывает образ сумерек и смерти. Дополняется картина цветом стен Михайловского замка и образом *рябины*, ср. у С. Есенина:

Покраснела рябина,
Посинела вода.

<...>

Снова выплыл из рощи
Синим лебедем мрак. (С. Есенин. Покраснела рябина...)

Или у М. Цветаевой:

Красною кистью
Рябина зажглась. (М. Цветаева. Красною кистью...)

Отдельно стоит отметить, что слово «рябиною» как деталь передачи цвета может быть дополнено образом В. В. Хлебникова, использующего этот образ в контексте процесса старения и дряхления по отношению к человеку: «Рябиною стала она вянуть и сохнуть!» [НКРЯ].

Очевидно, что строка «Рябиною синеет красный холм» построена также по метонимическому принципу, представляет собой сложную многоступенчатую метафору, а катахреза *синеет красный* реализует традицию синтеза искусств, создающую новые грани внутренней формы стихотворения.

Отметим также необычное несогласованное определение: «замок с крышей гильзы». Последовательно разворачивающийся посредством плавного перехода от живописи к архитектуре через неожиданный анжамбеман образ и резкий переход от архитектуры к военной метафоре реализует художественный потенциал синтеза искусств и отражает историческую трагедию человечества.

Взаимодействие метафор, осложненное нетривиальным поэтическим синтаксисом, — еще одна особенность катахрезы в поэзии Сосноры:

Я меч взяла. Солдатскую стопою! (В. Соснора. Ангел мести)

Произведение «Ангел мести» — вольная интерпретация стихотворения Леси Украинки «Ангел Помсти»: «Він подає свій меч, я хочу взяти зброю» [Українка 1975: 141], — в дословном переводе: «Он подает свой меч, я взать хочу оружие». Эффект ускорения и нагнетания создается через парцелляцию, а эллипсис наделяет слово *стопою* множеством допол-

нительных значений и передает общее впечатление трагической иронии. Кажущая очевидность замены подходящего по смыслу «рукою» является элементом создания внутренней формы образа и расширяет его смысловые границы. На метафорическом уровне отражаются и противоречивый образ пути как собственного, так и подражания (ср. устойчивое выражение «идти по стопам»), и трагедия войны, и роль женщины в ней, и принятие собственной судьбы с одновременной борьбой против рока. Словосочетание содержит в себе больше, чем образы воинственности, противоречивости быта военного времени («наркомовские 100 грамм», стопка — рюмка) или службы как таковой. Лирический герой стихотворения — женщина-воин, чье оружие — слово. «Стопа» в значении «структурная единица стиха» расширяет семантику и в дополнение, но не меньшим по значимости, формирует четкий образ женщины-поэта. Этой образностью как стихотворение-источник, так и вольная интерпретация В. А. Сосноры пересекаются со стихотворениями А. С. Пушкина «Пророк» и «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Иронически поданные в основе своей трагические образы — яркая индивидуальная особенность, стилистический прием поэта. Однако если явная ирония выражается в двойном плане, «где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему подразумеваемый» [Литературная энциклопедия 2001: 316] смысл (ср.: «Дом без гвоздя и без доски» (В. Соснора. Дом Надежд) — выраженная посредством синекдохи² открытая ирония над любой идеологией, а возможно, и религией («Дом Господень»)), то скрытая ирония — по-иному. Она звучит во всем богатстве смысловых оттенков — от комического до трагического — и наиболее полно раскрывается через катахрезу, под внешней формой которой скрывается сложное метафорическое и фонемное взаимодействие:

Поклюем

В чернилах кровь и поклянемся утру. (В. Соснора. Ночь о тебе)

Кровь — слово, имеющее и богатую образность, и символичность. Многовековое использование рифмы «кровь» — «любовь» прочно закрепило семантическую связь между ними. С другой стороны, *кровь* содержит другие ассоциации, например связанные с устойчивыми выражениями: *портить кровь (себе, кому-либо)*, *проливать кровь*, *писать кровью сердца* — или с известным мифом о том, что договор с дьяволом подписывается кровью. В контексте «чернила — кровь» возникает стойкая ассоциация со стихотворением С. А. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...»,

² Подробнее см. статью «Синекдоха в поэзии Виктора Сосноры» [Зубова, 2009].

написанным, согласно распространенным представлениям, кровью, и стихотворением В. В. Маяковского «Сергею Есенину»:

Может,
окажись
 чернила в «Англетере»,
вены
 резать
 не было б причины. (В. Маяковский. Сергею Есенину)

Интересно и взаимодействие внутри словосочетания «в чернилах кровь». Поэт не ищет способов использовать кровь в качестве чернил, а, наоборот, находит кровь в чернилах. Метафорическое взаимодействие цветов в катахрезе со стертой семантикой черного в чернилах и красного в крови вместе с фонетической общностью (поклюем — поклянемся — кровь), одновременно связанных синтаксически, но разделенных посредством анжамбемана, усиливает поэтический эффект.

Стихотворение «Ночь о тебе», как и вся книга «Тридцать семь», пронизано аллюзиями и поэтическими диалогами с поэтами, чья земная жизнь трагически завершилась, едва «дойдя до половины». Видимая нелогичность фразы «поклюем кровь» создает образ творчества посредством метафоры гусяного пера, чернил, ночи, евангельских образов утренней молитвы и причастия. Общая звуковая и эмоциональная направленность стиха сопоставима со стихотворением Б. Л. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!».

Различие подходов в изучении, связанное с этим неоднозначное понимание природы катахрезы и сложность выявления катахрезных словосочетаний в континуальных поэтических образных рядах приводят к условности или в некоторых случаях дискуссионности ее фиксации в лирике. Вместе с тем, опираясь на понимание В. П. Москвиным катахрезы как приема, воздействующего на внутреннюю форму номинативной единицы, и определение В. М. Жирмунским столкновения метафор как особой формы катахрезы, посредством чего расширяется и внутренняя форма образа в целом, можно констатировать исключительно важную роль катахрезы в стиле Сосноры.

Сталкивая в своих произведениях метафорические ряды, писатель создает ощущение иррациональности и фантастичности происходящего, раздвигает границы внутренней формы образа и оживляет стертые метафоры. Сочетание символов и метафор в последовательном разворачивании образа с восстановлением утраченной внутренней формы номинативных единиц отражает литературную традицию словесной живописи и синтеза искусств, а неожиданные образы, сжимая синтаксис до предела, стирают границы между эпохами и историческими событиями.

Источники

Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения / Науч. ред. А. М. Ушаков; Подгот. текстов и коммент. А. А. Козловского. М.: Наука; Голос. 1995. 672 с.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. М.: Гослитиздат. 1957.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7. М.: Гослитиздат. 1958.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru

Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931 / Сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак; предисл. Л. С. Флейшмана. М.: СЛОВО/SLOVO, 2003. 576 с.

Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018.

Українка Л. Зібрання творіву 12 т. Т. 1. Киев: Наукова думка, 1975.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.

Литература

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. XIVа. СПб., 1895. С. 481–960.

Васильев С. А. Стилевые традиции Г. Р. Державина в русской литературе XIX – начала XX веков. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2007.

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–93.

Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока. Петербург: «Картонный домик», 1922. 103 с.

Зубова Л. В. Синекдоха в поэзии Виктора Сосноры // Новое литературное обозрение. 2009. № 3. С. 204–219.

Квятковский А. П. Катахреза // Поэтический словарь. М.: Сов. Энцикл., 1966. С. 131–132.

Колесов В. В. Катахреза // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 28–29.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. / Ред.: В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, Г. П. Блок. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.

Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию / А. Ф. Лосев. М.: Изд-во МГУ, 1982. 479 с.

- Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность): Учеб. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999.
- Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2017.
- Николюкин А. Н. (ред.). Литературная энциклопедия терминов и понятий. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.
- Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Издательство «Лабиринт», 1999. 300 с.
- Русские писатели 20 века: Биографический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия: Рандеву – А, 2000. 808 с.
- Соколова О. В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019. 294 с.
- Тодоров Ц. Теории символа / Перевод с французского Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. 408 с.
- ARTFL Encyclopédie – The Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société de Gens de lettres [Электронный ресурс]. URL: <https://artflsrv03.uchicago.edu/philologic4/encyclopedie1117/navigate/16/3584/>

References

- ARTFL Encyclopédie – The Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société de Gens de lettres. Available at: <https://artflsrv03.uchicago.edu/philologic4/encyclopedie1117/navigate/16/3584/>
- Brokgaуз F. A., Eфрон I. A. *Entsiklopedicheskiі slovar: T. XIVa* [Encyclopedic dictionary, Vol XIVa]. Sankt Petersburg, 1895, pp. 481–960.
- Kolesov V. V. [Katakheza]. *Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»: v 5 t. T. 3* [Encyclopedia of «The Tale of the Campaign of Igor» in 5 vols. Vol. 3]. Sankt Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1995, pp. 28–29.
- Kvyatkovskii A. P. [Katakheza]. *Poeticheskii slovar'* [Poetry dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1966, pp. 131–132.
- Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg.* / Red.: V. V. Vinogradov, S. G. Barkhudarov, G. P. Blok [Complete collection of works. Vol. 7: Proceedings in philology 1739–1758 / ed. by V. V. Vinogradov, S. G. Barkhudarov, G. P. Blok]. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. 996 p.
- Losev A. F. *Znak. Simvol. Mif: Trudy po yazykoznaniyu* [Sign. Symbol. Myth: works on linguistics]. Moscow: Izd-vo MGU, 1982. 479 p.
- Mineralov Yu. I. *Teoriya khudozhestvennoi slovesnosti (poetika i individual'nost'): Ucheb. dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii* [Theory of fiction (poetics and personality): Textbook

- for students of philol. fac. of the higher school]. Moscow: Gumanit. Izd. Tsentr VLADOS Publ., 1999.
- Moskvin V. P. *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Trails and figures. Terminological dictionary]. Rostov n/D.: Feniks Publ, 2017.
- Nikolyukin A. N. (ed.). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Institut nauchn. informatsii po obshchestvennym naukam RAN. Moscow: NPK Intelvak Publ., 2001. 1600 p.
- Potebnya A. A. *Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk* [Complete collection of works. Thought and language]. Moscow: Labirint Publ., 1999. 300 p.
- Russkie pisateli 20 veka: Biograficheskii slovar'* [Russian writers of the 20th century. Bibliographical dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya: Randevu – A. Moscow, 2000. 808 p.
- Sokolova O. V. *Ot avangarda k neoavangardu: yazyk, sub"ektivnost', kul'turnye perenosy* [From avant-garde to neo-avant-garde: language, subjectivity, cultural transfers]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 2019. 294 p.
- Todorov Ts. *Teorii simvola / Perevod s frantsuzskogo B. Narumova* [Theories of sence. Translated from French by B. Narumov]. Moscow: Dom Intelektual'noi Knigi, Russkoe Fenomenologicheskoe Obshchestvo, 1998. 408 p.
- Vasil'ev S. A. *Stilevye traditsii G. R. Derzhavina v russkoi literature XIX – nachala XX vekov* [Style traditions of G. R. Derzhavin in Russian literature of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Izd-vo Literaturnogo Instituta Im. A. M. Gor'kogo, 2007.
- Vinogradov V. V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika* [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963, pp. 5–93.
- Zhirmunskii V. M. *Poeziya Aleksandra Bloka* [Poetry of Alexander Blok]. Peterburg: Kartonnyi Domik Publ., 1922. 103 p.
- Zubova L. V. [Synecdocha in the poetry of Victor Sosnora]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. № 3. Pp. 204–219. (In Russ.)

«Слоненок» и «Альбатрос»: о бодлеровском подтексте стихотворения Гумилева

Катерина Вячеславовна Брылева, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва), kvbryl@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170009962-7

АННОТАЦИЯ: Последний сборник Н. С. Гумилева «Огненный столп» существенно отличается от его предыдущих книг, поскольку в этом сборнике Гумилев отчасти возвращается к символизму. В статье рассматривается один из возможных факторов, способствовавших повторному обращению Гумилева к некогда отвергнутому им направлению, — пристальное чтение «Цветов зла» Ш. Бодлера, переводом и изданием которых поэт занимался в 1919–1921 годах в рамках своей работы в издательстве «Мировая литература». Влияние Бодлера прослеживается на примере стихотворения «Слоненок»: автор анализирует его в связи с «Альбатросом» и другими стихотворениями Бодлера и делает вывод о том, что Гумилев заимствует у французского поэта не только конкретные мотивы, но и один из важнейших приемов его поэзии — взаимопроникновение «внешнего» и «внутреннего».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Николай Гумилев, символизм, Шарль Бодлер, французская поэзия, подтекст

для цитирования: Брылева К. В. «Слоненок» и «Альбатрос»: о бодлеровском подтексте стихотворения Гумилева // Русская речь. 2020. № 3. С. 77–87.
DOI: 10.31857/S013161170009962-7.

The Language of Fiction

“The Elephant” and “L’Albatros”: Baudelairian Subtext in Gumilev’s Poem

Katerina V. Bryleva, National Research University “Higher School of Economics” (Russia, Moscow),
kvbryl@mail.ru

ABSTRACT: Nikolai Gumilev’s last collection of poetry “The Pillar of Fire” differs greatly from his previous works. In the last poetry collection Gumilev partly comes back to symbolism, a literary school which he had once quitted. The article is devoted to one of the possible factors which made Gumilev return to symbolism, namely, close reading of Baudelaire’s “Flowers of Evil”, which Gumilev translated from 1919 to 1921 while working in the publishing house “Mirovaya literatura”. The article traces Baudelaire’s influence in Gumilev’s poem “The Elephant” and compares it with “L’Albatros” and other Baudelaire’s poems. The article proves that Gumilev borrowed from the French poet not only specific motives, but also one of Baudelairian most significant poetic devices — the interpenetration of “the external” and “the internal”.

KEYWORDS: Nicolai Gumilev, symbolism, Charles Baudelaire, french poetry, subtext

FOR CITATION: Bryleva K. V. “The Elephant” and “L’Albatros”: Baudelairian Subtext in Gumilev’s Poem. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 3. Pp. 77–87. DOI: 10.31857/S013161170009962-7.

Последний сборник Н. С. Гумилева «Огненный столп» отличается от его предыдущих книг целым рядом параметров. В чем заключается это отличие?

Общеизвестно, что стихи «Огненного столпа» считаются лучшим из всего написанного поэтом. Автор биографии Гумилева В. Шубинский характеризует стихотворения, которые вошли в этот сборник, следующим образом: «Летом 1919-го, после почти годового перерыва (раньше с ним такого не случалось!), Гумилев снова начинает писать стихи. Начинается его «акмэ». В течение нескольких месяцев он напишет ряд стихотворений, превосходящих все созданное им прежде» [Шубинский 2015: 594]. Однако это отличие в качестве — далеко не единственное, да и, пожалуй, не самое главное. Разбирая стихотворение «Память», вошедшее в книгу, Н. А. Богомолов показывает, что в «Огненном столпе» Гумилев отчасти возвращается к символизму, с которым когда-то так долго боролся, но при этом не отказывается полностью от акмеистических принципов: «На новом этапе, по-новому осмысленные, акмеистические образы обретают ту же бесконечно разворачиваемую во времени смысловую структуру, что и образы символистские» [Богомолов 1991: 20]. Более того, по мнению Богомолова, Гумилеву удастся сплавить между собой эти два направления, «непротиворечиво объединить их в рамках своего творческого метода, сделать взаимодополняющими» [Богомолов 1991: 20].

Увлечение Гумилева символизмом на ранних этапах его творчества известно, но чем обусловлено это возвращение к некогда отвергнутому направлению? Почему с 1919 года, как отмечают комментаторы десятилетнего собрания сочинений, «в художественный мир Гумилева вновь активно вторгается мистическая символика» [Баскер 2001: 233]? Р. Д. Тименчик отмечает, что во время работы над сборником «Огненный столп» для Гумилева оказывается актуальной поэзия Ш. Бодлера [Тименчик 1992: 56]. Быть может, именно перечтение Бодлера сыграло важную роль в «примирении» Гумилева с символизмом?

В тот период, на который пришлось творческое становление Гумилева, Бодлер был, безусловно, знаковой фигурой, прежде всего для русских символистов. Американский исследователь А. Ваннер, написавший книгу «Baudelaire in Russia», утверждает, что из всех французских поэтов, важных для русской литературы рубежа веков, Бодлер — наиболее значительный [Ваннер 1993: 25]. Автор «Соответствий» попадает в поле зрения Гумилева достаточно рано: в 1907 году он упоминается в стихотворении «Франция» [Гумилев 1991, т. 1: 340], имя его несколько раз встречается как в художественной прозе Гумилева («Африканский дневник» [Гумилев 1991, т. 2: 258], «Карты» [Гумилев 1991, т. 2: 251], «Путешествие в страну эфира» [Гумилев 1991, т. 2: 232]), так и в его статьях о литературе («Читатель» [Гумилев 1911, т. 3: 21], «Теофиль Готье» [Гумилев 1991, т. 3: 184], «Антология современной поэзии» [Гумилев 1991, т. 3: 190]).

Однако именно в 1919–1920 годах, когда пишется книга стихов «Огненный столп», поэзия Бодлера приобретает для Гумилева особое значение. В это время Гумилев часто соприкасается с поэзией автора «Соответствий» в рамках своей работы в издательстве «Мировая литература». Вот как суммирует этот опыт А. Ваннер: «В 1919 году издательство “Мировая литература”, которым руководил Горький, назначило Гумилева главным редактором планирующегося полного издания Бодлера. Гумилев перевел шестнадцать стихотворений, написал вступительную статью и отредактировал еще двадцать пять стихотворений, переведенных В. Коломийцевым, Н. А. Оцупом, В. А. Рождественским и другими. Он также попросил Александра Блока перевести предисловие¹ Бодлера к “Цветам зла” — это известно из записных книжек Блока. После ареста и расстрела Гумилева в качестве “контрреволюционера” в 1921 году издательство отказалось от проекта. К сожалению, по всей видимости, лишь четыре из бодлеровских переводов Гумилева уцелели»² [Wanner 1996: 175].

Гумилев занимается переводами Бодлера и пишет предисловие к сборнику в конце весны — начале лета 1919 года [Гумилев 1991, т. 3: 411–412], и постоянное соприкосновение с поэзией Бодлера начинает влиять и на другие области деятельности Гумилева: так, тем же летом 1919 года для семинара по переводу в рамках занятий «Студии всемирной литературы» он выбирает «Correspondances» Бодлера [Лукницкий 2010: 566].

Еще раз подчеркнем, что как раз в это время Гумилев возвращается к собственному творчеству после большого перерыва. Именно в течение этого лета Гумилев напишет многие стихотворения, которые впоследствии составят «Огненный столп»: «Память», «Слово», «Душа и тело», «Персидская миниатюра», «Лес» и другие [Гумилев 1991, т. 3: 412].

Имя Бодлера продолжает мелькать в жизни Гумилева как минимум до конца 1920 года: 18 декабря он организует в «Доме литераторов» вечер его памяти, на котором делает доклад о французском поэте и читает свои переводы [Гумилев 1991, т. 3: 420]. Можно предположить, что в докладе Гумилев высказывал примерно те же тезисы, что и в статье «Поэзия Бодлера», написанной в качестве предисловия для готовившегося издания переводов: в ней он называет Бодлера «одним из величайших поэтов XIX века» и использует по отношению к нему такие характеристики, как «исследователь» и «завоеватель», которые в какой-то мере применимы и к самому Гумилеву (ср. его экспедиции в Африку, а также первый сборник, в котором он идентифицирует себя с завоевателем-конквистадором): «Бодлер к поэзии отнесся, как исследователь, вошел в нее, как

¹ Речь идет о проектах предисловия, которые были опубликованы посмертно.

² Перевод мой. — К. Б.

завоеватель. Самый молодой из романтиков, явившийся, когда школа уже наметила свои вехи, он совершенно сознательно наметил себе еще не использованную почву и принялся за ее обработку, создав для этого специальные инструменты» [Гумилев 1991, т. 3: 203].

Итак, работая над переводами и статьей, Гумилев заново погружается в контекст бодлеровской поэзии, и его мнение о французском поэте обогащается новыми оттенками. Но можно ли сказать, что поэзия Бодлера оказывает влияние на гумилевское творчество? А. А. Ахматова (в передаче П. Н. Лукницкого) противопоставляет раннее, поверхностное влияние Бодлера на Гумилева — позднему, сущностному:

«В последние годы Николай Степанович снова испытывает влияние Бодлера, но уже другое, гораздо более тонкое. Если в 7–8 году его прельщали в стихах Бодлера экзотика, гиены и прочее; то теперь то, на что тогда он не обращал никакого внимания — более глубокие мысли и образы Бодлера. <...> То, что у Бодлера дается как сравнение, как образ — у Николая Степановича выплывает часто как данность... Это именно и есть влияние поэтическое, а не "эпигонское слизывание"...» [Лукницкий 1991: 230].

Ахматова также указывает на конкретные стихотворения Гумилева, в которых, по ее мнению, прослеживается влияние Бодлера. Однако зачастую записи Лукницкого отрывочны, лишены подробностей, и далеко не всегда понятно, в чем именно Ахматова усматривала сходство между стихотворениями французского и русского поэтов. Тем не менее в ряде случаев все же возможно формализовать то «бодлеровское», что слышалось поэте в нескольких стихотворениях «Огненного столпа». Я попробую показать это на примере стихотворения «Слоненок», в котором, на мой взгляд, прослеживается влияние знаменитого «Альбатроса» Бодлера. Это третье стихотворение бодлеровского сборника «Цветы зла». В статье В. В. Филичевой «К реконструкции и описанию библиотек Ф. Сологуба и Н. С. Гумилева» приводится описание экземпляра «Цветов зла» с пометами Гумилева, и там это стихотворение «отмечено красным крестом <...> и 4-ая и последняя строфа отмечена чертой (простым карандашом)» [Филичева 2017: 448]. Следовательно, Гумилев точно очень пристально читал это стихотворение и особое его внимание привлекла последняя строфа. Приведем оба стихотворения.

Baudelaire, «L'Albatros»

Souvent, pour s'amuser, les hommes d'équipage
Prennent des albatros, vastes oiseaux des mers,
Qui suivent, indolents compagnons de voyage,
Le navire glissant sur les gouffres amers.

À peine les ont-ils déposés sur les planches,
Que ces rois de l'azur, maladroits et honteux,
Laissent piteusement leurs grandes ailes blanches
Comme des avirons traîner à côté d'eux.

Ce voyageur ailé, comme il est gauche et veule!
Lui, naguère si beau, qu'il est comique et laid!
L'un agace son bec avec un brûle-gueule,
L'autre mime, en boitant, l'infirme qui volait!

Le Poète est semblable au prince des nuées
Qui hante la tempête et se rit de l'archer;
Exilé sur le sol au milieu des huées,
Ses ailes de géant l'empêchent de marcher.
[Baudelaire 1900: 89]

Часто, чтобы позабавиться, моряки
Ловят альбатросов, огромных птиц морей,
Которые следуют, беспечные спутники,
За кораблем, скользящим по горьким безднам.

Только они положат их на доски,
Как эти короли лазури, неловкие и стыдливые,
Позволяя своим большим белым крыльям жалко
Тащиться за ними, как весла.

Этот крылатый путешественник, как он неуклюж и слаб!
Он, недавно такой красивый, как он смешон и уродлив!
Один дразнит его клюв трубкой,
Другой изображает, хромая, калеку, который летал!

Поэт похож на принца облаков,
Который знает с бурей и смеется над лучником;
Изгнанному на землю, среди шиканья/свиста,
Его гигантские крылья мешают ему ходить³.

Гумилев «Слоненок»

Моя любовь к тебе сейчас — слоненок,
Родившийся в Берлине иль Париже
И топающий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.

³ Здесь и далее подстрочный перевод мой.

Не предлагай ему французских булок,
Не предлагай ему кочней капустных,
Он может съесть лишь дольку мандарина,
Кусочек сахару или конфету.

Не плачь, о нежная, что в тесной клетке
Он сделается посмеяньем черни,
Чтоб в нос ему пускали дым сигары
Приказчики под хохот мидинеток.

Не думай, милая, что день настанет,
Когда, взбесившись, разорвет он цепи,
И побежит по улицам, и будет,
Как автобус, давить людей вопящих.

Нет, пусть тебе приснится он под утро
В парче и меди, в страусовых перьях,
Как тот, Великолепный, что когда-то
Нес к трепетному Риму Ганнибала.
[Гумилев 1991, т. 1: 297]

В стихотворении Бодлера говорится об альбатросе, но в последней строфе оказывается, что это метафора и речь на самом деле о поэте. Сравним со стихотворением Гумилева «Слоненок»: в нем образ большого животного также предстает метафорой (метафорой любви). Совпадают также и некоторые детали. Во-первых, люди дразнят дымом сигары (или трубки, как у Бодлера) животное, попавшее в неволю, и насмехаются над ним:

Бодлер:
Этот крылатый путешественник, как он неуклюж и слаб!
Он, недавно такой красивый, как он смешон⁴ и уродлив!
Один дразнит его клюв трубкой,
Другой изображает, хромя, калеку, который летал!

Гумилев:
Не плачь, о нежная, что в тесной клетке
Он сделается посмеяньем черни,
Чтоб в нос ему пускали дым сигары
Приказчики под хохот мидинеток.

⁴ Здесь и далее курсив в цитатах мой. — К. Б.

Во-вторых, подчеркивается униженное состояние животного в неволе, ведь оно слишком большое, чтобы ее легко переносить:

Бодлер:

Только они положат их на доски,
Как эти короли лазури, *неловкие и стыдливые*,
Позволяют своим большим белым крыльям *жалко*
Тащиться за ними, как весла.

Этот крылатый путешественник, как он *неуклюж и слаб!*
Он, недавно такой красивый, как он смешон и уродлив!
Один дразнит его клюв трубкой,
Другой изображает, хромая, *калеку*, который летал!
<...>

Его *гигантские крылья мешают* ему ходить.

Гумилев:

- а) И топающий *ватными* ступнями
По комнатам хозяина зверинца.
- б) Не плачь, о нежная, что в *тесной* клетке
Он делается посмеяньем черни...

В-третьих, по контрасту в обоих текстах представлено описание животного в тот момент, когда оно находится на своем месте: у Бодлера это состояние свободы («короли лазури», «недавно такой красивый», «принц облаков»), у Гумилева величественность подчеркивается через роскошь: «В парче и меди, в страусовых перьях» — и упоминание великого полководца. Наконец, косвенным свидетельством связи стихотворения Гумилева с французской поэзией может быть последовательно проведенная в нем тема Франции: упоминаются Париж, французские булki, мидинетки.

Однако, на мой взгляд, стихотворение «Слоненок» связывает с поэзией Бодлера нечто большее, чем только мотивные переключки. Вот как анализирует его Ахматова:

«АА перешла к Бодлеру, опять. Сказала мне, чтоб я прочитал тут же 2 и 3 “Spleen” (стр. 199, 201). Я читал, переводил. АА нашла в них сходство: во 2-м — со стихотворением “Слоненок” (развитие сравнения — целое стихотворение. У Бодлера: он — *gros meuble, cimetièrre*, и т. д. У Н. С. — любовь — “слоненок”. А в черновике “Слоненка” еще больше сходства, потому что там не одно только сравнение “любовь-слоненок”, а “любовь-слоненок-лебедь”... т. е. несколько сравнений, как у Бодлера)» [Лукницкий 1991: 281].

Мне кажется, здесь можно говорить скорее не о непосредственной связи «Слоненка» со стихотворением «Spleen» («J'ai plus de souvenirs que si j'avais mille ans...»), но о заимствовании характерного для Бодлера приема — сравнения чего-то максимально абстрактного (любовь) с чем-то материальным (слоненок), причем второе обычно описывается очень подробно. Е. Г. Эткинд анализирует это явление в категориях «внешнее» — «внутреннее»: «Одно из важнейших свойств Бодлера — это вызывающе-намеренное изображение эмоционального, духовного, то есть Внутреннего, в качестве физически зримых, осязаемых предметов или существ, обладающих безусловностью материального существования» [Эткинд 1974: 192]. Приведем несколько примеров такого рода:

Deux guerriers ont couru l'un sur l'autre; leurs armes
Ont éclaboussé l'air de lueurs et de sang.
Ces jeux, ces cliquetis du fer sont les vacarmes
D'une jeunesse en proie à l'amour vagissant.
(Duellum) [Baudelaire 1900: 136]

Два воителя гнались друг за другом; их оружие
Испещрило воздух отблесками и кровью.
Эти игры, это бряцание железа — шум
Молодости, мучимой кричащей любовью.

Notre âme est un trois-mâts cherchant son Icarie.
(Voyage) [Baudelaire 1900: 345]

Наша душа — трехмачтовое судно, ищущее свою Икарию.

Mon cœur est un palais flétri par la cohue.
(Causerie) [Baudelaire 1900: 171]

Мое сердце — дворец, выцветший от толкотни.

Mon âme est un tombeau que, mauvais cénobite,
Depuis l'éternité je parcours et j'habite;
Rien n'embellit les murs de ce cloître odieux.
(Le mauvais moine) [Baudelaire 1900: 100]

Моя душа — гробница, где, плохой монах,
Я живу и хожу уже целую вечность;
Ничто не украшает стены этого отвратительного монастыря.

Таким образом, в стихотворении «Слоненок» Гумилев заимствует не только образ несчастного животного, которое содержат в неволе, но и важный элемент бодлеровской поэтики. Вероятно, именно это имела в виду Ахматова, когда говорила о более «тонком» влиянии Бодлера на Гумилева в последние годы. Сравнив между собой «Огненный столп» и «Цветы зла», она предположила, что «в последние годы Николай Степанович читал Бодлера вплотную» [Лукницкий 1991: 230]. Сейчас мы знаем, что это точно так — ведь Гумилеву приходилось постоянно соприкасаться со стихами Бодлера в процессе работы над изданием для «Всемирной литературы». И вероятно, это «чтение вплотную» стало одной из ступеней на пути к тому, что, следуя Богомолу, можно назвать гумилевским «возвращением к символизму».

Источники

Baudelaire Ch. Les Fleurs du mal. Paris: Calmann Lévy, 1900. 411 с.

Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. лит., 1991. 590 с.

Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. 2. Драммы; Рассказы. М.: Худож. лит., 1991. 478 с.

Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Письма о русской поэзии. М.: Худож. лит., 1991. 430 с.

Лукницкий П. Н. *Asumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Том I. 1924–25 гг. Paris: Ymca-Press, 1991. 350 с.

Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб.: Наука, 2010. 890 с.

Литература

Баскер М. и др. Комментарии // Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). М.: Воскресенье, 2001. 394 с.

Богомол Н. А. Читатель книг // Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы. М.: Худож. лит., 1991. С. 5–20.

Ваннер А. Бодлер в русской культуре конца XIX – начала XX века // Русская литература XX века: Исследования американских ученых. СПб.: Петро-РИФ, 1993. С. 24–49.

Тименчик Р. Д. Гумилев Н. С. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 53–57.

Филичева В. В. К реконструкции и описанию библиотек Ф. Сологуба и Н. С. Гумилева // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма). СПб.: Пушкинский дом, 2017. С. 405–450.

- Шубинский В. Зодчий. Жизнь Николая Гумилева. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 736 с.
- Эткинд Е. Г. О внешнем и внутреннем пространстве в поэзии Бодлера // Стилистические проблемы французской литературы. Л.: ЛГПИ, 1974. С. 189–208.
- Wanner A. Baudelaire in Russia. Gainesville: University Press of Florida, 1996. 253 с.

References

- Basker M. and others. [Commentaries]. Gumilev N. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. T. 4. Stikhotvoreniya. Poemy (1918–1921)* [Collected works in 10 vols. Vol. 4. Poems (1918–1921)]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2001. 394 p.
- Bogomolov N. A. [Books' reader]. Gumilev N. *Sochineniya. V 3 t. T. 1. Stikhotvoreniya; Poemy.* [Works. In 3 vols. Vol. 1. Poems]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1991, pp. 5–20. (In Russ.)
- Etkind E. G. [External and internal space in Baudelaire's poetry]. *Stilisticheskie problemy frantsuzskoi literatury* [Stylistic problems of French literature]. Leningrad, Leningr. Stat. Pedag. Inst. Publ., 1974, pp. 189–208. (In Russ.)
- Filicheva V. V. [Reconstruction and description of F. Sologub's and N. S. Gumilev's libraries]. *Chto i kak chitali russkie klassiki? (Ot kruga chteniya k strategiyam pis'ma)* [What and how read Russian classical writers? (From the reading circle to writing strategies)]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2017, pp. 405–450. (In Russ.)
- Shubinskii V. *Zodchii. Zhizn' Nikolaya Gumileva* [Architect. Nicolai Gumilev's life]. Moscow: AST: CORPUS Publ., 2015. 736 p.
- Timenchik R. D. [Gumilev N. S.]. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographic dictionary]. Vol. 2. Moscow, 1992, pp. 53–57. (In Russ.)
- Vanner A. [Baudelaire in Russian culture at the end of 19th century – at the beginning of 20th century]. *Russkaya literatura XX veka: Issledovaniya amerikanskikh uchenykh* [Russian literature in 20th century. Works of American researchers]. St. Petersburg, Petro-RIF Publ., 1993, pp. 24–49. (In Russ.)
- Wanner A. *Baudelaire in Russia*. Gainesville, University Press of Florida, 1996. 253 p.

«Вам, разодранные в ключья...». История одной поэтической эпитафии в творчестве Марины Цветаевой

Виктория Валерьевна Никульцева, Московский финансово-юридический университет
МФЮА (Россия, Москва), severjanin@list.ru

Владимир Николаевич Дядичев, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(Россия, Москва), dyaditchev@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170009963-8

АННОТАЦИЯ: В стихотворении «Юнкерам, убитым в Нижнем», созданном в июле 1917 г., М. Цветаева оплакивает похороны юнкеров Алексеевского училища (находилось в Москве, в Лефортове), погибших при усмирении солдатского бунта в Нижнем Новгороде и захороненных на воинском Братском кладбище в селе Всехсвятском (район Сокола). Ныне на оставшейся незастроенной части бывшего кладбища открыт Мемориально-парковый комплекс героев Первой мировой войны. Историческому экскурсу, неотделимому от истории создания поэтической эпитафии юнкерам, созданной Мариной Цветаевой, отведено важное место в настоящей статье.

Произведения, посвященные погибшим в грозные дни русской революции 1917 г., создали многие поэты (А. Блок, В. Маяковский, А. Вертинский, З. Гиппиус и др.), но среди них стихотворение Марины Цветаевой «Юнкерам, убитым в Нижнем» занимает особое место. Четкий, дробный ритм, аллитерация на [пр] — [тр] — [рв], ассонанс на [а] — [о] — [у], тонический размер, восходяще-нисходящие интонации, авторские

паузы в простых синтагмах передают напряжение и энергетику стиха. Многочисленные тропы (олицетворение «вздохнули трубы тяжко», метафоры «рвется сердце», «разорванные в клочья», эпитеты «легкий прах», «в безымянную дыру»), фигуры (парцелляция: «— Как, без шашки? / Без погон / Офицерских? / Поутру — / В безымянную дыру?»); риторические вопросы и восклицания; эллипсис), индивидуально-авторская фразеология («Отдадим последний долг / Тем, кто долгу отдал — душу»; ср. «отдать последний долг»; «отдать Богу душу») — совокупность этих поэтических приемов создания художественного образа насильственной смерти, характерных для уникальной стилистической манеры Марины Цветаевой, не только возносит мысль автора на уровень философского обобщения, но и вырастает в политический выпад, вызов власти Временного правительства, неспособного управлять народом. Эта поэтическая эпитафия юнкерам, анализ которой приводится в данной статье, относится к числу лучших страниц творческого наследия Марины Цветаевой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поэтическая эпитафия, лингвостилистический анализ, Марина Цветаева, белое офицерство, Первая мировая война

для цитирования: Никульцева В. В., Дядичев В. Н. «Вам, разодранные в клочья...». История одной поэтической эпитафии в творчестве Марины Цветаевой // Русская речь. 2020. № 3. С. 88–100. DOI: 10.31857/S013161170009963-8.

The Language of Fiction

“Vam, Razodrannyje v Klochja...”. History of Poetic Epitaphs in the Creation of M. Tsvetaeva

Viktoria V. Nikultseva, Moscow University of Finance and Law MFUA (Russia, Moscow),

severjanin@list.ru

Vladimir N. Dyadichev, A. M. Gorky Institute of World Literature (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow), dyadichev@list.ru

ABSTRACT: In the poem “To cadets killed in Nizhny” written in July 1917 M. Tsve-taeva mourns the funerals of cadets from Alekseevskoe military school. They were suppressing soldier mutiny in Nizhny Novgorod and buried in the military cemetery Bratskoye in Vsesvyatskoye village (at the All Saints Church, near the Sokol district). Today they have established a Memorial Park of the Heroes of the First World War in the vacant part of the former cemetery. It is crucial to be familiar with the historical background of the story behind the poetic epitaph and it plays an important role in the article.

Many poets (A. Blok, V. Mayakovsky, A. Vertinsky, Z. Gippius, etc.) created works dedicated to those who died in the stormy days of the Russian revolution of 1917, but among them Marina Tsvetaeva’s poem “To cadets killed in Nizhny” occupies a special place. A clear, fractional rhythm, alliteration of the sound combinations [pr] – [tr] – [rv], assonance of vowel sounds [a] – [o] – [u:], accentual verse, falling-rising intonations and author’s pauses in simple syntagmas convey the tension and energy of the verse. Numerous tropes (the personification “the trumpets sighed heavily”, metaphors “heart breaks”, “torn to shreds”, epithets “light dust”, “in a nameless hole”), figures (parcellationism: “– How, without a checker? / Without shoulder straps / Officers? / In the morning – / in a nameless hole?”; rhetorical questions and exclamations; ellipsis), individual author’s phraseology (“Give the last debt / To those who gave the debt the soul”; cf. “give the last debt”; “give your soul to God”) – the combination of these poetic techniques creates an artistic image of violent death, characteristic of the unique stylistic manner of Marina Tsvetaeva, which not only elevates the author’s thought to the level of philosophical generalization, but also grows into a political attack. The poet defies the Provisional government, unable to rule the country. This poetic epitaph to cadets belongs to one of the best pieces in the heritage of Marina Tsvetaeva.

KEYWORDS: a poetic epitaph, the linguo-stylistic analysis, Marina Tsvetaeva, white officers, the First World War

FOR CITATION: Nikultseva V. V., Dyadichev V. N. “Vam, Razodrannyje v Klo-chja...”. History of Poetic Epitaphs in the Creation of M. Tsvetaeva. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 3. Pp. 88–100. DOI: 10.31857/S013161170009963-8.

*О нём это,
Об убитом, телеграмма.*
[Маяковский 1955: 67]

Ожидание грядущих неотвратимых изменений в современном мире, вызванных двуличной политикой мировых держав, провоцирующих эскалацию насилия и возрастание числа военных конфликтов, делает особенно актуальным погружение в контекст «антивоенной поэзии», явившейся откликом на события Первой мировой войны, в которую Россия вступила 19 июля (1 августа) 1914 г., и последующих двух русских революций 1917 г.

Многие поэты, философы, культурные и общественные деятели откликнулись на кровавые события, жертвами которых стали и военные, и мирные граждане. Вскоре после начала войны великая княгиня Елизавета Федоровна выступила с инициативой о создании Братского кладбища в Москве. Шестого (19) сентября совещание Городской управы и Комиссии гласных по мероприятиям, вызванным войной, постановило «признать необходимым учреждение особого кладбища для воинов, павших в священной войне» [Арсеньев, Морозова 2005: 31]. В феврале 1915 г. на северо-западе от Москвы в районе развилки Петроградского и Волоколамского шоссе на землях села Всехсвятского было создано Московское городское Братское кладбище жертв Первой мировой войны. Всего к 1919 г. на территории Братского кладбища было похоронено 17,5 тысячи рядовых, 581 офицер, 51 сестра милосердия, 14 врачей, 20 общественных деятелей [Катагощина 1993: 14].

Война требовала под ружье всё новых и новых воинов. Дошла очередь и до студентов российских университетов, ранее не подлежавших призыву. Был призван в армию и муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон, бывший к моменту призыва студентом Московского университета. Первоначальный курс «молодого бойца» он прошел в январе-феврале 1917 г. в учебной команде в Нижнем Новгороде. Затем был направлен юнкером в 1-ю Петергофскую школу прапорщиков пехоты (под Петроградом). В начале июля 1917 г., т. е. уже после Февральской революции, при Временном правительстве, С. Эфрон по окончании ускоренного курса 1-й Петергофской школы прапорщиков пехоты стал прапорщиком и был направлен для прохождения службы в 56-й запасной пехотный полк в Москве.

Запасные полки, созданные во время войны в ряде городов России, занимались начальной военной подготовкой солдат-новобранцев,

призванных из запаса, раненых, выписанных из госпиталей, — с целью последующей их отправки в действующие фронтовые части для восстановления убыли личного состава. 56-й полк был сформирован в начале войны на базе существовавших в Московском военном округе подразделений. Роты полка размещались частью в казармах Московского Кремля, частью — в Покровских казармах (район Покровского бульвара, Казарменного переулка). Полевые занятия проходили на Ходынском поле.

Однако к лету 1917 г. массовый характер приобрело дезертирство, отказы солдат от отправки на фронт. Четвертого июля 1917 г. взбунтовались солдаты гарнизона в Нижнем Новгороде. Солдаты 62-го пехотного полка, расквартированные в этом городе, отказались выполнить приказ об отправке на фронт. Для подавления бунта в Нижний Новгород были направлены боеспособные части московского гарнизона, в том числе юнкера Алексеевского училища (находилось в Лефортове), а также учебная команда 56-го запасного полка (того самого, где через две недели начнет свою офицерскую службу Эфрон). О случившемся сообщило Петроградское телеграфное агентство. «Солдаты-дезертиры с красными знаменами окружили здание начальника гарнизона, требуя отмены приказа об отправке на фронт, — говорилось в сообщении ПТА. — Раздавались крики: “Арестовать начальника гарнизона!”, “Сместить совет, защищающий буржуазию!” К бунтующим стали присоединяться и солдаты других нижегородских полков — 183-го, 185-го. Для наведения порядка ночью из Москвы прибыли юнкера Алексеевского училища и учебная команда 56-го запасного полка. На шоссе солдаты встретились с юнкерами. Началась перестрелка, в результате которой пострадали юнкера, бывшие в меньшинстве. Они были вынуждены сложить оружие и были арестованы. <...> Прибывшие на вокзал солдаты встретили учебную команду 56-го полка и открыли по ней огонь. Команда, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, разбежалась, часть ее была задержана и арестована. Арест разбежавшихся юнкеров и солдат учебной команды продолжался всю ночь и весь следующий день и сопровождался во многих случаях жестокими издевательствами» [Дядичев, Лобыцын 2014: 32–33]. Утром взбунтовавшиеся солдаты окружили юнкеров Нижегородского учебного батальона, и те сложили оружие. Несколько дней власть в городе фактически находилась в руках взбунтовавшихся солдат. Подавить бунт удалось только силой войск Московского военного округа (куда входил и гарнизон Нижнего Новгорода) под руководством командующего Московским округом полковника А. И. Верховского.

14 июля в Москве на Братском кладбище состоялось торжественное погребение погибших в Нижнем Новгороде юнкеров Алексеевского училища. Отпевание проходило в храме Косьмы и Дамиана на Скобелевской площади. Теперь, в июле 1917 г., над площадью царили совершенно

иные настроения. После отпевания траурная процессия от храма Косьмы и Дамиана через всю Москву — от Скобелевской площади по Тверской, 1-й Тверской-Ямской улицам, Петербургскому (Петроградскому) шоссе — под звон «сорока сороков» проследовала на воинское Братское кладбище в район села Всехсвятское (ныне район Сокола). В утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» 16 июля было напечатано сообщение ПТА от 14 июля: «Сегодня Москва хоронила юнкеров Алексеевского военного училища Фомина, Новика и Стразина, убитых и растерзанных толпой в Нижнем Новгороде. На похоронах присутствовали Алексеевское и Александровское училища, весь московский гарнизон и представители всех революционных и общественных организаций. На гроб было возложено 30 венков. На могиле произнесены речи. <...> Покойным оказаны воинские почести» [Дядичев, Лобыцын 2014: 33–34].

17 июля 1917 г. датировано стихотворение М. Цветаевой «Юнкерам, убитым в Нижнем». С материнским страданием оплакивает она погибших:

Сабли взмах —
И вздохнули трубы тяжко —
Провожать
Лёгкий прах.
С веткой зелени фуражка —
В головах.

Глуше, глуше
Праздный гул.
Отдадим последний долг
Тем, кто долгу отдал — душу.
Гул — смолк.
— Слуша - ай! На - кра - ул!

Три фуражки.
Трубный звон.
Рвётся сердце.
— Как, без шашки?
Без погон
Офицерских?
Поутру —
В безымянную дыру?

Смолкли трубы.
Доброй ночи —
Вам, разорванные в клочья —
На посту! [Цветаева 2004, т. 1: 363].

Описание предельно документально. Не исключено, что М. Цветаева и только что прибывший в Москву С. Эфрон, получивший по выпуске из школы прапорщиков двухнедельный отпуск, присутствовали на этих похоронах. Документализм трагической сцены запечатлен в звуках и движениях. Особое внимание уделено авторскому аудированию происходящего: свист сабли командующего обрядом похорон, его голос («— Слуша - ай! На - кра - ул!»); звуки духового оркестра («И вздохнули трубы тяжко»; «Трубный звон»; «Смолкли трубы»); голоса собравшихся при погребении («Глуше, глуше праздный гул»; «Гул — смолк»). На этом минорном фоне явственно ощущаются четкие движения: взмах сабли, поднятие и опускание труб, снятие фуражек и отдавание долга чести, бешеные толчки крови в сердцах провожающих в последний путь, опускание гробов с телами в могилу, закрытие глаз, не выдержавших тяжкого зрелища. Через призму зрения лирической героини, образ которой неразрывно слит с образом автора, мы сталкиваемся с деталями похоронного обряда: легкость тел убиенных, свидетельствующая как о молодом возрасте юнкеров, так и о том, что их тела изуродованы; зеленые ветки в изголовье, говорящие о теплом времени года; переговаривающаяся, «гудящая» праздная толпа, в которой, помимо родственников и знакомых убитых, много случайных прохожих; отсутствие знаков воинского отличия — шашек, погон, возможно невидимых в закрытых гробах с изувеченными телами («разорванные в клочья»); братская могила («безымянная дыра») как символ бесконечной вереницы жертв.

Неслучайно в контексте звукового оформления Цветаева прибегает к фоносемантической насыщенности рифмы: так, в первой строфе сильная мужская рифма «взмах — прах — головах» содержит элемент «ах», ассоциирующийся с эмоциональным междометием, в первой и третьей строфах экспрессивное наречие «тяжко» рифмуется с существительными «фуражка» / «фуражки» / «шашки», а на стыке третьей и четвертой строф между элементами «поутру — дыру — посту» появляется нерифмованное слово «трубы», включающее в себя звукокомплекс «тру» и коррелирующее с нерифмованным словом-стихом первой строфы «проводить». Точная, чеканная рифма большинства стихов (за исключением третьего и двадцать первого стиха, не содержащего рифмы, и рифмовки пятнадцатого и восемнадцатого стихов «рвется сердце — офицерских» с неточной рифмой) имитирует размеренные аккорды духового оркестра, минорное звучание похоронного марша, скупые жесты и четкие команды в обряде похорон военнослужащих.

В четырехчастной композиции текста внимание обращается на неупорядоченность рифмовки и неодинаковое количество стихов в последних строфах. Так, в первой секстине две неповторяющиеся рифмы перебиваются

нерифмованной строкой (А — б — в — А — б — А), без учета которой образуют последовательную рифмовку; во второй секстине рифмы приобретают усложненную последовательность (а — Б — В — а — В — Б); в третьей строфе-октаве перекрестная сложная рифмовка дополняется конечной смежной (а — Б — в — а — Б — в — Г — Г), путем паронимической аттракции обогащающей кольцевидный конечный катрен (Г — а — а — Г).

На фоне этого необычного строфо-ритмического построения усиливается роль гласных, достигающих аллитеративного звучания в первой, второй и четвертой строфах, причем доминирование этих гласных носит неварьированный характер. Если в первой строфе порождаются звуки плача по усопшим путем семикратного повторения гласного [а], а во второй — звуки похоронного марша за счет такого же повтора гласного [у], то в последней строфе эффект наступившей тишины создается пятикратным повтором звука [о], носящего характер скорбного вздоха. В то же время частотность звука [а] (16) во всем тексте — по сравнению со звукоупотреблениями [у] (14) и [о] (13) — придает эпитафии характер личной трагедии молодой женщины.

Фоносемантический характер текста усиливается порождением семантических полей «офицер» (за счет реализации лексем «сабля», «шашка», «фуражка» (два раза), «отдать долг» (два раза), «караул», «погоны», «офицерский», «пост»), «насильственная смерть» («прах», «разорванный», «рваться», «ключья»), «похороны» («трубы», «зелень», «безымянный», «дыра», «проводить», «поутру», «вздохнуть»), «человек» («душа», «сердце», «голова»), «музыка» («трубы», «трубный», «смолкнуть» (два раза), «слушать», «звон»), толпа («гул», «глухой», «праздный»), время суток («поутру», «доброй ночи»), время года («ветка», «зелень»). Взаимопересекаясь, эти семантические поля создают оппозицию «жизнь — смерть» (ср. контрастирующие лексемы «душа, сердце; взмах; три; легкий; поутру» — «прах, ключья; безымянная дыра; последний; тяжкий; доброй ночи»).

Статический текст-эпитафия (на 37 имен и местоимений приходится 9 глагольных слов) за счет средств создания экспрессии воспринимается как похоронный марш, с последними звуками которого все сдерживаемые эмоции и чувства лирической героини рвутся наружу. К таким средствам относятся не только уникальная строфика и метрика стиха, переплетение семантических полей и создание психологических контрастов, обогащение звучания текста сложной звукописью и рифмовкой, но и традиционные изобразительно-выразительные приемы, в цветаевской творческой манере приобретающие новые нюансы выражения авторского «я».

Одним из таких приемов является индивидуально-авторское обновление фразеологии. Во-первых, за счет контаминации Цветаева оживляет потенции фразеологизмов «отдать последний долг / отдать долг памяти»,

«отдать (Богу) душу», обновляя их форму и акцентуализируя семантику («Отдадим последний долг / Тем, кто долгу отдал — душу»). Во-вторых, она производит дефразеологизацию выражений «пусть земля (им) будет пухом», трансформированного во фразу «проводать легкий прах», т. е. хоронить молодых, и «безымянная дыра», т. е. братская могила. В итоге автором создается берущий за душу образ безвременно ушедших молодых юнкеров, выполнивших свой воинский долг до конца.

Другим экспрессивным приемом, усиливающим звучание взволнованного до глубины души авторского голоса, является парцелированный синтаксис вкупе с авторской пунктуацией. Эмоциональные паузы и эллиптические конструкции отмечены постановкой тире, мотивированного лишь эстетическими и ритмическими соображениями. Среди конструкций, отягощенных постановкой авторского тире, можно выделить следующие группы: 1) сложные предложения с разными видами связи, части которых представляют собой неоднотипные конструкции (напр., сложное предложение из трех предикативных частей (односоставное номинативное, двусоставное распространенное, односоставное номинативное) с сочинением и бессоюзной связью причинно-следственного характера: «Сабли взмах — / И вздохнули трубы тяжко — / Проводать / Легкий прах»); 2) простые распространенные расчлененные предложения (напр., «С веткой зелени фуражка — / В головах»); 3) одиночные простые и входящие в сложные простые конструкции с ритмическим сломом между членами предложения (напр., «Гул — смолк»; «Отдадим последний долг / Тем, кто долгу отдал — душу»); 4) конструкции — модальные слова, представляющие собой командную речь (напр., «— Слуша - ай! На - кра - ул!»); 5) эллиптические конструкции («Поутру — / В безымянную дыру?»). Экспрессивный синтаксис, порождающий парцелированные, ритмизованные и инверсированные конструкции, обогащенный восклицательными и вопросительными интонациями, — один из сильнейших приемов выражения цветаевской экспрессии.

Четкий, дробный ритм, аллитерация на [пр] — [тр] — [рв], ассонанс на [а] — [о] — [у], тонический размер, восходяще-нисходящие интонации, авторские паузы в простых синтагмах передают напряжение и энергетику стиха. Многочисленные тропы (олицетворение «вздохнули трубы тяжко», метафоры «рвется сердце», «разорванные в клочья», эпитеты «легкий прах», «в безымянную дыру»), паронимическая аттракция и фигуры (парцелляция; риторические вопросы и восклицания; эллипсис), индивидуально-авторская фразеология являются неотъемлемыми чертами стилистической системы Цветаевой.

22 июля 1917 г., вскоре после печального события, положенного в основу поэтической эпитафии Цветаевой, Эфрон был назначен младшим

офицером 10-й роты 56-го запасного полка. Представление о том времени дает письмо С. Эфрона к Е. О. Волошиной и М. А. Волошину от 15 сентября 1917 г. в Крым: «К ужасу Марины, я очень горячо переживаю все, что сейчас происходит — настолько горячо, что боюсь оставить столицу. <...> Я занят весь день обучением солдат — вещь безнадежная и бесцельная. <...> Я сейчас так болен Россией, так оскорблен за нее, что боюсь — Крым будет невыносим. Только теперь почувствовал, до чего Россия крепка во мне... Мало кто понимает, что не мы в России, а Россия в нас...» [Цветаева 1999: 250].

25 октября 1917 г. в Петрограде свершилась Октябрьская революция. Вслед за Петроградом в Москве началось Октябрьское вооруженное восстание, которое длилось около недели и закончилось установлением в городе советской власти. Но М. Цветаевой не суждено было стать свидетелем этих событий: незадолго до восстания она уехала в Феодосию поддерживать свою младшую сестру Анастасию, потерявшую сына-младенца. Новая «октябрьская» реальность нахлынула на Цветаеву, когда она села в поезд, возвращавший ее из Крыма в Москву, и услышала разговоры, увидела газеты, которые приносили на станциях солдаты. Происходящее пронзило ее сознание страшной мыслью, что муж, возможно, погиб. В поезде она записывает: «Если Вы живы, если мне суждено еще раз с Вами увидеться, слушайте: вчера, подъезжая к Харькову, прочла «Южный Край». 9000 убитых... <...> Все это страшный сон. Стараюсь спать. Я не знаю, как Вам писать. Когда я Вам пишу, Вы — есть, раз я Вам пишу! А потом — ах! — 56 запасной полк, Кремль...» [Цветаева 1994, т. 4: 418]. О грозных днях октября–ноября 1917 г. в Москве Эфрон рассказал в очерке «Октябрь (1917)» [Эфрон 2014: 12–62].

Победившая новая власть, торжественно похоронившая в те дни «жертвою павших в борьбе роковой» на Красной площади, разрешила родным и близким погибших юнкеров провести свое скромное погребение. 13 (26) ноября 1917 г. после отпевания в храме Большого Вознесения у Никитских Ворот скорбная процессия через всю Москву прошла на Братское кладбище в селе Всехсвятском, где тела погибших легли в мерзлую землю. Там состоялись похороны 37 человек, в основном юнкеров, погибших в боях с большевиками [Арсеньев, Морозова 2005: 54]. Так первыми жертвами боев в Москве ноября 1917 г. и надвигающейся братоубийственной Гражданской войны стали юнкера московских училищ, студенты, вчерашние гимназисты, ученики реальных училищ — сторонники Временного правительства. Под впечатлением от похорон на московском Братском кладбище поэт, композитор и артист А. Н. Вертинский написал свой знаменитый романс «То, что я должен сказать» (1917), известный также под названиями «Юнкера» и «Мальчики» [Вертинский 2012: 284].

В 1992 г. Государственной исторической библиотекой была издана брошюра, содержание которой проливало некоторый свет на октябрьско-ноябрьскую трагедию в Москве 1917 г. и похороны жертв этой трагедии [Алабин, Дибров, Судравский 1992: 1–83]. В книге приводится краткая история московского Братского кладбища и биографические сведения о захороненных на нем 356 человек, собранные на материале периодических изданий тех лет. В 2013 г. был издан подготовленный Отделом письменных источников Государственного исторического музея двухтомный словарь-справочник «Братское кладбище в Москве 1915–1924. Некрополь. Именные списки» [Зубова, Катагощина 2013]. В списках погребенных, среди прочего, содержатся краткие данные о трех юнкерах, героях цветаевского стихотворения: «Новик Степан Максимович, 34 года, православный. Юнкер. Алексеевское военное училище. Гродненская губерния Кобринский уезд Новосельская волость, с. Девятки. Сконч.: Нижний Новгород, 5 июля 1917 г., убит при подавлении военного бунта. Погр.: 14 июля 1917 г., под стеной, II ряд. — № 487. <...> Страздинь Ян Эрнест, 20 лет, лютеранин. Юнкер. Алексеевское военное училище. Гор. Рига. Сконч.: Нижний Новгород, 5 июля 1917 г., убит при подавлении военного бунта. Погр.: 14 июля 1917 г. Аллея левая, 16 ряд. — № 486. <...> Фомин Николай Платонович, 22 года, православный. Юнкер. Алексеевское военное училище. Область Войска Донского, станица Потемкинская. Сконч.: Нижний Новгород, 5 июля 1917 г., убит при подавлении военного бунта. Погр.: 14 июля 1917 г., под стеной, II ряд. — № 488» [Зубова, Катагощина 2013: 155, 467, 580]. Даже по этим кратким данным можно заключить, что идущая третий год мировая война требовала всё новых пополнений войск, в том числе офицерского состава. В юнкерские училища направлялись уже не только представители «благородных» сословий (дворянство, купечество, студенты, лица свободных профессий), но и крестьяне, рабочие, грамотные солдаты, проявившие себя в военном деле.

Что же касается дальнейшей истории московского Братского кладбища, то в 1930–1950-х гг. на его территории были проложены улицы, разбит парк. В 1995 г. был создан Фонд по восстановлению Всероссийского Всехсвятского Братского военного кладбища. 1 августа 2004 г. состоялась торжественная церемония открытия мемориального комплекса, приуроченная к 90-летию начала Первой мировой войны [Арсеньев, Морозова 2005: 62]. На сохранившейся незастроенной территории кладбища, ставшей мемориальным парком, воздвигнута Спасо-Преображенская часовня «В память защитников России, павших во всех войнах за Отечество», обелиск «Павшим за свободу и независимость Родины», памятный знак в виде миниатюрной часовни (на месте временной часовни Братского кладбища), крест «В память вождей и воинов, за веру и отечество живот

свой положивших», обелиски «Павшим в Мировой войне 1914–1918 гг.», сестрам милосердия, авиаторам, стела-стена памяти «Москва — павшим российским воинам»... На огороженной территории храма Всех Святых около станции метро «Сокол» находится ряд символических надгробий, плит, крестов. Среди них могильная плита: «Учащиеся военных юнкерских и кадетских училищ, студенты и гимназисты, погибшие в Москве 26.X — 3.XI.1917 г. Погребены 13.XI. /ст. ст./ на Братском кладбище» — и крест с надписью: «Казачи, юнкера, солдаты, офицеры, генералы и ополченцы-добровольцы, павшие в войне 1914–1919 годов. Вечная слава! Героям-брусиловцам и Георгиевским кавалерам».

Цветаева явилась свидетелем кровавых событий в Москве с начала Первой мировой до революции 1917 г., эмоционально запечатлев их в прозе и поэзии. Отечественная архитектура отдала дань павшим сооружением культурно-исторического памятника «Московское городское Братское кладбище героев Первой мировой войны» с величественными скульптурами и скромными надгробиями, русская литература же оставила памятник нерукотворный, сотворенный гением писателей — современников тех трагических дней. Поэтическая эпитафия юнкерам, принесшим себя в жертву истории, относится к числу шедевров творческого наследия М. Цветаевой.

Литература

- Алабин И. М., Дибров А. С., Судравский В. Д. Московское городское Братское кладбище: Опыт биографического словаря. М.: ГПИБ, 1992. 83 с.
- Арсеньев А. А., Морозова М. С. Московское городское Братское кладбище // Военно-исторический архив. М., 2005. № 10 (70). С. 30–63.
- Вертинский А. Н. Дорогой длинною... [Мемуары, стихи и песни, письма]. М.: АСТ-Астрель, 2012. 624 с.
- Дядичев В. Н., Лобыцын В. В. Доброволец двух русских армий. Военная судьба Сергея Эфрона: 1915–1921 годы. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2014. 152 с.
- Зубова Н. Л., Катагощина М. В. Братское кладбище в Москве, 1915–1924. Некрополь. Словарь-справочник. В 2 т. Именные списки. М.: Издательство «Русский Миръ», 2013. Т. 2. 744 с.
- Катагощина М. В. Памятники Великой войны // Военная быль. М., 1993. № 3 (132), июнь-сентябрь. С. 14–17.
- Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 1 (1912–1917). М.: Гос. изд. художественной литературы, 1955. 464 с.

- Цветаева М. И. Неизданное. Семья. История в письмах. М.: Эллис Лак, 1999. 592 с.
- Цветаева М. И. Собрание сочинений. В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц и Л. А. Мнухина. Т. 1. Стихотворения 1906–1920 гг. М.: Эллис Лак, 1994. 640 с.; Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М.: Эллис Лак, 1994. 688 с.
- Эфрон С. Я. Октябрь (1917 г.) // «Писательское русло» Сергея Эфрона. М.: Возвращение, 2014. С. 12–62.

References

- Alabin I. M., Dibrov A. S., Sudravskii V. D. *Moskovskoe gorodskoe Bratskoe kladbishche: Opyt biograficheskogo slovary* [Moscow City Brotherly Cemetery: experience in a biographical dictionary]. Moscow, GPIB Publ., 1992. 83 p.
- Arsen'ev A. A., Morozova M. S. [Moscow City Brotherly Cemetery]. *Voенно-istoricheskii arkhiv*, 2005, no. 10 (70), pp. 30–63. (In Russ.)
- Cvetaeva M. I. *Neizdannoe. Sem'ya. Istoriya v pis'makh* [Unreleased. Family. History in letters]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1999. 592 p.
- Cvetaeva M. I. *Sobranie sochinenii. V 7 tomakh* [Collected Works. In 7 vols.]. Comp., prep. text and comment. by A. A. Saakyanc and L. A. Mnukhina. Vol. 1. *Stikhotvoreniya 1906–1920 gg.* [Poems of 1906–1920]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. 640 p.; Vol. 4. *Vospominaniya o sovremennikakh. Dnevnikovaya proza* [Memoirs of contemporaries. Diary prose]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994. 688 p.
- Dyadichev V. N., Lobycyn V. V. *Dobrovolec dvukh russkikh armii. Voennaya sud'ba Sergeya Efrona: 1915–1921 gody* [Volunteer of two Russian armies. The military fate of Sergei Efron: 1915–1921]. 2nd ed. Moscow, House-Museum of Marina Tsvetaeva Publ., 2014. 152 p.
- Efron S. Ya. [October (1917)]. “*Pisatel'skoe ruslo*” *Sergeya Efrona* [“Writer's watercourse” by Sergey Efron]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2014, pp. 12–62. (In Russ.)
- Katagoshhina M. V. [Monuments of the Great War]. *Voennaya byl'*, 1993, no. 3 (132), pp. 14–17. (In Russ.)
- Mayakovskii V. V. *Polnoe sobranie sochinenii. V 13 tomakh* [Complete Works. In 13 vols.]. Vol. 1 (1912–1917). Moscow, State Publ. Khudozhestvennaya Literatura, 1955. 464 p.
- Vertinskii A. N. *Dorogoi dlinnoy... (Memuary, stikhi i pesni, pis'ma)* [A long way... (Memoirs, poems and songs, letters)]. Moscow, AST-Astrel' Publ., 2012. 624 p.
- Zubova N. L., Katagoshhina M. V. *Bratskoe kladbishche v Moskve, 1915–1924. Nekropol': Slovar'-spravochnik. V 2 tomakh. Imennye spiski* [The brotherly cemetery in Moscow, 1915–1924. Necropolis. Reference dictionary. In 2 vols. Nominal lists]. Moscow, Russkii Mir Publ., 2013. Vol. 2. 744 p.

Интенсификация неградулируемых признаков в языке Ф. М. Достоевского: лингвистические механизмы и семантические эффекты

Екатерина Вячеславовна Шарапова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), katyasharapik@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170009964-9

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается определенный тип окказиональных авторских словосочетаний, характерных для языка Ф. М. Достоевского: сочетания слов-интенсификаторов с обозначениями неградулируемых признаков. Присоединение интенсификатора к слову, которое не обозначает качественный градулируемый признак, является нарушением сочетаемостных ограничений. Словосочетание, образование которого по общему правилу должно быть запрещено, становится признаком авторского стиля. В статье выделяется два вида окказиональных словосочетаний: сочетания интенсификаторов с прилагательными, которые являются частью коллокации или устойчивой номинации; сочетания с существительными, которые обозначают лиц по национальности либо профессии, занятию. Рассматриваются механизмы образования, основания для семантического согласования и интерпретации окказиональных словосочетаний, их стилистические особенности. Затрагивается проблема семантической эволюции слов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интенсивность, интенсификатор, лексическая функция Magn, неградулируемый признак, нарушение сочетаемостных ограничений, окказионализм, коллокация, коннотация, семантический сдвиг, язык Ф. М. Достоевского

для цитирования: Шарапова Е. В. Интенсификация неградулируемых признаков в языке Ф. М. Достоевского: лингвистические механизмы и семантические эффекты // Русская речь. 2020. № 3. С. 101–113. DOI: 10.31857/S013161170009964-9.

благодарности: Статья подготовлена к печати в рамках работы над грантом РФФИ № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста». Автор благодарит Г. И. Кустову за неизменную помощь и поддержку, Н. В. Бунтман за ценные критические замечания по материалу статьи.

The Language of Fiction

Non-Gradable Attribute Intensification in Dostoevsky's Writing Style: Linguistic Mechanisms and Semantic Effects

Ekaterina V. Sharapova, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Moscow, Russia), katyasharapik@gmail.com

ABSTRACT: The article studies a certain type of occasional word combinations, characteristic of Dostoevsky's individual style, such as combining intensifiers with non-gradable words. Adding an intensifier to a word that does not indicate a graduated quality results in violation of collocational restrictions. The phrase that should be abnormal according to the general semantic rule turns into a meaningful stylistic device. The author finds two types of word combinations: combinations of intensifiers with adjectives which are a part of a certain collocation; combinations with nouns which denote persons by nationality or profession. The article considers the mechanisms of phrase formation, the basis for semantic coordination and interpretation of occasional word combinations (semantic shifts, connotative meaning

application, the context, including non-linguistic facts), as well as their stylistic features: word-play and irony. The article also addresses the issue of semantic evolution of vocabulary.

KEYWORDS: intensity, intensifier, Magn lexical function, non-gradable attribute, collocational restrictions, occasionalism, connotation, semantic shifts, Dostoevsky's individual style

FOR CITATION: Sharapova E. V. Non-Gradable Attribute Intensification in Dostoevsky's Writing Style: Linguistic Mechanisms and Semantic Effects. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 3. Pp. 101–113. DOI: 10.31857/S013161170009964-9.

ACKNOWLEDGEMENTS: This article is published with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-012-90025 "A linguistic model of Dostoevsky's individual style: corpus technologies in the analysis of literary text"). The author is grateful to Galina I. Kustova for her invaluable help and Nadezhda V. Buntman for critical comments on the article.

Иntenсификация признака в речи — это указание на высокую степень его проявления. Сообщить собеседнику о высокой степени признака можно самыми разными способами. Язык предлагает нам множество средств: фонетические — удлинение ударного гласного или начального согласного (*огро-омный, з-зараза*), словообразовательные — например, префиксацию (*распрекрасный, прескверно, переохладиться*), морфологические — превосходную степень сравнения прилагательных и наречий (*самый быстрый, сильнее всех*). Мы используем также элативные формы в сочетаниях типа *до мельчайших подробностей, с величайшим удовольствием* или различные конструкции с удвоением («редупликацией»): *белым-бело, проще простого, рад-радехонек, строго-настрого, хожено-перехожено* [Бондарко (отв. ред.) 1996: 115–123]. Средством интенсификации могут быть фразеологизмы: *И под эти думы заснул Герасим Силыч, а Патап Максимыч давно уж **храпел во всю ивановскую*** (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая. 1875–1881); *Искали, искали они князя и чуть-чуть в трех соснах не заблудились, да спасибо случился тут пошехонец слепород, который эти три сосны **как свои пять пальцев знал*** (М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города. 1869–1870). Синтаксическим средством являются, например, сложноподчиненные предложения типа *Сделается мне так*

душно, так душно дома, что бежала бы (А. Н. Островский. Гроза. 1860); *Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом* (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. 1839–1841).

В этой статье речь пойдет об интенсификации признака при помощи так называемых слов-интенсификаторов, т. е. слов, которые выражают значение высокой степени в сочетании с другими словами, обозначающими собственно признак: *крайне необходимый, слишком горячий, ослепительная белизна, адская жара, горячо интересоваться, досконально изучить, наотрез отказаться*. Иногда в роли интенсификатора выступает сочетание слов: *изо всех сил стараться, до неузнаваемости изуродовать, в значительной степени улучшить*. В лингвистической литературе для обозначения интенсификаторов иногда используют термин «лексическая функция Magn» (например, в [Кустова 2011], подробнее о Magn'ах и других лексических функциях — в [Мельчук 2012]).

Интенсификатор требует в речи (в качестве главного слова в словосочетании) слова со значением градуируемого признака. Градуируемость — это наличие у признака шкалы, по которой изменяется количество этого признака, т. е. его степень, или, иначе, интенсивность. «Каноническим» средством выражения градуируемых признаков в языке являются качественные прилагательные: именно способность градуироваться проявляется в способности большого числа качественных прилагательных иметь степени сравнения: *высокий — выше — самый высокий, выше всех*. Однако с точки зрения лингвистической семантики градуируемые признаки могут быть чрезвычайно разнообразны, а средства их выражения в языке не ограничиваются именами прилагательными. Градуируются внутренние состояния человека, например эмоциональные (*ярость — дикая, бешеная ярость; любовь — горячая, пламенная любовь*), но не только (*спать — крепко спать, болеть — тяжело болеть*), внешние проявления этих состояний (*аплодисменты — бурные, оглушительные аплодисменты*), многие процессы, которые обозначают изменение количества признака с течением времени (*остыть — немного остыть — сильно остыть — совсем остыть*), природные процессы типа *дождь — проливной дождь, снегопад — обильный снегопад* и т. д. [Кустова (сост.) 2008, Кустова 2011].

Если слово обозначает признак неградуируемый, то на употребление интенсификатора при таком слове налагается сочетаемостный запрет. Например, относительные и притяжательные прилагательные, притяжательные местоимения обозначают неградуируемые признаки, поэтому мы не говорим **довольно каменный дом, *вполне морская рыба, *чрезвычайно лисья нора, *поразительно мой портфель*. Не употребляем и формы степеней сравнения типа *автомобильный — *автомобильнее*,

стиральный — **самый стиральный*. Интенсификация неградуируемых признаков, таким образом, явление в некотором смысле необычное или даже — «неправильное». Однако весьма распространенное.

Конечно, языку хорошо знаком процесс «окачества» значений относительных прилагательных: *деревянный стул* — *деревянный голос*, *стеклянная дверь* — *стеклянный взгляд*, *железная лестница* — *железный характер*. Однако в романах Ф. М. Достоевского нередки случаи, когда слово не обозначает качественный градуируемый признак, но при этом к нему присоединяется интенсификатор. В тексте возникают «неправильные» с точки зрения сочетаемости норм стилистически маркированные окказиональные авторские выражения. Почему они возможны и как их можно интерпретировать?

Окказионализмы — это авторские неологизмы, «слова-самodelки» (Н. И. Фельдман), результаты авторского словотворчества. Окказионализмы «вырастают» из определенного контекста, они не претендуют на то, чтобы войти в общее употребление, закрепиться в языке, поэтому «ощущаются как новые, независимо от времени своего создания» [Фельдман 1957, Лопатин 1973: 65]. Самыми необычными бывают слова-окказионализмы, но окказиональными могут быть и словосочетания, если в них нарушены нормы узуса и семантической сочетаемости, если в них «встречаются» слова, «сочетаемость которых в узусе невозможна» [Бабенко 1997: 12–13]. Разделим интересующие нас окказиональные сочетания на две группы: сочетания интенсификаторов (1) с прилагательными и (2) с существительными.

(1) В некоторых случаях относительное прилагательное выступает в таком контексте, в котором реализуется именно относительное значение, и контекст не дает оснований для «окачества», даже препятствует ему. Так, наименее «склонны» к присоединению интенсификаторов коллокации — сложные наименования, имеющие терминологический характер. В составе подобных коллокаций прилагательные, даже исходно качественные, употребляются в относительном значении (*легкая атлетика*, *горячее копчение*) и не развивают качественных значений. Интенсификатор же требует качественного значения, поэтому как бы «наводит», индуцирует его. Происходит столкновение общезыкового и контекстуального значений, которое порождает каламбур — неразрешенное (и неразрешимое) семантическое противоречие, когда слово в одном и том же контексте реализует два разных значения:

В двух-трех местах они [женщины «легкого поведения»] толпились на тротуаре группами, преимущественно у сходов в нижний этаж, куда,

по двум ступенькам, можно было спускаться в разные весьма увеселительные заведения. («Преступление и наказание»)

«Неправильное» употребление интенсификатора и каламбур современный читатель может увидеть и в словосочетании особенно священное предание:

[Свидригайлов — Дуне] *У нас в образованном обществе особенно священных преданий ведь нет, Авдотья Романовна: разве кто как-нибудь себе по книгам составит... али из летописей что-нибудь выведет.* («Преступление и наказание»)

Сочетание священное предание является коллокацией с точки зрения современного языка (*Священное Писание — Священное Предание*, по данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)). В коллокации прилагательное священный не имеет качественного значения, которое, однако, возможно у него в других контекстах (так, в [Евгеньева (ред.) 1999] отмечено четыре качественных значения). В русском языке второй половины XIX в. употреблялось терминологическое сочетание Священное Предание, например: *Дух Божий, глаголящий Священным Писанием, поучающий и просвещающий Священным Преданием вселенской Церкви, не может быть постигнут разумом* (А. С. Хомяков. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси. 1853); однако употребительным было также сочетание с качественным значением прилагательного (*священный* 'заветный, нерушимый', *предание* 'поучения, наставления, правила житейские, переданные одним поколением другому' [Даль 1998]), например: *Вы похожи на пришельцев... которые не знают ни радостей, ни священных преданий, ни теплых воспоминаний этой страны...* (А. К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят — щепки летят. 1871). Таким образом, для современников Достоевского употребление сочетания священное предание с интенсификатором было, скорее всего, нейтральным или его стилистический эффект был не таким, каким он представляется современному читателю.

Интенсификаторы могут присоединяться к сочетаниям относительных прилагательных с существительными, которые представляют собой названия частных разновидностей какого-либо класса объектов: *морская рыба и речная рыба, книжный шкаф, платяной шкаф*. Так, в художественных текстах второй половины XIX в. нам встретились сочетания *летняя, зимняя, верхняя, траурная, праздничная, парадная одежда; охотничий, дачный, маскарадный, дорожный костюм; русский, малороссийский, европейский, петербургский костюм* [НКРЯ, ruscorpora.ru] — все это названия

разновидностей одежды, они близки к терминологическим обозначениям и похожи на коллокации. Однако присоединение к ним интенсификаторов дает несколько другой эффект, чем в предыдущих примерах:

*Протягивались наглые смеющиеся головы с папиросками и трубками, в ермолках. Виднелись фигуры в халатах и совершенно нараспашку, в **летних до неприличия костюмах**, иные с картами в руках.* («Преступление и наказание»)

[Версилов — Аркадию Долгорукому] — *Ты, может быть, не знаешь? я люблю иногда от скуки... от ужасной душевной скуки... заходить в разные вот эти клоаки. Эта обстановка, эта заикающаяся ария из «Лючии», эти половые в **русских до неприличия костюмах**, этот табачище, эти крики из биллиардной — все это до того пошло и прозаично, что граничит почти с фантастическим.* («Подросток»)

Хотя сочетания типа *до неприличия летний костюм* имеют, как и *весьма увеселительные заведения*, иронический оттенок, тем не менее присоединение интенсификатора приводит не к каламбуру, а скорее к семантическому сдвигу в значении прилагательного. Интенсификатор актуализирует периферийную качественную семантику у опорного прилагательного, а иногда, возможно, индуцирует, «наводит» ее. Коннотативная качественная семантика прилагательного позволяет интерпретировать словосочетание, образование которого по общему сочетаемостному правилу запрещено.

Коннотации слова — это некоторые смыслы, которые сопутствуют, но «не входят непосредственно в лексическое значение слова» и выражают «принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995: 159]. Коннотации отражают наши ассоциации и стереотипные представления: *лисы* — хитрые, *петухи* — задиры, *ослы* — упрямые; немцы аккуратны, француженки красивы и т. д. Однако коннотации могут быть не только устойчивыми, общезыковыми, но, как и слова и словосочетания, они могут быть окказиональными, индивидуально-авторскими, специфичными для конкретного текста (подробнее о коннотациях — в [Телия 1986]). В этом случае, как показывают наши примеры и как мы увидим далее, коннотации создаются в контексте, разными путями этим контекстом «наводятся».

(2) Интенсификатор может присоединяться к существительному, обозначающему лицо по национальности, профессии, занятию.

«Исторический, политический, религиозный или психологический контекст существования лексемы или ее референта» играет заметную

роль в формировании коннотаций [Апресян 1995: 170], поэтому, например, в следующих контекстах читатель вряд ли заметит что-то особенно необычное:

[Федор Павлович Карамазов — Алеше Карамазову] *Алешка, ведь правда? Ведь совершенно русская вера такая? — Нет, у Смердякова совсем не русская вера, — серьезно и твердо проговорил Алеша. — Я не про веру его, я про эту черту, про этих двух пустынников, про эту одну только черточку: ведь это же по-русски, по-русски? — Да, эта черта совсем русская, — улынулся Алеша.* («Братья Карамазовы»)

[Настасья Филипповна — Рогожину] *Все-таки ты не лакей; я прежде думала, что ты совершенный, как есть, лакей.* («Идиот»)

В других случаях коннотации, которые взаимодействуют с интенсификатором, принадлежат скорее к индивидуально-авторской текстовой системе, нежели к системе языка. Откуда же мы знаем о таких коннотациях? Многие словосочетания «вида X→Y можно осмыслить только в предположении, что семантической областью действия X-а является не все лексическое (или грамматическое) значение слова Y, как это бывает в большинстве случаев, и даже не отдельный его компонент, а какая-то коннотация X-а» [Апресян 1995: 167]. Кроме того, «взаимодействие степенного квантификатора с коннотацией особенно заметно в тех случаях, когда он присоединяется к слову, обозначающему неградуируемое свойство» [Апресян 1995: 168]. Для того чтобы осмыслить такое высказывание, читателю необходимо найти то содержание в значении слова, которое могло бы градуироваться, необходимо увидеть в слове качественные элементы значения. Эту способность находить адекватный смысл во внешне неправильном высказывании называют интерпретативной, или семантической, компетенцией [Арутюнова 1990: 4].

Интерпретация «необычного» слова или словосочетания опирается на контекст. Так, существительное *русский* получает у Ф. М. Достоевского не только общеязыковую, но и индивидуально-авторскую коннотативную нагрузку. Рассуждая о русских как о культурном типе «всемирного боления за всех», отец Подростка Андрей Петрович Версиллов противопоставляет русского человека и европейца:

Один лишь русский, даже в наше время, то есть гораздо еще раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец. <...> Им еще долго суждено драться, потому что они — еще слишком немцы и слишком французы и не кончили свое дело еще в этих ролях. («Подросток»)

Интенсификаторы актуализируют стереотипные представления читателя о русских, европейцах, немцах и французах, но также, в условиях контекста, создают особые коннотации для *русского*: немцы — только немцы, французы — только французы, русский же способен воплотить в себе черты всех европейских наций.

Контексты употребления названий профессий и рода занятий еще более необычны, например:

[Дмитрий Карамазов — Алеше Карамазову] *Ненавижу я эту Америку уж теперь! И хоть будь они там все до единого **машинисты необъятные** какие, али что — чорт с ними, не мои они люди, не моей души! Россию люблю, Алексей, русского Бога люблю, хоть я сам и подлец!* («Братья Карамазовы»)

Слово *машинист* не имеет коннотаций в общезыковой системе, оно приобретает их только в художественной системе романов Достоевского: коннотации связаны с устойчивым мотивом неверия в счастье, основанное на техническом прогрессе и увеличении материального благополучия.

Значение слова *машинист* в XIX в. отличалось от современного. В первый раз это слово появляется в НКРЯ в «Опыте исторического слова о российских писателях» Н. И. Новикова (1772) и обозначает машиниста сцены: *При строении сего театра был он сам архитектором, живописцем и **машинистом**...* В «Словаре церковнославянского и русского языка» у слова *машинист* приводится значение 'изобретатель, строитель машин'. По данным НКРЯ, эти два значения в XIX в. сосуществуют: *...иногда вся сцена, от колосников до преисподней, наполнялась яростными сухими раскатами грома, который **машинист** приводил в движение ради пробы...* (Д. В. Григорович. Капельмейстер Сусликов. 1848); *...**машинист** предложил отцу поднять посредством плотины реку и силою воды ее привести в движение большой пильный завод и несколько мельниц...* (В. А. Вонлярлярский. Ночь на 28-е сентября. 1852). Значение 'человек, управляющий поездом' у слова *машинист* появляется в «Записках» М. А. Корфа (1838–1852): *...около Клина два поезда в туманную погоду столкнулись на всем ходу, так что несколько человек **машинистов** и кочегаров лезло на месте.* Однако никаких признаков развития качественного значения не обнаруживается.

Коннотации *машиниста* «поддерживаются» в других романах Достоевского. В романе «Идиот» читаем:

*«**Слишком шумно и промышленно** становится в человечестве, мало спокойствия духовного», — жалуется один удалившийся мыслитель. «Пусть, но стук телег, подвозящих хлеб голодному человечеству, может быть, лучше спокойствия духовного», — отвечает тому победительно другой, развезжающий повсеместно мыслитель...»* («Идиот»)

Здесь те коннотации, которые мы отметили у слова *машинист*, позволяют образовать окказиональное слово категории состояния *промышленно* и сочетание с интенсификатором.

Выражение *слишком промышленно* требует от читателя знания текста-«источника». Речь идет о полемике между А. И. Герценом и В. С. Печериным, отраженной в их переписке 1853 г. (см. «Былое и думы», часть седьмую, главу «Pater V. Petcherine» [Герцен 1957: 391–403]). В. С. Печерин — соратник Герцена по Московскому университету. Эмигрировав за границу, он впоследствии принял католичество и священный сан. Спор идет о путях пересоздания общества: это наука — по мнению Герцена, и религия — по мнению Печерина. Последний выступает как противник «материальной науки». Интересно, что Достоевский не прибегает к развернутому пересказу доводов Печерина: передать суть его взглядов помогают коннотации. Аналогичным образом «устроено» словосочетание *чрезвычайный полководец*:

[Автор-повествователь] *Я всегда горевал, что великий Пирогов взят Гоголем в таком маленьком чине, потому что Пирогов до того самоудовлетворим, что ему нет ничего легче как вообразить себя, по мере толстеющих и крутящихся на нем с годами и «по линии» эполет, **чрезвычайным**, например, **полководцем**; даже и не вообразить, а просто не сомневаться в этом: произвели в генералы, как же не полководец?* («Идиот»)

Существительное *полководец*, не будучи качественно-оценочным, закономерно присоединяет оценочные характеристики (*выдающийся полководец*), но не степенные. Интерпретацию «подсказывает» контекст: «Эта наглость наивности, эта несомневаемость глупого человека в себе и в своем таланте, превосходно выставлена Гоголем в удивительном типе поручика Пирогова. Пирогов даже и не сомневается в том, что он гений...» («Идиот») — речь идет о герое повести Н. В. Гоголя «Невский проспект». Словосочетание *чрезвычайный полководец*, употребленное вместо более привычного *выдающийся полководец*, выражает авторскую иронию: это «полководец» вовсе не выдающийся и даже не настоящий.

В заключение нужно обратить внимание на то, что приведенные примеры позволяют описать некоторые значимые механизмы интенсификации неградулируемых признаков в языке Ф. М. Достоевского, но не исчерпывают реальное многообразие явлений текста. Каждый контекст своеобразен и требует подробного комментария (для сравнения: *Карамзov вполне; особенно логическая связь; время теперь совершенно мое; ужасно острый угол комнаты; безобразно тупой угол комнаты*).

Механизм образования окказиональных словосочетаний с интенсификацией неградулируемого признака в языке Ф. М. Достоевского может

быть основан, у прилагательных, на разрушении устойчивых терминологических сочетаний и актуализации у слова качественного значения. У существительных это актуализация коннотативной семантики, часто — индивидуально-авторской коннотативной семантики. Наиболее «явный» стилистический эффект — это ирония, в отдельных случаях каламбур. Чуть «глубже» мы наблюдаем, как формируется общее коннотативное пространство разных романов Достоевского, как нарушение сочетаемостного запрета становится средством для выражения авторской точки зрения, «авторской модальности». Нельзя не заметить и эстетическую роль «неправильных» употреблений — именно они создают неповторимую оригинальность стиля Достоевского, «своеобразную гармонию» и «новизну» [Ковач 2008] его искусства.

Литература

- Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 156–177.
- Арутюнова Н. Д. От редактора // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Ин-т языкознания; отв. редактор Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 3–9.
- Бабенко Н. Г. Окаzionale в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград: Калининградский университет, 1997. 81 с.
- Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. 264 с.
- Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 11. Былое и думы. Части VI–VIII. М.: Издательство АН СССР, 1957. 808 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1998.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
- Ковач А. Поэтика Достоевского / Пер. с румынского Е. Логиновской. М.: Водолей Publishers, 2008. 352 с.
- Кустова Г. И. (сост.). Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://dict.ruslang.ru/magn.php?act%20=search&magn_lex (дата обращения: 22.07.2019).
- Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN'ы-прилагательные) // Слово и язык. Сб. статей в честь 80-летия акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256–268.

- Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.
- Мельчук И. А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012. 176 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.07.2019).
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1847 [Электронный ресурс]. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=dict1847> (дата обращения: 22.07.2019).
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
- Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 64–73.

References

- Apresyan Yu. D. [Connotations as a part of pragmatic value of words]. *Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. Izbrannye trudy*. T. II [Integrative description of language and system lexicography. Selected works. Vol. II]. Moscow, Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1995, pp. 156–177. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. [Editor's note]. *Logicheskii analiz yazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of language: inconsistency and abnormality of text]. Ed. N. D. Arutyunova. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 3–9. (In Russ.)
- Babenko N. G. *Okkazional'noe v khudozhestvennom tekste. Strukturno-semanticheskii analiz* [Occasional phenomena in literary texts. Structural and semantic analysis]. Kaliningrad: Kaliningrad University Publ., 1997, 81 p.
- Bondarko A. V. (ed.). *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The theory of functional grammar: Quality. Quantity]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 264 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the live Great Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1998.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Vol. 1–4. 4th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 22.07.2019).
- Feldman N. I. *Okkazional'nye slova i leksikografiya* [Occasionalisms and lexicography] // *Voprosy yazykoznaniiya*, 1957, no. 4, pp. 64–73. (In Russ.)
- Herzen A. I. *Sobranie sochinenii v 30 t.* [Collected works in 30 vols]. Vol. 11. *Byloe i dumy* [My past and thoughts]. Parts 6–8. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 808 p.
- Kovacs A. *Poetica lui Dostoievski*. Bucurersti, Editura Univers, 1987. (Russ. ed.: Kovach A. *Poetika Dostoyevskogo* [Dostoevsky's Poetics]. Transl. from Romanian by E. Loginovskaya. Moscow, Vodolei Publ., 2008. 352 p.

- Kustova G. I. (comp.). *Slovar russkoi idiomatiki. Sochetaniya slov so znacheniem vysokoi stepeni* [Dictionary of Russian idiomatic expressions. Combinations of words with a sense of high degree]. 2008. Available at: http://dict.ruslang.ru/magn.php?act=search&magn_lex (accessed 22.07.2019).
- Kustova G. I. [Words with a sense of high degree: semantic models and semantic mechanisms (MAGN-Adjectifs)]. *Slovo i yazyk. Sbornik statei v chest' 80-letiya akad. Yu. D. Apresyana* [Word and language. Collected articles in honour of 80th anniversary of Yu. D. Apresyan]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2011, pp. 256–268. (In Russ.)
- Lopatin V. V. *Rozhdenie slova. Neologizmy i okkazionalnye obrazovaniya* [Birth of a word. Neological and occasional words]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 152 p.
- Mel'chuk I. A. *Yazyk: ot smysla k tekstu* [Language: from meaning to text]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2012. 176 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 22.07.2019).
- Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoi akademii nauk* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language compiled by the Second Branch of the Academy of Sciences of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1847. Available at: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=dict1847> (accessed 22.07.2019).
- Teliya V. N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspects of meaning of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 141 p.

Из истории науки

У истоков лингвистической экспертизы текста

Леонид Петрович Крысин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
leonid-krysin@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170009965-0

АННОТАЦИЯ: Воспоминания посвящены первой «лингвистической экспертизе», в выполнении которой автор участвовал в 1962 году. Термин этот тогда еще не употреблялся, но суть работы сводилась именно к тому, что сейчас называется этим словосочетанием. В Институт русского языка АН СССР поступил запрос от КГБ о проведении лингвистического исследования рукописных мемуаров генерала А. А. Брусилова, предположительно записанных под диктовку его женой — Н. В. Желиховской. Эти материалы были обнаружены в Праге, после освобождения ее советскими войсками. Необходимо было сравнить язык и стиль найденной рукописи с опубликованными в 1946 году воспоминаниями генерала. Дело в том, что найденная рукопись содержала критику советской власти. Необходимо было установить, принадлежат ли эти высказывания самому генералу или добавлены его женой (или кем-то еще). Для этого требовалось также изучить дневники самой Н. В. Желиховской. Работа оказалась достаточно трудоемкой и заняла около месяца. Удалось выяснить, что стиль рукописи сильно отличается от опубликованных воспоминаний. Не было там характерных для автора слов, речевых оборотов и особенностей словоупотребления. В конце 1962 года в журнале «Огонек» было опубликовано интервью с С. И. Ожеговым, в котором он рассказывал о роли института в реабилитации генерала А. А. Брусилова.

для цитирования: Крысин Л. П. У истоков лингвистической экспертизы текста // Русская речь. 2020. № 3. С. 114–119. DOI: 10.31857/S013161170009965-0.

From the History of the Science

At the Origins of the Linguistic Expertise of the Text

Leonid P. Krysin, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), leonid-krysin@mail.ru

ABSTRACT: The recollections are devoted to the first ‘linguistic expertise’, in which the author took part in 1962. This term was not used at that time, but the procedure resembled modern linguistic expertise. The Institute of Russian Language, which was a part of the Academy of Sciences of the Soviet Union received a request from KGB to study the handwritten memoirs of General A. A. Brusilov, which were allegedly dictated by him and handwritten by his wife N. V. Zhelikhovskaya. These materials were found in Prague after the city was liberated by the USSR armed forces. It was necessary to compare the language and style of the manuscript with the recollections of General Brusilov published in 1946. The thing was, that the manuscript criticized Soviet Government. It was essential to find out whether these citations belonged to General Brusilov or they were added by his wife or some other person. The task required studying the diaries of Zhelikhovskaya as well. It was a challenging and laborious task, which took about a month. The scientists managed to conclude that the style of the manuscript differed significantly from the style of the published recollections. The manuscript did not contain specific words and phrases characteristic to the author. At the end of that 1962 year the ‘Ogoniok’ magazine published an interview with the linguist S. I. Ozhegov, who told about the part which the Institute played in the rehabilitation of A. A. Brusilov.

FOR CITATION: Krysin L. P. At the Origins of the Linguistic Expertise of the Text. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 3. Pp. 114–119. DOI: 10.31857/S013161170009965-0.

*Посвящается А. Н. Баранову — автору замечательной книги
«Лингвистическая экспертиза текста» (М., 2007)*

В конце июля 1962 года меня и еще одного сотрудника сектора культуры речи Института русского языка АН СССР вызвал к себе Сергей Иванович Ожегов, который в то время был заместителем директора этого института (а директором был академик В. В. Виноградов).

Сергей Иванович сказал, что к нему приходил представитель КГБ с просьбой провести лингвистическое исследование текстов (термина «лингвистическая экспертиза» в то время еще не было, но фактически, как будет ясно из дальнейшего, речь шла именно об экспертизе), автором которых предположительно является генерал А. А. Брусилов. Проведение этого исследования Ожегов поручил нам.

Нам была назначена встреча с полковником КГБ Василием Ивановичем Севериным. Встреча состоялась в приемной КГБ СССР на Кузнецком Мосту. В. И. Северин, небольшого роста невзрачный человек, которому на вид было около шестидесяти, в форме с синими кагэбэшными погонами, сообщил нам следующее.

После Великой Отечественной войны в архивах освобожденной нашими войсками Праги был найден архив знаменитого генерала А. А. Брусилова, а в этом архиве — рукопись его воспоминаний.

Почерковедческая экспертиза установила, что текст написан не рукой генерала, а рукой его жены — Желиховской, которой он надиктовывал свои воспоминания. Я не запомнил ни имени-отчества ее, ни даже инициалов, но сейчас из Интернета узнал, что звали ее Надежда Владимировна, что она была дочерью известной детской писательницы В. П. Желиховской, что в 1910 году вышла замуж за А. А. Брусилова, а в 1930-м эмигрировала в Чехословакию, увезя с собой вторую часть воспоминаний мужа. Запись этих воспоминаний, которые составили вторую часть мемуаров генерала, происходила, скорее всего, в первой половине 20-х годов, когда старик Брусилов, хотя и числившийся — как свидетельствуют энциклопедии — инспектором кавалерии, почти совсем ослеп (он умер в 1926 году в возрасте 72 лет).

Наша задача состояла в следующем: сравнить текст новонайденной рукописи с текстом уже опубликованного первого тома воспоминаний Брусилова (А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М., 1946) и попытаться найти общие либо различающиеся, но при этом характерные для манеры

письма именно Брусилова элементы языка того и другого текста (для краткости дальше буду называть неопубликованную часть генеральских воспоминаний, в отличие от опубликованного тома, просто Рукопись). Третьим объектом исследования были воспоминания Н. В. Желиховской, тоже рукописные и тоже найденные в пражском архиве. Предполагалось, что жена генерала, хотя и писала под его диктовку, могла вносить отсебятину как в содержание, так и в форму того, что она записывала. Тем самым не исключалось, что в языке и в манере письма Рукописи воспоминаний Брусилова, надиктованных им жене, с одной стороны, — и в рукописи ее собственных воспоминаний, с другой стороны, может быть обнаружено нечто сходное.

Со 2 августа мы приступили к работе. Поскольку она была секретной, о чем нас сразу же предупредил В. И. Северин, — он отвез нас в район Савеловского вокзала, где на подъездных путях, в каком-то административном железнодорожном здании была явочная квартира КГБ. Современному читателю может быть непонятно, что же секретного было в этой работе? О причине секретности в этом деле скажу немного дальше.

Северин отпер обитую кожей дверь, предварительно сняв с нее какую-то нащепку. Потом оказалось, что это была пломба, и после каждого рабочего дня, покидая это помещение, мы должны были не только запирать дверь на английский замок, но и опломбировывать ее.

Этой квартирой пользовались и другие, кроме Северина, сотрудники КГБ.

Помню такой эпизод. Вместе с Севериным мы в очередной раз приехали на явочную квартиру. В этот момент из ее дверей выходил какой-то человек, с которым Северин поздоровался как с давно знакомым. Здороваясь, тот спросил у Северина, кивком головы указывая на нас:

— Это наши люди?

Северин, *отрицательно* покачав головой, ответил:

— Наши.

В одной из комнат этой трехкомнатной квартиры стоял большой письменный стол и стол поменьше, тоже письменный. На большом лежали две толстые папки (это и была Рукопись воспоминаний Брусилова), небольшая книга в сером переплете — «Мои воспоминания» Брусилова, изданные в 1946 году, и еще одна папка — с рукописными воспоминаниями Н. В. Желиховской.

Теперь надо объяснить, почему поручение исследовать тексты воспоминаний знаменитого генерала исходило от Комитета госбезопасности и было секретным.

Дело в том, что в найденной в Праге Рукописи воспоминаний наряду с рассказами о военных операциях русской армии во время Первой мировой

войны наши органы обнаружили высказывания и соображения, которые были квалифицированы ими как антисоветские. Но вопрос: кому они принадлежат — генералу или его жене? Хоть почерк в Рукописи — Желиховской, диктовал-то текст Брусилов. Если окажется, что Желиховская педантично записывала все, что говорил генерал, ничего не прибавляя и не убавляя, то эти высказывания и соображения должны быть признаны принадлежащими генералу; но не исключено, что надиктовываемый текст она редактировала, внося что-то свое. Если антисоветчина — брусиловская, то имя генерала и все, что с ним связано, подлежит переоценке с партийных позиций и уж во всяком случае — запрету. Надо сказать, правда, что фактически этот запрет был уже осуществлен: сразу после того, как «пражскую» Рукопись нашли и «компетентные органы» ознакомились с ее содержанием, имя Брусилова перестало упоминаться печатно, а изданные «Мои воспоминания» были отправлены в спецхран библиотек.

Судя по тому, что и как говорил нам Северин, власти не склонны были только на основании найденной Рукописи клеймить позором славного генерала. Поэтому если наш анализ текста Рукописи, говорил Северин, покажет, что язык ее отличается от языка опубликованной книги, и тем самым авторство Рукописи можно хотя бы поставить под сомнение, то этого будет вполне достаточно. Определить же, кто именно автор Рукописи — Желиховская или кто-то другой, — не входило в нашу задачу. И хорошо, что не входило: в лингвистике не то что середины XX века, но и в современной не было и нет надежных средств и методов определения авторства текстов (хотя существует целое направление экспертной лингвистической деятельности — так называемая автороведческая экспертиза).

В явочной квартире был телефон, но Северин предупредил нас, что никому звонить отсюда не надо. Не можем мы и покидать помещение в течение всего рабочего дня, а в конце его должны, оставив все документы и наши собственные записи на столах, запереть и опечатать квартиру (не помню, доверялось ли нам иметь ключ при себе до следующего утра или же его надо было кому-то сдавать; скорее всего, второе).

Стояла жара. В квартире было хотя и просторно, но, как и на улице, жарко: ни о каких кондиционерах, даже в помещениях явочных кагэбэшных квартир, в те времена еще не было речи. Мы разделись до трусов и углубились в чтение текста Рукописи. И на первых же ее страницах убедились в обоснованности обвинений ее автора в антисоветских настроениях: Рукопись пестрела разного рода упреками советским властям по поводу послереволюционного «порядка» в России. Незаконные аресты, массовые расстрелы, разруха, нехватка самого необходимого — все это

вызывало живую реакцию автора Рукописи и комментировалось достаточно резко и язвительно.

Не буду сейчас описывать технику нашей аналитической работы: многое забылось, а копию нашего заключения нам, конечно, оставить не разрешили. Упомяну только, что мы пытались найти такие элементы языка Рукописи, которые перекликались бы с тем, что было характерно для текста опубликованных воспоминаний генерала. В изданной книге этого было немало: индивидуальное словоупотребление, любимые фразеологизмы, редкие или необычные синтаксические конструкции. Например, в «Моих воспоминаниях» часто встречается конструкция с устаревшим даже для начала XX века союзом *дабы*; в Рукописи таких конструкций, построенных с помощью этого союза, мы не обнаружили (как и многого другого, что было характерно для «Моих воспоминаний»). Ни по общему тону, ни по выбору лексики и фразеологии, ни — в особенности — по синтаксису Рукопись не напоминала изданную книгу. С другой стороны, обнаружилось кое-что общее с языком и стилем воспоминаний Желиховской. Но все же достаточных оснований для признания автором Рукописи именно ее у нас не было.

Поскольку объем работы оказался довольно большим: в двух папках Рукописи набиралось около тысячи страниц да плюс чтение и анализ воспоминаний Желиховской, — наши ежедневные сидения в явочной квартире КГБ затянулись почти на месяц. В результате мы составили заключение, в котором утверждалось: найденная в Праге рукопись воспоминаний не может быть квалифицирована как принадлежащая А. А. Брусилову, так как в ее тексте не найдено языковых и стилистических особенностей, характерных для текста изданных «Моих воспоминаний» генерала.

Этот вывод, по-видимому, вполне удовлетворил наших работодателей: отдав текст заключения Северину, который наши выводы одобрил, мы расстались с полковником, и он навсегда исчез из нашей (во всяком случае — из моей) жизни.

Спустя некоторое время в журнале «Огонек» (кажется, в одном из октябрьских номеров за 1962 год) можно было прочитать интервью с Сергеем Ивановичем Ожеговым по поводу участия ученых Института русского языка АН СССР в «реабилитации» генерала А. А. Брусилова.

Наши фамилии в этом интервью не упоминались.

Наука в лицах

Академик Зализняк (1935–2017): открытия и убеждения

Сергей Дмитриевич Шелов, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), volehs@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170009966-1

АННОТАЦИЯ: В статье автор излагает свои индивидуальные впечатления о личности и научных результатах академика А. А. Зализняка. Перечисляются некоторые важнейшие открытия этого выдающегося лингвиста в области славистики, русистики и языкознания, без которых картина современной науки была бы неполной и ущербной. Отмечаются личностные качества ученого, связанные с его общественной деятельностью по популяризации науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Андрей Анатольевич Зализняк, славистика, русский язык, научное открытие

для цитирования: Шелов С. Д. Академик Зализняк (1935–2017): открытия и убеждения // Русская речь. 2020. № 3. С. 120–128. DOI: 10.31857/S013161170009966-1.

Science and Persons

Academician Zaliznyak (1935–2017): Discoveries and Beliefs

Sergey D. Shelov, Vinogradov Russian Language Institut (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), volehs@mail.ru

ABSTRACT: In the article the author presents his individual impressions about the personality and scientific results of the academician A. A. Zaliznyak. The contribution lists some of the major discoveries of this outstanding linguist in the field of Slavistics, Russian studies and linguistics, without which the picture of modern science would be incomplete and flawed. The personal qualities of the scientist associated with his activities in the popularization of science are highlighted.

KEYWORDS: Andrey A. Zaliznyak, Slavistics, Russian language, scientific discovery
FOR CITATION: Shelov S. D. Academician Zaliznyak (1935–2017): Discoveries and Beliefs. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 3. Pp. 120–128. DOI: 10.31857/S013161170009966-1.

Писать о достижениях выдающегося лингвиста современности, лауреате Государственной премии, кавалере Большой золотой медали имени М. В. Ломоносова Андрее Анатольевиче Зализняке и легко и трудно, и радостно и ответственно. Коротко и ясно о них (и об общих чертах научного творчества исследователя) рассказал на церемонии вручения А. А. Зализняку Солженицынской премии профессор МГУ, заведующий кафедрой математической логики и теории алгоритмов Владимир Андреевич Успенский, отметив три области, за достижения в которых А. А. Зализняк был удостоен этой премии: это исследования в области русского языка, это расшифровка древних текстов и это исследования «Слова о полку Игореве», доказавшие подлинность «Слова».

Задача этой заметки — поделиться, если угодно, глубоко личными впечатлениями от этих достижений, которые у меня сформировали представление и о достоинстве занятия наукой, и о праве науки на самостоятельность и самодостаточность существования как части общечеловеческой культуры.

Впервые я услышал это имя в далеких 60-х гг. прошлого века после выхода в свет монографии «Русское именное словоизменение» [Зализняк 1967]. Это многие десятилетия спустя я узнал, что за эту фактически кандидатскую диссертацию, по ходатайству оппонентов и других выдающихся специалистов, ему было присвоено звание доктора филологических наук... Тогда же работа поразила меня прозрачностью хода мысли, сочетающего легкость и фундаментальность научного мышления с полнотой и детальностью изучения материала. «А что, раньше, до Зализняка, мы не знали, как изменяются в русском языке имена по падежам?» — могу спросить

я сам себя или, вместе со мной, может спросить неискушенный читатель. (Такие вопросы, действительно, звучали.) Да как сказать... В то время, как всякий школяр, я, например, твердо знал, что в русском языке шесть падежей, и подвергнуть этот тезис сомнению было равносильно богохульству. При этом, разумеется, мне было известно существование форм «дай мне чаю», «добавь сахарку», «подливать мёду», а вот вопрос об их отношении к числу падежей в русском языке как-то не возникал. Конечно, было мне известно, и что по-русски правильно «в боку», «в углу», «в шкафу», а не «в боке», «в угле», «в шкафе». Знал я, как и Вы, дорогой читатель, что сказать по-русски «пойти в солдаты», «пройти в депутаты», «вышел в кандидаты» — самое обычное дело. А вот до вопроса о том, что же это получается — что в русском языке именительный падеж (ведь «солдаты», «депутаты», «кандидаты» — это именительный падеж) сочетается с предлогом (!), — как-то не додумался. Да и многие другие «мелочи» требуется ясно осознать, чтобы дать убедительный и исчерпывающий ответ на школьный вопрос о количестве падежей в русском языке (их, как выясняется, строго говоря, не шесть, а целых 14!). Столь же не очевидным оказывается и вопрос о том, сколько чисел в грамматической категории числа в русском языке, и т. д. и т. п.

Описание русской грамматики в этой работе изумляло не только своим исчерпывающим характером, но еще и элегантным теоретическим аппаратом и четкостью терминологии, которая предлагалась и получала определения в этом труде. Последнее обстоятельство произвело на меня столь сильное впечатление, что, когда десятки лет спустя мне потребовался пример последовательной и непротиворечивой лингвистической терминологии, выбрал именно терминологию «Русского именного словоизменения».

Несколько слов хочу сказать теперь о другом результате деятельности А. А. Зализняка, — результате из области для меня более далекой и менее знакомой — из области истории русского языка.

В июле 2000 года в Великом Новгороде при проведении Новгородской археологической экспедиции была сделана уникальная находка: в слое первой четверти XI в. была найдена древняя книга (кодекс) с текстом, написанным по воску. Книга представляла собой три липовых дощечки размером 19x15 см. В каждой дощечке было прямоугольное углубление, залитое воском; на средней дощечке такие углубления сделаны с двух сторон. Таким образом, были найдены четыре восковых страницы, внешние стороны первой и последней дощечек играли роль «обложек» кодекса. Это стало настоящей исторической и археологической сенсацией, которая, сделавшись достоянием гласности для историков и филологов, к сожалению, не получила должного отклика в средствах массовой информации, в образовании, в рекламе, хотя по своей значимости для русской и славянской культуры и ее истории это было грандиозным открытием (по своей

значимости оно сравнимо, скажем, с обнаружением Синайского кодекса Библии в 1844 г. для истории Нового завета). Но в чем же уникальность и первостепенная значимость этого открытия и какова в нем роль А. А. Зализняка?

Во-первых, эта находка опровергала существовавшее тогда весьма авторитетное мнение о том, что на Руси не было письма по воску (что наблюдалось в Древней Греции, в Риме и средневековой Западной Европе). Во-вторых, открытие представило миру самые первые в истории тексты, написанные кириллицей. Наконец, в-третьих, текст, выдавленный на воске, покрывающем дощечки, не был единственным текстом: помимо этого основного текста, на дощечках были найдены значительно превосходящие его по объему «скрытые тексты», либо сохранившиеся в виде отпечатков на дереве под воском, либо процарапанные прямо по дереву. Здесь самое время сказать об исключительной по значимости работе нашего соотечественника, суть которой названа, на первый взгляд, не вполне уместным словом «расшифровка». Дело именно в открытии и «раскрытии» этих скрытых текстов. Основной текст читается специалистами довольно легко и надежно и представляет собой 75-й, 76-й и частично 67-й псалмы из Псалтыри. Впрочем, для лингвистического анализа этого текста, разумеется, нужна также достаточная квалификация, которая позволяет установить, что перед нами «памятник иного периода развития русской письменности, чем памятники второй половины XI века» и что «в сущности перед нами еще просто старославянский текст» [Зализняк 2003: 193]. Однако основной заслугой и блестящим результатом работы академика с древнейшим памятником русской письменности является описание именно его «скрытых текстов», нескольких слоев записи разных сочинений. Вот что сам академик об этом пишет: «Новгородский кодекс представляет собой род палимпсеста. Однако от обычных палимпсестов (где наложено друг на друга два-три текста, изредка несколько больше) он отличается тем, что “слоев” в нем во много раз больше... Работа с Новгородским кодексом аналогична, таким образом, попытке прочтения копировальной бумаги, использованной много раз... Саму же операцию распутывания наложенных друг на друга записей можно квалифицировать как их расшифровку (понимая этот термин в том более широком смысле, когда необязательно предполагается, что текст сознательно зашифровался)» [Зализняк 2003: 194–195].

Однако, отдавая должное труду распутывания нескольких текстовых наложений, не будем «зацикливаться» только на этих аспектах работы. Поучительнее описание тех вопросов, которые ставит исследователь и ответы на которые он либо предлагает сам, либо оставляет для тех, кто пойдет следом. Эта картина настолько интересна и настолько характер-

на для гуманитарного знания в отличие от знания, вырабатываемого естественными и техническими науками, что позволю себе просто перечислить эти вопросы, оставляя для заинтересованного читателя возможность прямого доступа к ответам на них в работах А. А. Зализняка, имеющих, в частности, в Интернете.

Вот этот далеко не полный список.

а) Автор основного текста и автор «скрытых текстов» — это один и тот же человек или это разные люди? (Кстати, интересно даже просто подумать на тему того, как это можно установить, когда подписи никто не ставит!)

б) Сколько и какие именно сочинения содержат «скрытые тексты»?

в) Сочинения «скрытых текстов» вторичны (т. е. они являются переводами с иных оригиналов) или их авторство первично и они принадлежат перу (правильнее было бы сказать «писалу») современника начала XI в.?

г) Какова их хронология и какие из них написаны раньше, а какие — позже?

д) О чем эти сочинения, к какому жанру они относятся и что их все объединяет?

е) Имеются ли предшественники этого жанра?

ж) На каком языке написаны эти сочинения и каковы его лингвистические характеристики, если их сравнивать с ближайшим по времени языком памятников XI в. (и в первую очередь с Остромировым Евангелием)?

з) Кто автор или авторы этих сочинений и что можно о нем или о них сказать, если судить по содержанию сочинений?

В частности, особо важным — в связи с религиозно-церковным содержанием этих сочинений — становится вопрос об особенностях, если таковые имеются, вероисповедания авторов. Список вопросов можно было бы и продолжить, но, если вспомнить, что речь идет о самой ранней славянской книге, думаю, что и без продолжения ясна значимость ответов на них...

Несколько слов о результатах исследования «Слова о полку Игореве», создание которого предположительно относилось к XII в. и текст которого нам известен по сгоревшей рукописи XVI в., принадлежавшей А. И. Мусину-Пушкину (именно подлинность этой рукописи после ее уничтожения пожаром 1812 г. и подвергалась сомнению на протяжении более двух веков в пользу поздней подделки XVIII в.). А. А. Зализняк сумел доказать подлинность «Слова» изысканным и в то же время весьма убедительным способом. Аргументы опираются на закономерности древнерусского языка, которые были установлены значительно позже, чем время предполагаемой подделки — вторая половина XVIII в.; в случае фальсификации эти закономерности (открытые часто самим А. А. Зализняком) должны были бы а) быть известны предполагаемому имитатору XVIII в., б) храниться в тайне от современников и в) использоваться в процессе подделки, что совершенно невероятно.

Снова предоставим слово самому академику: «Русские рукописи XI–XVI веков можно подразделить так: 1) созданные в XI–XIV веках и дошедшие до нас в записях той же эпохи; это чистый древнерусский язык во всех его аспектах (грамматика, фонетика, орфография); 2) созданные в XI–XIV веках, но дошедшие в списках XV–XVI веков; здесь сохраняется древнерусская грамматика (иногда с некоторыми ошибками), но писец уже произносит слова не по-древнему, а в соответствии с фонетикой своего времени и записывает по более поздней орфографии; 3) созданные в XV–XVI веках; это уже более поздняя («старовеликорусская») не только фонетика и орфография, но и грамматика.

Лингвистический анализ «Слова о полку Игореве» дает следующий результат: все основные характеристики (фонетические, орфографические, морфологические, синтаксические) здесь такие же, как в памятниках второй из этих трех групп. <...> «Слова» совпадает с памятниками второй группы по нескольким десяткам параметров, в том числе таких, где соответствующее грамматическое правило отличается высокой сложностью. Даже имеющиеся в тексте «Слова» ошибки — в точности такие же, какие характерны для писцов XV–XVI веков. Никаких языковых элементов, которые принадлежали бы языку XVIII века и не могли бы в то же время принадлежать языку переписчиков XV–XVI веков, в тексте «Слова» нет». Отсюда делается эlegantный вывод: «Лингвист, равный по потенциалу совокупности десятков и сотен своих более поздних коллег, — несомненно, безмерный гений. И столь же уникально и его поведение: будучи великим ученым, он не оставил потомкам ни слова обо всех своих открытиях, вместо этого пожелав для себя полной вечной безвестности. Итог анализа языка «Слова о полку Игореве» таков: подделка не является абсолютно невозможной, но ее можно допустить только в том предположении, что ее осуществил некий гений, причем пожелавший полностью скрыть от человечества свою гениальность» [Зализняк 2008: 406].

Я не был лично знаком с Андреем Анатольевичем Зализняком, более того, я даже ни разу не присутствовал на его лекциях (не считая некоторых телевизионных передач). Только раз мне довелось говорить с ним по телефону, причем во время разговора я выступал в роли маленького чиновника, а от самого разговора у меня осталось впечатление о настоящем отношении Андрея Анатольевича к этой касте. В тот раз, как кажется, такое отношение лично для меня было не очень позитивным. Однако с какой ясностью и с каким удовлетворением я осознал, что мои предположения верны, когда уже много лет спустя я прочитал в его речи на официальной церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына формулировку его, так сказать, общего кредо по отношению к чиновничеству, карьере, почестям!

Предоставим слово самому Андрею Анатольевичу: «В моей жизни получилось так, что моя самая прочная и долговременная дружеская компания сложилась в школе — и с тех пор те, кто еще жив, дружески встречаются несколько раз в год вот уже больше полувека. И вот теперь мне ясно, насколько едины мы были в своем внутреннем убеждении (настолько для нас очевидном, что мы сами его не формулировали и не обсуждали), что высокие чины и почести — это нечто несовместимое с нашими юношескими идеалами, нашим самоуважением и уважением друг к другу. <...> Мы понимали так: если лауреат Сталинской премии, то почти наверное угодливая бездарность; если академик, то нужны какие-то совершенно исключительные свидетельства, чтобы поверить, что не дутая величина и не проходимец. В нас это сидело крепко и в сущности сидит до сих пор. <...> Разумеется, материальные успехи определялись официальной иерархией, а не подпольной. Но мы же в соответствии с духом эпохи смотрели свысока на материальную сторону жизни. Западная формула: «Если ты умный, почему же ты бедный?» — была для нас очевидным свидетельством убогости такого типа мышления» [Зализняк 2007].

А вот еще один очень характерный пассаж из той же речи, свидетельствующий об общем отношении А. А. Зализняка к истине вообще и к научной истине в частности. И здесь, как и в приведенном выше случае, он делает, возможно, ныне не самые популярные заявления. Снова лучше привести цитату: «...я, к сожалению, ощущаю распространение взглядов и реакций, которые означают снижение в общественном сознании ценности науки вообще и гуманитарных наук в особенности. Разумеется, в отношении гуманитарных наук губительную роль играла установка советской власти на прямую постановку этих наук на службу политической пропаганде. Результат: неверие и насмешка над официальными философами, официальными историками, официальными литературоведами...

Мне хотелось бы высказаться в защиту двух простейших идей, которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно.

- 1) Истина существует, и целью науки является ее поиск.
- 2) В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант.

Им противостоят положения, ныне гораздо более модные.

- 1) Истины не существует, существует лишь множество мнений (или, говоря языком постмодернизма, множество текстов).
- 2) По любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный

вызов биологической науке. Это поветрие — уже не чисто российское, оно ощущается и во всем западном мире. Но в России оно заметно усилено ситуацией постсоветского идеологического вакуума» [Зализняк 2007].

Надо иметь определенное мужество, чтобы публично высказываться подобным образом, без опасений неодобрения со стороны не только и не столько властей предрержащих, сколько со стороны своих же коллег-ученых. Вообще, сочетание высочайших научных достижений и принципиальности общественной позиции в исследователе было абсолютно естественным, хотя соединение высочайшего профессионализма и чистоты общественной позиции — весьма редкое явление. В связи с этим хочу напомнить одно обстоятельство.

Среда членов-корреспондентов и академиков Российской академии наук — особая среда. Не стоит забывать, что, испытывая при различных режимах постоянное давление власти, они все же сами себя выбирают на весьма и весьма ограниченное количество квотных мест и в этом смысле сами себя воспроизводят. Поэтому, помимо, так сказать, социальной и профессиональной общности, их связывают еще и логично возникающие личные и клановые интересы, когда принцип «Лучше плохой мир, чем хорошая война» особенно значим. С этой точки зрения различные обвинения, полемика и резкая критика, допустимые внутри академического сообщества, крайне нежелательны и болезненны при выносе наружу. Это понятно. Но как быть, если заблуждения внутри авторитетной, можно сказать «по определению», социальной страты начинают играть заметную общественную роль, охватывают все большие коллективы, находят все больше активных последователей среди людей, далеких от научной деятельности и в этом смысле вполне рядовых, обычных людей? Как быть, если принципы, лежащие в основе соответствующих взглядов, противоречат самим основам научного мышления и научной деятельности, превращаясь в принципы коммерческого мероприятия, и тем самым угрожают науке как феномену человеческой культуры? Да, я говорю сейчас об учении о «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко и его последователей, которое получило огромное распространение в 80–90-е гг. XX в., да и сейчас имеет немало сторонников. Позиция А. А. Зализняка и некоторых других академиков в этой ситуации с моральной точки зрения оказывается безукоризненной. Что касается А. А. Зализняка, то достаточно прочесть его большую статью в сборнике Русского исторического общества (том 3) за 2000 год «Лингвистика по А. Т. Фоменко», чтобы понять и абсолютную неприемлемость взглядов автора «новой хронологии», и их уничтожающую критику, и в то же время классическую ясность и академичность самого тона этой критики. А ведь были еще и многочисленные устные выступления на этот счет в разных аудиториях, включая и студенческую публику...

Таково очень фрагментарно высказанное сугубо частное отношение к личности А. А. Зализняка. Когда в декабре 2017 г. Андрея Анатольевича не стало, на его похоронах в Президиуме Российской академии наук в речи некоторых выступавших прозвучали выражения «Моцарт филологии», «Моцарт лингвистики». Все сравнения условны, но читать и понимать Андрея Анатольевича, может быть первого лингвиста мира, — сродни восприятию музыки Моцарта. Это факт.

Литература

- Зализняк А. А. Истина существует, и целью науки является ее поиск. Речь А. А. Зализняка на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына 16.05.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodon.org/zaa/isisnyaep.htm> (дата обращения: 12.03.2020).
- Зализняк А. А. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» // Вестник Российской академии наук. 2008. Т. 78. № 5. С. 403–406.
- Зализняк А. А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. С. 190–212.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 372 с.

References

- Zaliznyak A. A. *Istina sushchestvuet, i tsel'yu nauki yavlyaetsya ee poisk. Rech' A. A. Zaliznyaka na tseremonii vrucheniya emu literaturnoi premii Aleksandra Solzhenitsyna 16.05.2007* [Truth exists, and the goal of science is its search. Speech by A. A. Zaliznyak at the ceremony of awarding him the literary prize of Alexander Solzhenitsyn 05.16.2007]. Available at: <http://www.rodon.org/zaa/isisnyaep.htm> (accessed 12.03.2020).
- Zaliznyak A. A. [The problem of authenticity “The Word of Igor’s Campaign”]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2008, vol. 78, no. 5, pp. 403–406. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. [Problems of studying the Novgorod Codex of the 11th century, found in 2000]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XIII Mezhdunarodnyi s’ezd slavistov. Lyublyana, 2003 g. Doklady rossiiskoi delegatsii* [Slavic linguistics. 13th International Congress of Slavists. Ljubljana, 2003. Reports of the Russian delegation]. Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 190–212. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 372 p.